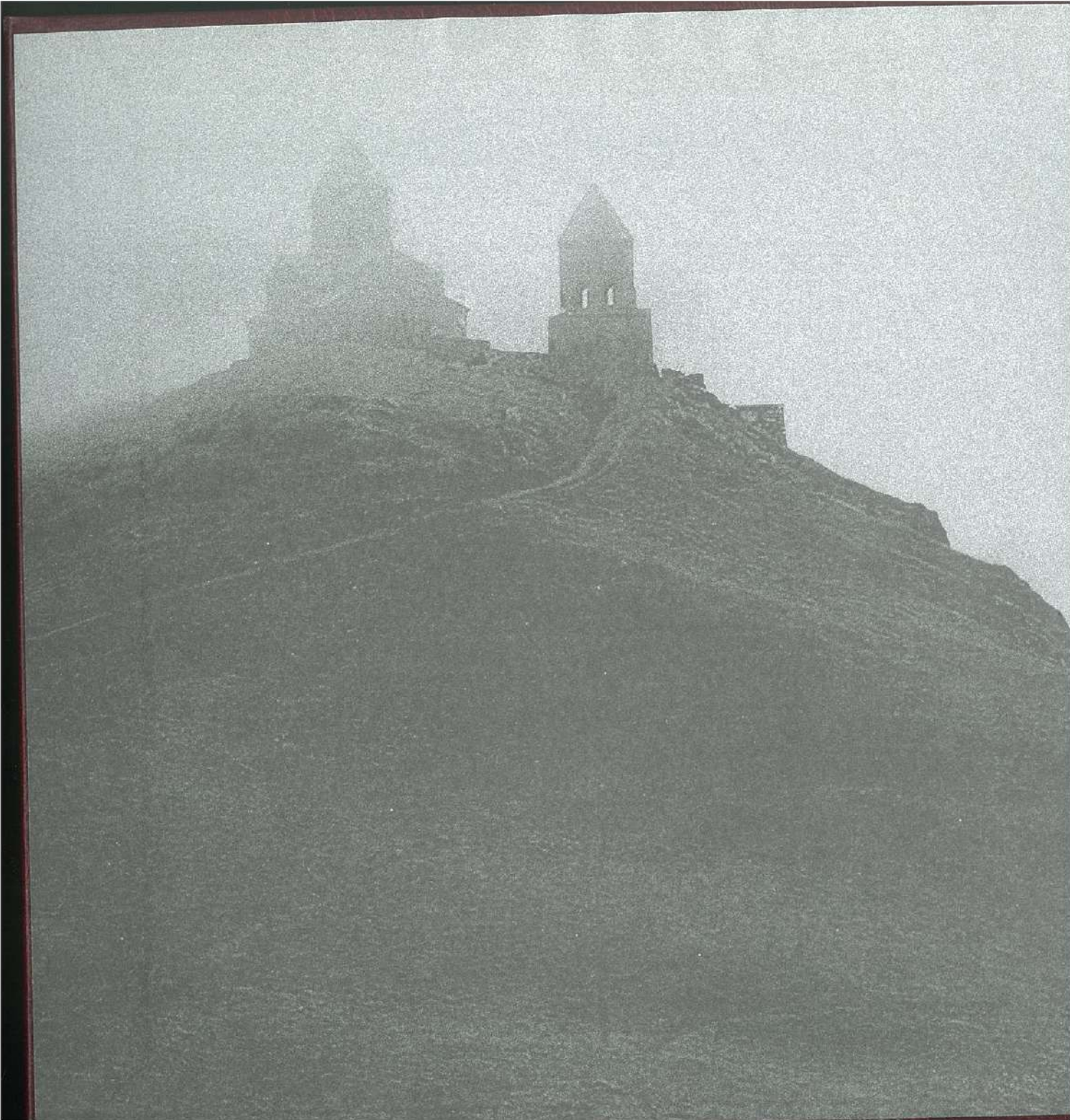
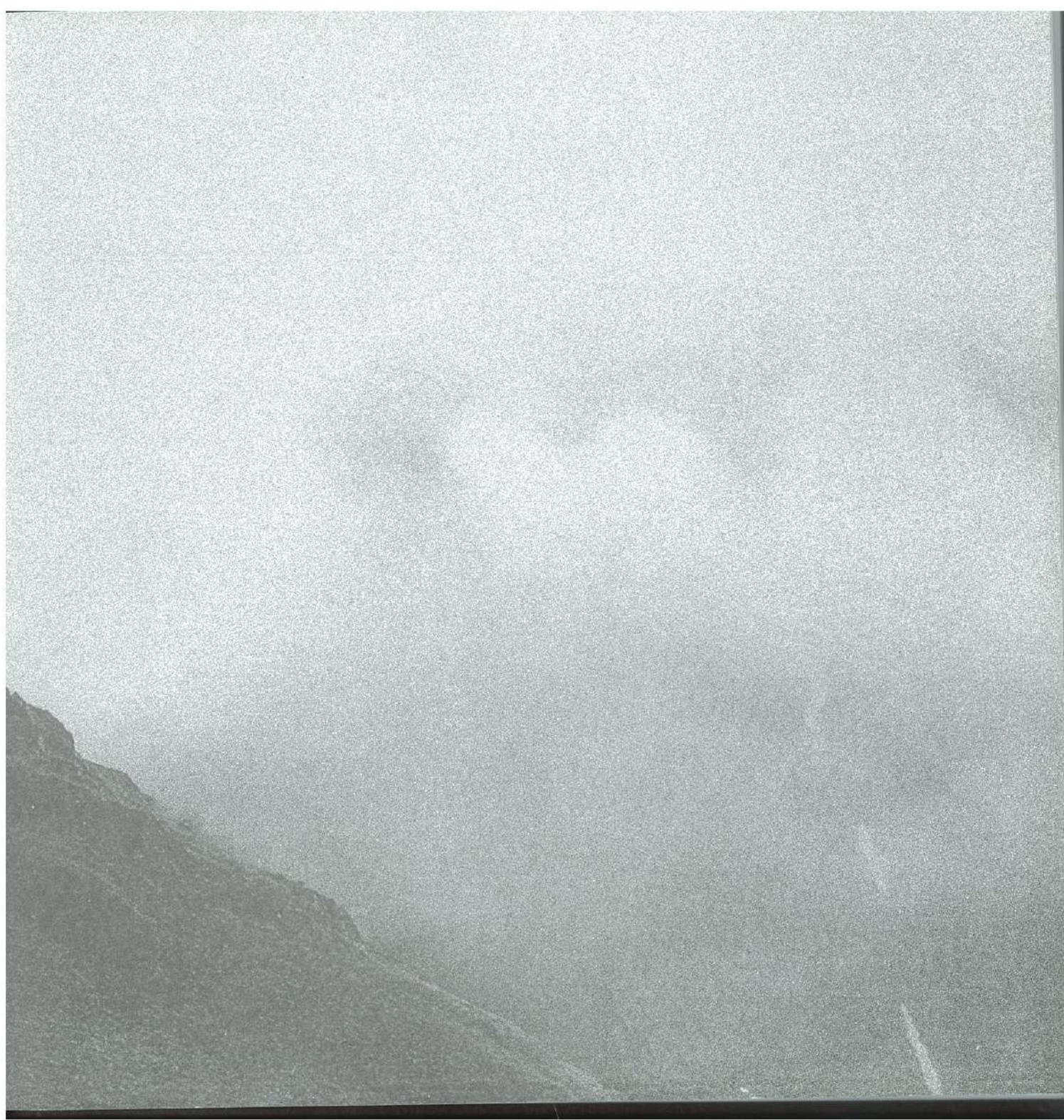
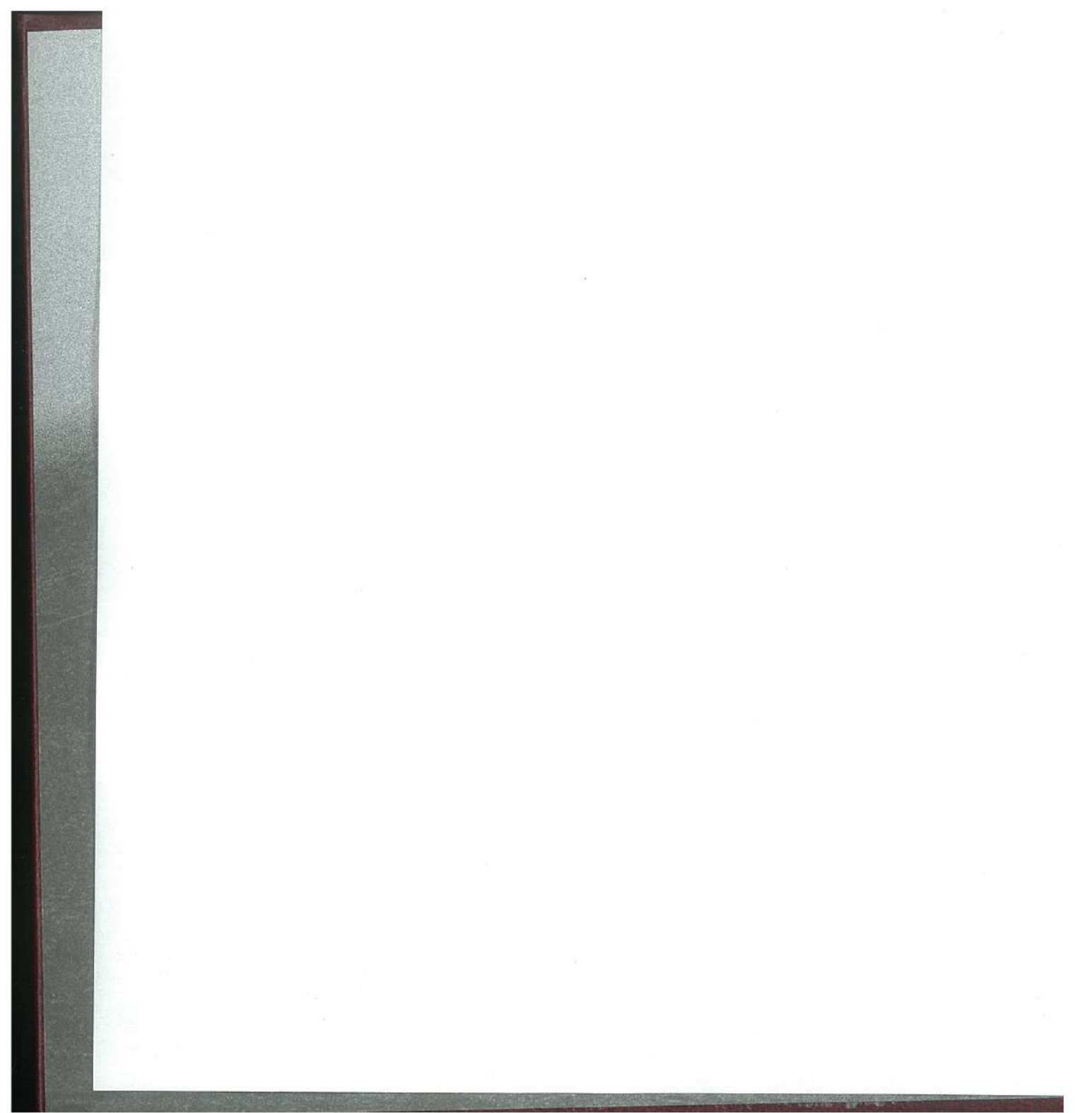

Новые сны о Грузии

МЕЖДУНАРОДНЫЙ
КУЛЬТУРНО-
ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ
«РУССКИЙ КЛУБ»

Новые сны о Грузии

ТБИЛИСИ, 2011

Издатель – МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «**РУССКИЙ КЛУБ**»

Издание осуществлено при поддержке

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА «**КАРТУ**»

ФОНДА «**РУССКИЙ МИР**»

Руководитель проекта **НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ**

Составитель **АЛЕНА ДЕНЯГА**

Редактор **АРСЕН ЕРЕМЯН**

© «Русский клуб»

ISBN 978-9941-9208-4-4

www.russianclub.ge

rusculture@mail.ru

МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

Создан в 2003 году, входит в Международный союз российских соотечественников (Москва). Он объединяет более пяти тысяч людей разных национальностей, которым далеко не безразлично прошлое, настоящее и будущее русско-грузинских отношений. Главная задача «Русского клуба» - всестороннее развитие сотрудничества, дружбы и взаимопонимания между двумя независимыми государствами, Россией и Грузией, на основе цивилизованных принципов. Деятельность союза охватывает самые разные сферы жизни и направлена на поддержание, укрепление и развитие взаимосвязей двух стран в области культуры, искусства, образования, науки, спорта, туризма. Одна из целей – содействие в становлении гражданского общества, утверждение принципа социальной справедливости, включающей необходимость равноправия представителей разных национальностей, проживающих в Грузии, взаимного уважения их интересов и ценностей и создания условий для свободного развития национальных языков и культур. «Русский клуб» верит в огромный потенциал народов, проживающих в Грузии, и старается объединить людей с разными взглядами, но общими ценностями, воспитанных на русской культуре, объединить творческую, техническую, гуманитарную интеллигенцию, деятелей науки и культуры, а также представителей всех слоев нашего общества.

Международный культурно-просветительский Союз «Русский клуб» надеется внести свой вклад в укрепление и развитие культурных и общественных взаимоотношений между Россией и Грузией, что будет способствовать улучшению имиджа страны и продолжению многовековых духовных традиций.

СВЕНТИЦКИЙ НИКОЛАЙ

Президент Международного культурно-просветительского Союза «Русский клуб». Руководитель издания общественно-художественного журнала «Русский клуб». Награжден Орденом Ломоносова за заслуги и большой личный вклад в консолидацию русского мира и укрепление связей соотечественников с исторической родиной, Почетным знаком «За вклад в укрепление сотрудничества с Россией», медалью В. С. Розова «За вклад в отечественную культуру», а также дипломом V Всероссийского конкурса премии «Хрустальная роза Виктора Розова». Кавалер Ордена Дружбы. Заслуженный деятель искусств РФ.

СНЫ О ГРУЗИИ – НАВСЕГДА

В июне 2011 года в Грузии прошел V Международный русско-грузинский поэтический фестиваль «Сны о Грузии». Когда мы задумывали первый фестиваль, было почти невозможно представить, что пять лет спустя мы будем праздновать свой первый, небольшой, но все-таки юбилей, что фестиваль будет набирать силу с каждым годом, что за это время его гостями станут в общей сложности более пятисот гостей из почти пятидесяти стран мира, что стихотворения грузинских поэтов в переводе на русский язык зазвучат во многих уголках земли – стихотворения, переведенные с любовью и тем дружеским чувством, которое и зарождалось на наших фестивалях.

Пять лет назад это все показалось бы нам чудом. Но оно произошло. Оно продолжается, и не перестало быть чудом, как не перестает быть чудом настоящая поэзия.

Пятый фестиваль мы назвали «Сны о Грузии». Ведь что нас объединяет в течение десяти летних дней на протяжении последних пяти лет? Поэзия и Грузия. Именно так когда-то назвала свою книгу, изданную в нашей стране, несравненная Белла Ахмадулина.

Потому и юбилейный сборник называется «Новые сны о Грузии». Дружбу когда-то скрепляли кровью, а грузинские и русские поэты братаются переводами и еще тем, что публикуются – под одной обложкой в наших фестивальных сборниках.

Юбилейная книга, на страницах которой вы прочтете произведения грузинских и русских поэтов, – не только подтверждение, но и опровержение. Опровержение того, что «музы молчат», что народы настороженно относятся друг к другу, «арба перевернулась» и людям не до творчества. Это не так, потому что вы держите в руках «Новые сны...»

Следующие поколения будут о нас судить не только по учебникам истории, но и по книжкам поэзии. И что вернее расскажет о дне сегодняшнем? Слова злопыхателя забудутся, бездарность камнем пойдет на дно Леты, а замечательные стихотворения прочтут внуки наших внуков.

В 2011 году «Русский клуб» провел конкурс молодых русскоязычных литераторов Грузии, первый в истории страны, Толстовские дни в Грузии и конкурс молодых грузинских художников «Мир Толстого» – тоже впервые. Лауреаты конкурсов получили самый, пожалуй, дорогой подарок – их стихотворения и картины опубликованы в этой книге под одной обложкой рядом с прославленными именами.

Мастера литературы и начинающие литераторы объединились, и книга «Новые сны о Грузии» станет, я не сомневаюсь, не только явлением искусства, но и счастливым свидетельством того, что наша сегодняшняя жизнь, конечно, напряжена, но, как видим, не настолько, чтобы помешать поэтам творить и дружить.

ЧАСТЬ I

ПО ИТОГАМ V
МЕЖДУНАРОДНОГО
РУССКО-ГРУЗИНСКОГО
ПОЭТИЧЕСКОГО
ФЕСТИВАЛЯ
«СНЫ О ГРУЗИИ»

АВСТРИЯ

Надя Урьбль

Я пришла к вам
друзья – генацвале,
гамарджоба, родные мои!
В кубке счастья
священном Граале,
Пусть воскреснут
счастливые дни!

Я пришла к вам
с любовью, встречайте!
До утра
по душам разговор,
Ахашени бокал
наливайте,
накрывайте
скорее на стол!

Я пришла к вам,
станцуем лезгинку,
ноги снова
пускаются в пляс,
ну а после
затянем Калинку,
ПОРОДНИТ
небо Грузии нас!

Я пришла к вам
залечивать раны
нашей общей
когда-то страны,
мы помянем
отцов-ветеранов,
той далекой
священной войны!

Я пришла к вам —
кавказские горы,
опьянили
свободой меня,
славной Грузии
вижу просторы,
для тебя
эта песня моя!

*Поэт, художник. С 1993 г. живет в Австрии. Член Союза
русскоязычных литераторов Австрии.*

Арина Мамедова

ПОСВЯЩЕНИЕ КУРЕ

Возьми, Кура,
 на память две монеты,
 Но поклянись царем речным за это,
 Что будешь помнить —
 присно и вовек —
 Мое лицо, склоненное над ленью
 Твоих неповторимых завихрений...

Мутнейшая из всех знакомых рек,
 Мистическая, словно откровенье,
 Возьми, Кура, мои стихотворенья,
 Как ты берешь отжившие листья
 Дерев окрестных, камешки и соры
 Тбилисских улиц...
 С сердцем в вечной ссоре,

Рассудок говорит: «Забить. Остыть.
Скатать в рулон,
закинуть вверх на полку.
На лоскуты, в изгнание, в кладовку...»

Но сердце знать не хочет ничего —
Опять качает память, словно зыбку.
И вновь течет Кура —
 мутна и зыбка,
Резвится в кронах птичье дурачье...

Над тротуаром низко пролетая,
Я ясно вижу, как вокруг растёт
Тот город, где никто не умирает,
А только виден быть перестает...
Тот, где меня зовут не мной,
 а Ниной,
А дом, где трубки, книги и картины
Всегда открыт для мужниных гостей —
Профессоров, поэтов и актеров...
Где истина в застольях, а не в спорах
Рождается скорее и верней.
Где вырастив возлюбленных детей,
Я с внуками теперь гуляю в парках,
Пеняя августу, что слишком жарок,
А февралю, что ветрен и дождлив...
Расслышав слабый колокол вдали,
Крещусь на церковь,
 узкую как рея,
Смотрюсь в Куру и утекаю с нею
В какие-то иные города
И измеренья... Обо мне жалея,
Мне смотрят вслед фонарная звезда,
Рассветный дворник
 и грифон знакомый
(Тот, в медальоне, третий от угла...)

Но главное: я все же здесь была,
Все это обозначив словом «дома»...

...Что это за спиною?..
Двери стук?..
Иль всплеск Куры, подарком недовольной?

Иль сердца бой —
ликующий и вольный
У бронзовых влюбленных на мосту?..

ПОСВЯЩЕНИЮ ЛИВНЮ,
ЗАСТАВШЕМУ НАС НА ДОРОГЕ В КУТАИС

Дождь, как ястреб,
камнем канет
С поднебесья вниз
На притихший, на туманный
Летний Кутаис.

Хлещет прямо,
хлещет косо,
Парком шелестит.
Невеличка-Маяковский
Под дождем стоит.

Ну что, горлан,
взгляни чадменно
На своих гостей...
Дождь, изрешетивши стены,
Хлещет, как кастет,

В лица памятников
встречных,
Пеною кипит.
И бежит ручьем беспечным
Вдоль собачьих спин.

- Что Вам нынче снится,
классик —
Глыба и скала?..
Революции прекрасной
Ласки и хула?..

Алый цвет ее приборя,
Лиля... сон... Париж...
И парит над головою
Ангел или стриж.

Мама, сестры... детство... лето...
Давняя гроза...
Снова небо щурит бледно-
Серые глаза.

Стайку вымокших поэтов
Прикормив с руки
Крошкой будущих бессмертий,
Зернами тоски

По грядущим постаментам...
Посреди дождя
Остается классик бедный.
Глянуть уходя:

Кутаиси... ливень... лето...
Радуги мираж,
В арке – вымокших студентов
Пестрый ералаш.

Ждет автобус терпеливый
Чуть поодаль нас –
Словно в чреве яркой рыбы
Поплывем сейчас

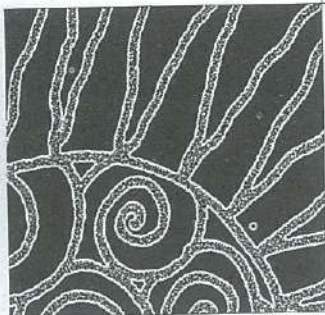
По затонам, по протокам
В ливневую даль.
Припадет щекою к окнам
Синяя печаль.

Всласть наплакавшись,
вздыхают
Духи туч и гор.
И как будто бы стихами
Говорит шофер

В свой мобильный,
папироске
С остановкой рад...
Словно юный Маяковский,
Худ, угрюм, крылат.

*Поэт, переводчик, журналист. Член Союза писателей и
Союза журналистов Азербайджана. Заведующая отделом
поэзии журнала «Литературный Азербайджан». Автор трех
сборников поэзии.*

Каринэ Хадатова

Из цикла «В ПОИСКАХ УТЕРЯННОГО СНА»

ПОДРАЖАНИЕ

В обнимку с полной луной
 Смакую сон – спасительный, послушный.
 Двери скрип царапнул слух:
 На цыпочках ты замер робко у порога
 В дремотно-зыбком интерьере –
 В пяти шагах от моих объятий,
 Занятых «подушкой» пухлой,
 Притворно полусонной и желто-нежной,
 «Совсем как луна...», – вскольз подумал ты
 И уединился в своей половинке сна.

А утром я будить тебя не стала...
Жареной картошки аромат
Вернул тебя в мои объятия.
«Знаешь, — и вилок подцепил ты картошки дольку, —
А я во сне обнимался с пухлой,
Сладострастной... полурумяной, жгучей...»
«Ах вот из-за кого меня не разбудил ты!..»
Я, собственно, шутила.
«Ядреной, желто-нежною... луной...»

Всю ту ночь, не сомкнув глаз,
Ревностно луну я сторожила...
Берегла явь на подступах ко сну.
Разбуженная влажным жадным поцелуем,
Зажмурилась — устроилась
В твоих объятьях по-хозяйски
И захлебнулась — от твоей кожи
Исходила стыдливо-ласковая лунная истома.

Завтра заря буйно-оранжевая
Полоснет по белизне тюля,
Точно пролившаяся краска,
Капризно неосторожная спросонья,
Ленивые вздрогнут ресницы,
Затянутся запахом сирени,
Промокшей под ночным дождем.
И мы заново начнем друг другу сниться.

НА СОН ГРЯДУЩИЙ

Окна и двери на балкон настезь, —
Женщина засыпает —

веером обмахивается,
то и дело вздыхает беспокойно.

Девочка засыпает —

и куклу продолжает баюкать,
которая глаз не сводит
с взвившегося к потолку пляшущего веера.

Девушка засыпает —

и в руках сжимает кольцо,
а во сне втихаря снова
на палец его надевает.

Старушка с трудом, наконец, засыпает —

и только во сне вдруг вспоминает,
что забыла на ночь
снять протезы зубные.

И вздрагивает веер, закрывается,
И опускается в граненый стакан с водой.

Женщина замирает —

скрипнула, как пискнула, кровать,
муж вернулся, и полночь уже позади...

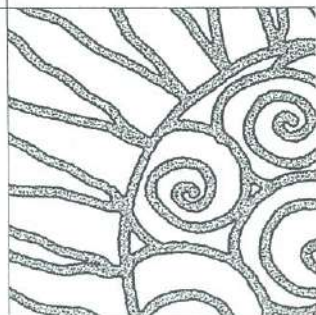
Тбилиси — Ереван, 2011

Переводчик, журналист, поэт. С 1989 г. член Союза писателей Армении, с 1996 г. — Союза писателей Москвы. Переводчик армянской художественной и документальной прозы на русский язык.

Валентина Пошканца

БЕЛАРУСЬ

Из цикла стихов
«ГРУЗИНСКИЙ ДНЕВНИК»

1

Богатые, яркие краски –
И мудрой земли благодать...
Я помню грузинские сказки:
Их мама любила читать.

О, Грузия светлая, где ты?
Со мной твой отменный товар.
Пропитаны улочки летом,
И пахнет приправой базар,

И дворик июлем обласкан,
И каждый мальчишка прощен...
О, Грузия – мамина сказка, –
Как долго я буду еще

Во сне к тебе бегать украдкой,
Молиться и бредить виной?
Любовь моя, отдых мой краткий...
Нет, ты не шутила со мной.

2

БАТУМИ

Батуми – город радости и солнца,
Гармония углов, кругов и линий...
Пусть эта встреча словом обернется,
Как обернулся чудом хвост павлиний.

Поэты ждут от жизни впечатлений:
Они нужны им даже больше пищи.
Батуми – город праздности и лени –
Уже в черте моей бумаги писчей.

3

И скачет мяч, и судьбами играет...
Причудливые образы в строке.
От зноя даже море замирает,
Откуда вдруг кузнечик... на руке?
И бабочка, усталая, из Рая –
Как солнце, прислоненное к щеке.
Кораблик осторожный вдалеке.
И скачет мяч, и судьбами играет...

4

ТБИЛИСИ

Принимай, Кура, монетку в воду.
Узнавай, рука, цветы и листья.

Я опять вдыхаю этот воздух.
Я опять гуляю по Тбилиси.

Обнимают дворики душевно,
Как и люди, ставшие судьбою.
Вековечный, сказочный, волшебный,
Смотрит город в небо голубое.

Дом с балконом, каменная арка,
Куст магнолий, дремлющий и шаткий.
И старик-фотограф в старом парке
Сторожит усталую лошадку.

5

Брежу Грузией... Экая шалость!
Вот и вечер мой тихий исчез.
Отрешенье... Секунда осталась
До реки, до горы, до небес.

Ненадолго мы свиделись. Здравствуй!
Но опять меня ветер унес.
Раздвигается морем пространство
До тоски, до разлуки, до слез.

Память – росчерк: легко, без нажима...
Но зачем мое сердце болит?
И сжимается время пружинно
До любви, до стихов, до молитв.

*Поэт, переводчик, журналист, член Союза писателей
Беларуси, Союза писателей России и Международной
Федерации русскоязычных писателей. Автор нескольких
книг поэзии.*

БОЛГАРИЯ

Надя Попова

БЛЮДО ПО ГРУЗИНСКОМУ РЕЦЕПТУ

По возвращении домой,
когда еще не сняты с чемодана ярлыки,
если появится внезапно чувство голода
(но не в желудке, а в груди) –
отмерь без промедления
10 вселенских ложек чуда,
добавь туда желток батумского заката,
щепотку гальки, пену волн,
посыпь коричневатой солью
тбилисских храмов,
и не забудь базилик и шафран
с холмов поклонных,
лавровый лист с надгробий Пантеона,

пучок кинзы из сморщенной старушечей руки,
и чернослив, похожий на глаза детей грузинских;
не бойся горько-острых ощущений –
они, как и приправы пряные, целебны.

Попробовав на вкус,
все это перемешай,
но не давай ему остыть,
не отдавай его забвению, –
пусть навсегда в душе осядут,
пусть рвутся из нее все эти
немыслимые лица, голоса,
неистовство и умиротворенность,
пещеры и вершины,
вера и сомненье,
поэзия,
и пир горой, и Пиросмани...

...пока струи Куры сливаются неспешно
с линией Жизни на твоей руке.

Тбилиси, 2011

В этом городе все исполнено музыкой –
песнопений и колоколов,
шарманки безхитростных звуков
на углу улицы Шардена,
соловьиными трелями в кроне дерева
под окном ...

В этом городе все исполнено –
старинной и величием, от которых
дыханье стесняет,
красотой полинялых фасадов
и балконов резных с бельевыми веревками,
от которых сердце щемит...

В этом городе все,
что превращает существование в жизнь.

В переулках горбатых его
душа моя выпрямляется,
прежде чем разбежаться
и взлететь.

БАТУМИ, ПАРК У МОРЯ

Как только пытаешься сфотографировать павлина,
распустившего веером роскошный хвост –
он тут же поворачивается задом.
Стоит долго в этой позе,
словно поддразнивая тебя:
«Ну что, полюбуйся, искательница ракурсов!
У любой красоты своя изнанка...»
До свиданья, красавец!
Глаза на твоих – с переливами – перьях
незрячи.

Равиль Бухараев

Птиц полевых ночные крики,
блестит и колется стерня...
Та женщина читает Рильке,
который темен для меня.

Поля над берегом зависли,
по-над серебряной тропой...
Та женщина живет в Тбилиси,
но по-грузински я – немой.

Вода черна, вода глубока,
прошел случайной встречи срок...
Она в Тбилиси одинока,
как я в полях не одинок.

ЧУЖОЙ ЯЗЫК

В Тбилиси траурном и снежном,
где умерли мои слова,
заскрежетала по железу
платана ржавая листва.

Февральской оттепельной ночью,
февральской ночью золотой
мне душу разрывало в клочья
новорожденной немотой!

А за окном, на склоне черном —
чтобы ручьям удобней течь, —
обычно и необреченно
грузинская звучала речь.

И я беспомощно сдавался,
не веря потому себе,
что так наивно попытался
прижиться в мире, как в семье...

Но потерялся, потерялся!

Так в детстве, от избытка сил,
во взрослых женщин я влюблялся,
и был уверен, что любил...

ВАЛЬС

Нина, Нина, как легки и как случайны
звуки вальса. Для чего же вы печальны?
Словно редкий дождь по черепичной крыше,
по клавиатуре — выше! выше! выше!

Капли, это капли... Маленькие руки
из фортепиано извлекают звуки.
Оплаывают свечи в бронзовом шандале.
Чувственные речи. Розы Цинандали.

Скоро пригодились музыки уроки.
Розового детства миновали сроки.

Правильные гаммы – первая заслуга
ранних наставлений вашего супруга.

Но, увы, жестоки правила искусства:
беглость ваших пальцев не заменит чувства.
Белый флер иллюзий! Лестное венчанье...
Нина, вальс прелестный – это обещанье.

Нина, вальс прелестный – сочиненье скуки.
Вальс тоски о страсти, музыка разлуки,
знаменье печали.

Оплывают свечи,
влажные ладони обжигают плечи, –
оживает ужас:
при венчальном звоне
звякнуло колечко о плиту Сиони.
Это все пустое, Нина, это случай!
Вкрадчивый учитель, музыкой не мучай!

Вальс! и до озноба душной ночи юга –
вальс! посередине замкнутого круга –
вальс! что шепчут губы в жаркой круговерти?
вальс! чужой и чуждый,
жадный шепот смерти.

Нина! Капли, капли по листве магнолий!
Разочарованье и скачки бемолей.

Ах, каприз поэта, музыканта речи!
В бронзовом шандале оплывают свечи...

*Поэт, прозаик, драматург, журналист и переводчик.
С начала 1990-х живет в Великобритании. Работает
продюсером на русской службе Би-Би-Си. Пишет стихи
на русском, татарском, английском и венгерском языках.
Автор нескольких книг стихов и прозы. Член СП СССР, СП
Венгрии, ПЕН-клубов Венгрии и США.*

Лидия Григорьева

Как в зелени батумской, в окруженье
махровых мхов, мохеровых стволов, —
тепло и влажно
от листьев, льющихся, как водопад отвесный,
от самой крепости старинной, поднебесной, —
в сторожевых развалинах Петра
тепло и влажно,
и легко — с утра
до вечера, от вечера до утра,
от розовой зари до перламутра
ночных небес над зеленью безбрежной.
Но снова день,
и ветреный, и нежный,
и ты летишь, как будто невесомый

бесплотный дух –
в морскую даль несомый.

Батуми, 1980

ДИКИЙ САД

Ползут лианы. И бубнит бамбук.
Снует, как звук, серебряный паук.
И здесь в тиши,
в растительной глуши,
в растительной дремучей полудреме,
где в маленьком вонючем водоеме
звенят червонцы рыбок золотых –
не угадать, которая из них
промолвить сможет: «Службу сослужу...»
Вода колючей ряскою изрыта.
Я потому так долго здесь брожу,
Что дома ждет разбитое корыто.

Батуми, 1980

САД В БАТУМИ

*«Вспоминаю твой рассказ в саду, перед фонтаном...
Как будто сновидение сфотографировано».*
А.Радашкевич – из письма

Нелегко не сдаваться летам
В городской непротыри.
Или-или: мы не были там,
Или все-таки были...

Золотой суетится паук,
Виснет липкая нитка...
Прорастает сквозь тело бамбук.
Даже это – не пытка.

Этот парк, этот рай, этот лес –
Тут душа заблудилась.

А деревья свисают с небес –
В этом я убедилась.

И фонтан, и пустой водоем,
Как в киношном повторе.
В этом кадре мы с сыном вдвоем...
Вот уж горе так горе.

Этот гром, этот град, этот грот –
Как на штык мою боль нанизали!
Чуть забрезжил спасительный брод
В пенном море азалий.

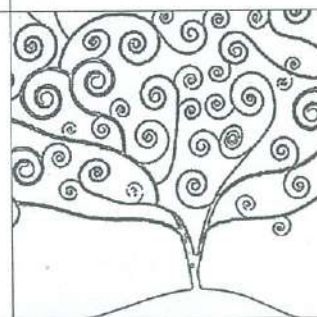
Как ни вечен мистический сад,
Вековечней разлука.
Легкий прочерк небесных глиссад.
Вот уж мука так мука...

Батуми, 2011

Поэт, прозаик, эссеист. Переводит поэзию с татарского языка. Автор сценариев документальных фильмов для Би-Би-Си и Российского телевидения. Член СП СССР.

Вальдемар Вебер

СТАРЫЕ ГРУЗИНКИ В ПРИМОРСКОМ КАФЕ

Они не купаются. Не совершают прогулок. Сидя под тентом в темных шелковых платьях, говорят о погоде, о внуках, о вчерашнем концерте в курзале... То, что в жизни у них осталось мало времени, не делает их суетливой. Казалось бы, огонь в них должен давно угаснуть, но это они ворошат остывающий пепел, не давая углям истлеть. Никто больше них не знает о запретных плодах, об искусстве сводничать, о напитках, врачующих тоску... Их руки, с таким достоинством подносящие чашечку кофе к бесцветным тонким губам, подобны пожелтевшим листьям в кроне лета, их жесты, обрамленные буйной зеленью веранды, полны грустной тайны, ведомой только им, только им одним — здесь в шуме пляжа, в этом царстве радостной плоти.

Пицунда, 1988

ГОРНЫЙ ПЕЙЗАЖ

Ничто не может сдержать ручья.
На нем держится все.

Аджария, 1988

A LA HANS ARP¹

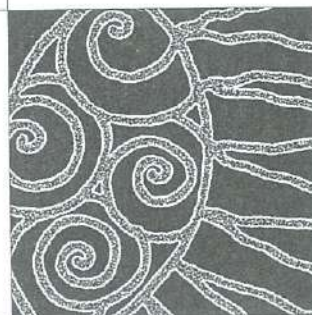
Мне так бы однажды хотелось
себе самому повстречаться
и простите за смелость
с самим с собой пообщаться
У меня к себе накопилось
столько вопросов
но говорящий со мной
это вечно кто-то иной
а подлинный я
далеко высоко
в какой-то мифической дали
Словом если меня не найдете
в альманахе или журнале
ищите на горной дороге
где-нибудь между Мцхетою и Жинвали

1 - Ганс Арп (1886 – 1966) – немецкий скульптор и поэт.

Поэт, прозаик, переводчик. Составитель многочисленных антологий немецкоязычной поэзии на русском языке. Основал в Германии два собственных издательства «Waldemar Weber Verlag» и «Verlag an der Wertach», выпускающие книги на немецком и русском языках. Живет в Аугсбурге (Германия).

Мачана Менабде

Отрывок из автобиографического романа
«ДЕНЬ ПОЛЕТА – СРЕДА»

«Тонэ» – в этом звуке есть что-то мягкое, пушистое, ласковое и радостное. Этот звук идет от живота, обнимает сердце, потом гортань, небо и, легко касаясь языка, выскакивая наружу, погружает тебя в необыкновенный аромат, который не сравнить с ароматом самых дорогих духов на свете. У этого звука есть своя температура и цвет. Он горячий и белый. Посудите сами – место, где пекут *тонис пури*, по определению должно быть светлым и горячим.

В движениях они удивительно изящны и легки. С пышным тестом в одной руке, свисая головой вниз, как ангелы в облаках, исчезают они в горящем *тонэ*. Через пару минут воздушный и

пушистый *тонис пури* уже готов. Как они прелестны, кормящие нас, утром и вечером, днем и ночью – *земные ангелы* грузинского хлеба.

Сколько раз доводилось видеть этих чародеев *тонис пури*, молчаливых, добрых, месящих тесто мудро, по-сократовски...

Тоска возникает внезапно. Ее приносят из окон вошедшие звуки, иногда запах весны, кофе, метро или подъезда... Что это – тоска? Радость или печаль? Наверно, и то и другое.

Я часто совершаю мысленные полеты в прошлое. И почему-то в этих полетах-возвращениях все выглядит лучше, радостнее, вкуснее, роднее. Все молоды, красивы и даже самые неприятные события приобретают особый вкус...

Совсем недавно написала эти стихи, в них тоже тоска по дому, по ушедшему моему детству... так сладко вспоминать о нем....

Альбом старинный – лица, лица...
Вот дом, вот лестница и птица.
И мальчики стоят втроем.
смеясь, не ведая о том,
что я смотрю на них...

Им солнце смотрит в спину.
Они пока у дома.
Пока горит закат.
Пока им вторят горы
и зреет виноград.
Пока печется хлеб
и суп горячий ждет в обед.
И между нами столько лет...
Пока ни лжи, ни мести нет.
И ложь не исказила черт.
Пока разлука далека.
Пока их не скосила смерть.
Пока они стоят втроем,
и за спиной их отчий дом.
Беспечность им целует лоб.
Мечты их в небе голубом...

.....
Хохочут мальчики вовсю...
Клонится день уже ко сну...

გადავიღალე უშენობით ქართულო ცაო,
აქ სხვა სილურჯეს გადუხურავს მწუხრების ბინდი.
შენთან ზამთარშიც მზე ანათებს დიდი და მშვიდი
და სხვა წვიმების გვირგვინები მეფრქვევა თმებზე.

ბორგავს წუხილი, გახვეული ღამის ლოგინში,
მთვარე თავს იღრჩობს, ხეებს შორის მძიმდება დილა.
მკითხაობისგან გადირაღა ჩუმი გვირილა
და იმედების თეთრ ნაწერად ყრია მიწაზე.

რომელ შორეულ ლილეებში ვეძებო უნდა –
ჩემი ბილიკი, ჩუმი კერა, წარსული მშვიდი.
კარებთან სხვისი ღამე ატუზულა გრძელი და ფლიდი.
და სიჩუმეში მარტოობის ბორბალი ბრუნავს...

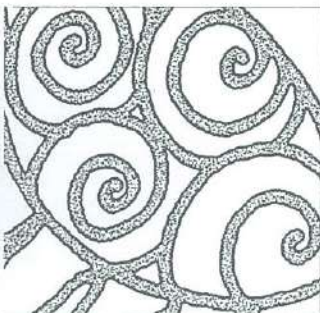
ვინ მომიკითხავს ამ ღამეში უფალის გარდა?
ვინ დამამშვიდებს? – გალობათა უშრეტი წყარო...
დამაგვიანდა, სამშობლოში უნდა ვიჩქარო!
და ჩამიხუტებს ჯეჯილების ნელი ბიბინი.

გადავიღალე უშენობით ქართულო ცაო,
აქ სხვა სილურჯეს გადუხურავს მწუხრების ბინდი.
შენთან ზამთარშიც მზე ანათებს დიდი და მშვიდი
და სხვა წვიმების გვირგვინები მეფრქვევა თმებზე.

ბერლინი, 1994

*Поэт, певица, композитор, режиссер, актриса, художник.
Родилась в семье известных певиц сестер Ишхнели. С
2008 г. актриса московского театра «Мастерская Петра
Фоменко». Участница международных фестивалей поэзии и
музыки, художественных выставок в России и за рубежом.*

შარვა Бакуრაдзе

ВЕЧЕРНЯ

То, что я хочу рассказать, светлей
чем младенца смех и теплее рук
материнских, быть может.
Безмятежный сон, что лежит вокруг
бездорожья, там, где нехожен луг,
безмятежен сон, там трава служит ложем.

Океан небес, синевее всех
высей, чище всех, прежде виденных,
высей дальних – бескрайней.
Лишь глаза закрой, сердце вспомнит их
и увидит, лишь удержи на миг,
лишь дыхание на миг удержи, дыхание.

Аз есмь пекарь и, на своем веку,
я влеку судьбу — что мука бела,
счастье — теплое тесто.
Золотым, доставшимся бедняку,
солнцем полон рот — весь словарь дотла,
лишь люблю, люблю, люблю, слов вместо.

Я рыбак — моя улыбка, на дне
глаз твоих, блестит разнежась, плывет
рыбкой в светлой лагуне.
Твоего давно зная сердца ход,
понял лишь сейчас я свое и вот —
без тебя уже не могу, не могу, не могу, не...

Помню, как сейчас, как я покидал
незабвенную родину мою,
небеса с облаками,
в дом к тебе придя, подожди, когда
одинокчество сгинет без следа,
под тобой простыню увлажню словами.

Я твоя жена, я тебе верна.
Я твой муж, Господу вверенный, я
муж твой, муж я твой верный.
Знаю, в главном, ты не поймешь меня,
ибо слышишь все из пределов сна,
соглашаясь: ветер, да, ветер в двери.

Вновь ложусь с тобой, моему в ответ
доверяется дыхание твое,
и темнеют волос волны —
так, любя в тебе каждый жизни след,
я люблю твое же небытие,
ну на что мне это, скажи, на что мне?

Перевод Анны Золотаревой

ВИНОГРАДНИК

Никогда не стриги мою книгу, в ней ни одно
Слово не будет лозой без тебя. Это вино
Долго искал, подбирая землю, солнце, дожди,
Каждую строчку с любовью к тебе прививая.
Мой виноградник цветет, склон оплетая волной,
Трепетных листьев живые страницы срываю
Бережно и прижимаю к груди.

Вот оно, сердце мое, чувствуешь? — не для чужих.
Не для далеких. Никто, кроме тебя, в нем не жил —
Строк черенки приживутся, надеюсь я слепо.
До ноября в ожиданье вина молодого
Бродит по дому запах, будто старик, и кружит
Голову виноградное слово,
И распрямляет побеги упругие в небо.

Эти слова как трава только с первого взгляда,
А заглядишься под ноги — прозрачна рассада,
Чувственны корни лозы, огнеупорна их плоть.
Царственна жизнь на корнях. Властная гроздь налита.
Стоит отведать хоть раз драгоценного яда,
Слова распробовать вкус: все остальное — вода
Пресная. Будь ты не царь, а Господь —
Ты бы не смог позабыть это вино никогда.

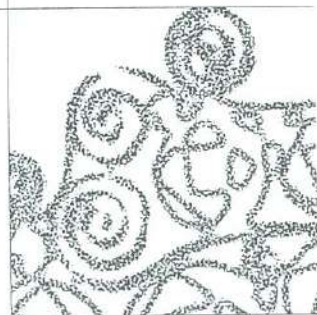
Перевод Ирины Ермаковой

*Поэт, переводчик. Автор поэтических сборников
«Добрые люди» и «Письмо к Нино». Лауреат нескольких
литературных премий и участник поэтических фестивалей.*

მარტოდე

ГРУЗИЯ

ვალი

არა მარტოდენ მამულის, ანდა
არა მარტოდენ წინაპრის ვალით,
საქართველოში ათგზის ძნელია,
იყო პოეტი და იყო ქალი.
ეს იმას ნიშნავს, რომ ფეხშიშველი
გაჰყვე ეკლიან უცნობ ბილიკებს,
ვიღაც ფეტვივით მოგაყრის ჭორებს,
ვიყაც ქარივით გაგაქილიკებს,
ეს იმას ნიშნავს, ყოველ ცისმარე
მზის სხივით ქსოვდე ჩალისფერ დროშებს
და სამართლისთვის ზღაპრის გმირივით
რკინისგან ნაჭედ იცვამდე ქოშებს,
ეს იმას ნიშნავს, რომ ცალი ხელით
აკვანს არწევდე, სად სხივი ჩადგა,
ხოლო მეორით კემსავდე ძველი
მეტაფორებით გაცვეთილ ფარდაგს.

იყო ერთგული დედა და ცოლი,
 თანაც ფეხდაფეხ სდიო ქარაშოტს,
 ეს იმას ნიშნავს, ვით ცეცხლს ფარვანა,
 სიკვდილს ბავშვივით შეეთამაშო.
 და სხვა კეკლუცი ქალების დარად,
 არ შეგისრულდეს ნატვრა აროდეს,
 არ იყოს ვინმე, სიმარტოვიდან
 შენს დასახსნელად მოუხაროდეს,
 ეს იმას ნიშნავს, არ განუგეშონ,
 როცა სიცოცხლედ გიღირს ნუგეში,
 ეს იმას ნიშნავს, იყო ქალღმერთი
 კაცის და მინის მძიმე უღელში.
 არა მარტოდენ მამულის, ანდა,
 არა მარტოდენ წინაპრის ვალით,
 ჩემს სამშობლოში ათგზის ძნელია,
 იყო პოეტი და იყო ქალი.

ДОЛГ

В стране моей, где бережная память
 Сильна и укрощает пыл любой,
 Где все проверено и сложно
 Быть женщиной –
 не значит быть собой.
 Но, боже мой, еще трудней при этом,
 (Как Грузия верна себе во всем!)
 Родившись женщиною, стать поэтом.
 И быть поэтом каждым божьим днем.
 Сквозь сплетни, и ухмылки, и наветы
 Увидеть, как рассвет из берегов
 Выходит, заливая море светом,
 И по шипам пройти, не чувствуя шипов!
 Одной рукой касаясь колыбели,
 Другой – метафор штопать полотно,
 Быть верною женой на самом деле
 И понимать, что, в общем, все равно
 Не удержать себя в границах этих,
 Все рвется прочь в погоне за судьбой,
 Как бабочка с огнем, играть со смертью
 И выиграть неравный этот бой.
 Но, не в пример другим,
 пустым кокетством
 Не отогреть мне больше никого,
 Когда из темноты повеет детством,
 Всей беззащитной мудростью его.

И значит, просто нужно
 стать богиней,
 В ярме между мужчиной и землей,
 А если мужество и здесь меня покинет,
 Остаться только лишь самой собой,
 Не из любви к отеческим заветам,
 А просто мне слышнее голос муз;
 Родиться женщиной и быть поэтом,
 Для Грузии – непостижимый груз!

Перевод Елены Ивановой-Верховской

ძვის ქალაქი

- ეს რა ქალაქია?
 - მოჯადოებული!
 აქ შესვლა საშიშია!
 - რატომ?
 - ყველა საქმიანობს,
 არვის ცალია,
 და მხოლოდ ძალღიჯი ცნობს პატრონს.
 - ვინ ცხოვრობს ქალაქში?
 მუდამ მოფუსფუსე,
 მუდამ წარბშეკრული ქმრები.
 ჯადოსი არ გჯერათ?
 შეხეთ წამოზრდიათ
 თავზე ჯიშინი რქები.
 ხოლო ეს ქალები...
 ცრემლი არ გეგონოთ!
 თვალებზე მზის სხივი ბრწყინავს,
 აქ ყველა მარტოა,
 ხოლო ერთგულება,
 მერწმუნეთ, აქ ფასობს ჩირად.
 აქ არვინ გაგიშლით
 გულს, როგორც ხალიჩას,
 ღიმილით ვინ დაგაპურებთ.
 შეხედეთ, ხეები ფოთლების მაგიერ
 ისხამენ ქაღალდის ფულებს.
 რას შერებით?
 ნაქცეულს ხელს უწვდით,
 გაგიჟდით?
 სიკეთეს როგორა ბედავთ,
 რაო, სიყვარული?
 რაო, მონატრება?
 რაო, მამული და სევდა?

თქვენ რაღაც გეშლებათ,
დატოვეთ ეს მხარე,
მიხედეთ საკუთარ ბინას,
ნუთუ თქვენ ტირიხართ?
თუმცა სულ ერთია,
აქ ყველას ღრმა ძილით სძინავს.

ОКАМЕНЕВШИЙ ГОРОД

Я у встречающих вопрошала:
- Что за город впереди?
И они предостеречь меня пытались:
- Этот город заколдован. Ты в него не заходи.
Ты его другой дорогой поскорее обойди.
В нем лишь каменные души жить остались.
Но опять вопрос невольный вырывался из груди:
Что за люди здесь живут, нахмутив лица?
Это роботы из плоти. Ты в глаза их погляди – видишь,
мертвые они... как у убийцы.
А под шапками – ты видишь? – у мужчин растут рога,
а у женщин взгляды светятся лукавством.
Это город одиноких. Ты для них страшней врага.
И любовь здесь – ненадежное лекарство.
Здесь никто тебя не впустит в свое сердце, как во двор,
словно хлеб, с тобою радость не разделит,
и под ноги не расстелет свою душу, как ковер...
Тут выращивают деньги – не растенья.
Видишь – вон упал калека? Быстро мимо проходи!..
Не спасай его, тебе он не поверит!
Ты с ума сошла, наверно!.. Благодарности не жди –
Замолчи, и кто б тебе ни повстречался на пути –
не смуги его словами о доверье...
Что?! Отечество?! О чем ты?.. Ты в нас чувства не буди!
Нам не тронет душу горе первой встречной.
Хоть суди нас, хоть ряди, но только ран – не береги
и в груди не подними волны сердечной...
Этот город – заколдован спать навечно.

Перевод Николая Переяслова

*Поэт, прозаик. Автор сборников поэзии, драматургии,
стихотворений и пьес для детей. С 2004 г. председатель
СП Грузии. Лауреат премии им. Г. Табидзе и премии им.
А. Каландадзе.*

კამო ძიგბეგუასნი

ГРУЗИЯ

ეპიგრანტი

დაგელოცი, დედი, ობლები ვართ»....
ოთარ ჭილაძე

კადრი პირველი:

მე, აქ საკუთარ სამშობლოში
შენს დაკარგულ განთიადებს ვეძებ
და ხელისგულზე დიდი მეტალის მზე მიბრწყინავს.
შენ კი გგონია, ერთი მერცხალიც თუ გადმოფრინდა
ჩემი ბუდიდან შენი ქვეყნისკენ
- გაზაფხულია.

კადრი მეორე:

მე, აქ საკუთარ ქვეყანაში,
ფასადურად მომლიმარი ტელეეკრანიდან
საკუთარ ფსევდოპორტრეტს ქუჩაში ვხევ და მოვდივარ.

შენ კი გგონია, გზები მოკლდება ჩემს და შენს სულებს შორის
და ერთხელაც, როცა შევხვდებით
გზა არ გვექნება.

კადრი მესამე:

შენ, იქ სადღაც სხვა ქვეყანაში
მონატრებისგან დაცლილ სანოლზე
გადაჭრილი კუნძოვით წევხარ და წერგს ვერ ახარებ.
მე კი მგონია: გაიქეცი. ანუ გაქვავდი.
შენ კი: დავნებდი. დავრჩი. მიწა შემოვიყარე.
და ჩვენ ორს შორის სად არის ღმერთი...

და რომ ჩვენს შორის დევს ერთი მოჭრა. მიწა ან პური.
ერთი გზა დიდი. ერთიც უფრო ნაკლები. მცირე.
მდინარე, ორი ნაკადულით გავინაპირე.
წყლები დავღვარე დანაპირზე გარიყულს მცირე.
მხედავ?! აქედან გილიმი და სველ ხელებს გიქნევ.
მაინც მგონია, რომ გაქცევა იყო. იოლი
და რომ ჩვენს შორის არის ბინდი, იმ მერქნის სისქის
ჩვენს ხეს რომ ჰქონდა და ორივეს მზერას გვიელმებს.
შენ ჩემზე მეტად გიხარია ადგომა დილით,
რადგან გგონია, კიდეც უფრო მიახლოვდები.
მე განთიადი საბალახოდ მთას გადავდენე
რომ უფრო მკრთალად დაგანახო შავი სახლები.
ჩვენ ერთი ძაფის ორი ბოლო, აქეთ და იქით.
ერთი გორგალის ლაბირინთი. ანდა ბორბალი.
ერთმანეთისკენ გამოპარულ წყალ-წყალა ფიქრებს,
ერთმანეთისგან გაქცევით თუ ყოფნით ვიბრალდებ.

კადრი ოცდამეხუთე:

მე, აქ საკუთარ სამშობლოში
შენს დაკარგულ განთიადებს ვეძებ
და ხელისგულზე დიდი მეტალის მზე მიბრწყინავს.
შენ კი გგონია, რომ წელამდე ბავშვობის მინდორში ვდგავართ-
და ამ დიდ გორგალს,
ძაფებს ვუსინჯავთ.

“დაგვლოცე, დედი, ობლები ვართ”....

დაგვლოცე...

ЭМИГРАНТ

«Матерь Божия, помилуй нас, сирот...»
Отар Чиладзе

Кадр первый:

Здесь, на своей Родине,
ищу твои загубленные восходы,
на ладони сверкает огромное стальное солнце.
Ты думаешь, если хоть одна ласточка перелетит
из моего гнезда в твою страну –
весна наступит.

Кадр второй:

Здесь, в собственной стране,
с телеэкрана фальшиво улыбаясь,
рву на улице свой псевдопортрет, иду.
Ты думаешь, пропасть уменьшается между нашими душами
однажды, когда встретимся,
не будет дорог.

Кадр третий:

Ты, где-то в чужой стране,
на опустевшей от чувств постели
лежишь, как обрубок с засохшими ветвями.
Мне кажется: Ты убежал. Окаменел.
Тебе: Я сдалась. Осталась. Землю накрылась.
И Бога между нами не сыскать ныне...

Между нами сохнет кусок. Хлеб или земля.
Одна дорога. Еще одна – чуть покороче.
Река уносит, ручейками, как два течения,
отошли воды... на берегу лежу, плачу,
Видишь?! Иногда улыбаюсь, влажными руками
взмахиваю.
Верю, сбежать было гораздо проще,
опустились сумерки – кора с наших деревьев,
мы на слепых теперь похожи.

Твои попытки пробуждения – придуманные дороги
на краю неба, шаги мне навстречу.
Овечьим стадом перегнала все рассветы –
землистые дома станут намного ярче.

Мы – два конца одного клубочка – два края света,
две паутины лабиринта.
Колесо, может.
Утекшие потихоньку талые мысли
заберем друг у друга, в кулаки сложим.

Кадр двадцать пятый:
Я здесь, на своей Родине,
ищу твои загубленные восходы,
на ладони сверкает огромное стальное солнце.
Ты надеешься, мы укрылись в поле,
как в детстве –
тугого клубка потеряв концы.

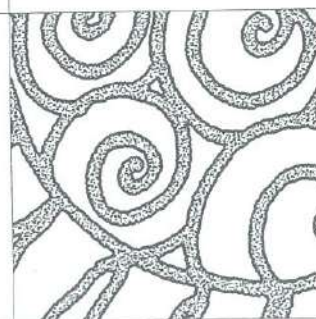
Перевод Наны Келехидзе и Татьяны Перцевой

Поэт, публицист. Автор двух книг: «От и до» и «Налево».
В 2009-2010 гг. лауреат литературной премии «Месхети»
за лучшую книгу. В 2011 г. стала лицом журнала «Чвени
мцერლობა» в отделе поэзии.

Мемо Дотეაბაძე

ГРУЗИЯ

სიზმარია...
და სახლები
სიცხისაგან იწვებიან
იხდიან კედლებს
იშორებენ შებოლილ და
დამწვარ ფანჯრებს
დაბზარულებს
ძველისძველი სათვალესავით
და გაოცებით შესცქერიან
ვინრო ქუჩებში მოარულ მხატვარს.
ბრმას – რომელიც ცეცხლის ფუნჯით
ხვალისათვის გვიდგენს მენიუს:

1. ნავთის რიგი (სისხამ დილით)
2. ბოდიალი (ღამღამობით)
- . და...
3. პური 24 სთ.

Сон...
 И дома
 Горят от зноя
 Обнажают стены
 Избавляются от прокопченных
 И растресканных окон
 Как (сквозь) старые-престарые очки
 С удивлением смотрят
 На проходящего по узким улицам художника.
 Слепого – который огненной кистью
 Составляет нам меню на завтра

1. Очередь за керосином (в долг берешь с утра)
2. Бред (по ночам)
- . И...
3. Хлеб 24 ч.

თბილისის დილა

დილის არი.
 საღამოსია.
 შეუმოსია სილურჯეს ღამე.
 ჩაისუნთქე:
 ეს სასწაული.
 მთვარე – ფიქრი
 მიმალული ღრუბლებს მიღმა...
 შიგადაშიდ რომ ანათებს
 იდუმალებით გაჟღენთილ ქალაქს.
 მტკვარი.
 მთაწმინდა.
 დაბინდული აივნები.
 ჟანგისფერი სახურავები
 და ვიწრო ქუჩა –

სადაც პოეტი...
დაცემული...
მთვრალი პოეტი...
გადახრილ ხეს...
წაქცეულ ხეს
ფესვებს უკოცნის.

*

დილისა არი.

ТБИЛИССКОЕ УТРО

Утреннее бытие.
Вечернее.
Облачилась в синее ночь.
Вздыхнула:
Это чудо.
Луна – мысль
Упрятанная за облаками...
Местами что освещает
Тайнами пропитанный город.
Мтквари.
Мтацминда.
Сумраком окутанные балконы.
Цвета ржавчины крыши
И узкая улица –
Где поэт...
Упавший...
Пьяный поэт...
Склоненному дереву,
Упавшему дереву
Целует корни.

*

Утра бытие.

Переводы Владимира Саришвили

შენი პატარა ნაწილი ვარ
მცირე...
მცირე...
მაგრამ – მაინც...

•
შენი ტკივილი ჩემი ცაა
და მე ცა მტკივა.

Я маленькая часть тебя
Маленькая...
Малюсенькая...
И все – таки...

•
Твоя боль – небо
Под которым я хожу
И оно болит.

Перевод Анны Григ

Поэт, художник. В 1981-1996 гг. – актер и сопродюсер в Тбилисском государственном театре марионеток. Участник международных художественных выставок. Автор двух сборников поэзии.

Ника Дзедзедзе

ГРУЗИЯ

РАСПАХНУТЫЕ ОКНА

Человек, больница на горе и небо над больницей

Из окна была видна больница на горе –
страшная больница,
к которой снизу вели извилистые дороги.
Жители города не любили упоминать о ней в разговоре.

Когда человек глядел в окно,
его взгляд невольно находил гору
и останавливался на здании больницы.
Он тоже, как и другие, боялся оказаться в ней.
– Только бы со мной этого не случилось, –
шептал он про себя, –
только бы не случилось.

Он не раз думал о том, что, если от его окна идти прямо,
никуда не сворачивая, т.е. по воздуху,
понадобится не больше получаса, чтобы дойти туда...
если от его окна, из которого лучше всего было видно
именно ее —

больницу, расположенную на горе.
И в ясный день ее было видно прекрасно,
и в туманный — ее очертания вырисовывались довольно четко.
Иностранец вполне мог бы принять здание больницы
за чью-нибудь резиденцию или что-либо подобное.

Однажды человек попал в ее темные стены,
попал обычным путем, как и попадают — не по воздуху.
Там его обследовали, поставили соответствующий диагноз,
разрезали, а потом поместили в палату,
пропитанную запахом бульона и ржавчины,
с почерневшей лампочкой, свисающей с потолка.

Человек еле свыкся с новой обстановкой.
Он лежал на пружинной кровати
и какое-то время пытался отвлечься чтением газет,
и даже заполнил кроссворд,
но скоро его охватили сильные боли,
и состояние человека резко ухудшилось.

И однажды ночью он стал вспоминать,
как смотрел из окна на эту больницу,
в которой все-таки оказался.
Он насилу поднялся с кровати,
опираясь на предметы, кое-как дошел до окна
и кинул взгляд на пылающий раскаленным углем ночной город.
Город для него теперь был усеянным звездами небом.
И стал человек искать в нем свой дом,
но не нашел среди несметного количества других звезд.
И когда его неожиданно выписали,
то он вернулся домой той же дорогой, какой ушел из дома.
С тех пор человек не переставал смотреть из окна
на небо над больницей — небо, которое раньше не замечал,
за мороженый тем, что было под небом.

Перевод Анны Григ

В ОЖИДАНИИ ЛЕТА

Скоро из-за дома напротив
выйдет мое прошлогоднее лето.

Оно ворвется в мои распахнутые, как руки, окна,
рассядется сразу на всех стульях
и попросит стакан воды.
Выпьет, приветливо поинтересуется, как дела,
выслушает меня, утешит
и отправится под душ.

А я включу ту же музыку,
которую слушал прошлым летом,
и еще раз пойму,
что у каждого свое собственное лето,
и что мое родилось вместе со мною
и стареет вместе со мною.

Давай познакомлю его с тобой,
и, когда твое лето однажды не встретится с ним,
ты раньше других поймешь, что меня уже нет в живых.

Перевод Ирины Ермаковой

*Поэт, переводчик. Автор трех поэтических сборников.
Лауреат международной премии «Содружество дебютов».
Участник международного поэтического фестиваля
«BIPVAL» (Франция, Париж).*

Арсен Еремян

БЫЛОЕ

Уполномоченный газетой,
Фуникулером вздыблен ввысь,
На давнем празднике поэзии
С Москвою я без всяких виз.

Не знаю, я с какого боку
На этом пиршестве стихов,
Но сам и Доризо, и Боков,
И пригубил нектар богов.

Вот позабыв о южной лени,
Сам тамада, чуток хмельной,
Бросает нам стихи Есенина,
Как в кружку талер золотой.

Он снова наш, поэт московский,
И в этом вижу добрый знак,
И тают в дымке Долматовского
Любимый город, Пастернак...

Сидел он за столом напротив,
На расстоянии руки,
А Маргиани мне напомнил:
«Ты ешь — остынут шашлыки».

В ХАШНОЙ

Не в электрических разрядах
И спевках ресторанных див —
Мы в хашной пообщаться рады,
Занудство лекций пропустив.

Стук кружек в сутолоке хашной
Не утихает столько лет.
Буфетчик выглядит вальяжно,
Стерев со стойки влажный след.

А годы не стирают слово.
Братья Табидзе оба живы,
Пробился свет стихов Паоло
Сквозь темень оговоров лживых.

В затылок выстрелили двери,
Как кулаком бьет в бок косяк.
Венчается в Кашвети Мери,
Мир обесценен, как пятак.

Чей судный час настал — не знали.
Спешили к спящим воронки.
Опережая вакханалии,
Тюрьмою слыли Соловки.

Потомки палачей готовы
Держать зубами бастион.
В тбилисской хашной, сломлен горем,
Все ждет жену Галактион.

ИСТОКИ

Р. Кондахсазову

Забыв несправедливые годы,
Оставив дома сплин и грусть,
Готов в любую я погоду
Подъем твой взять, как Пти Эльбрус.

Мост миновал несправедливым шагом,
Иду в район Сирачханы,
Где антикварен каждый камень
И раритетам нет цены.

Вхожу в красильные растворы,
И на пороге письма
Так выдают тбилисца говор,
Глядишь, Европа не нужна.

Сирачхана, твою ауру
Я в сердце унести готов,
Увидев профиль Азнавура
В кругу знакомых стариков.

Ничто не изменилось вроде.
Легенды собраны, как дань.
И в ремеслах как встарь угоден,
Без Никала шумит Майдан.

И гостем каменным в столице,
Не променяв духан на бар,
Царь Горгасал вознес десницу:
«Стой! Дальше – Авлабар».

*Поэт, филолог, прозаик, редактор. Заслуженный журналист
Грузии. Автор сборников рассказов и художественно-
документальных очерков, двух книг избранной лирики.*

Мотә Матәивили

ГРУЗИЯ

ЗЕВКИ

Давай, сходим в кино,
цвета на экране более яркие,
чем на обоях нашей комнаты.
И мужчины и женщины
там говорят более умно, чем мы.

Давай, сходим в кино,
сядем рядом друг с другом
и проведем две параллельные прямые
от наших глаз к экрану.

Давай, сходим в кино,
а то и ты сама видишь,

как осушили мы друг другу зрачки
и уже иссушаем сердца.

Давай, сходим в кино,
чтобы отдохнули наши взгляды на воображаемых лицах,
и чтобы успокоились наши страсти на воображаемых телах.

Давай, сходим в кино,
и хотя бы на час забудем, что в последнее время
приходится искать недостающие слова,
которые должны были бы сказать ...

Давай, сходим в кино,
там вместо нас другие будут разговаривать,
другие будут влюбляться и страдать.

Давай, сходим в кино,
пусть там другие займутся сексом.
Мы сможем сделать это позднее,
как будто я меняю перегоревшую лампочку,
а ты чистишь грязные кастрюли на кухне.

Давай, сходим в кино,
ведь там мы не обязаны
часто обмениваться пустыми словами,
поцелуями со вкусом второсортного сыра
и выеденными взглядами.

Давай, сходим в кино,
где мы можем скрыться друг от друга так,
чтобы ежики нашей совести
не царапали наши сердца.

Давай, сходим в кино и посмотрим,
как умрет главный герой.
Ведь это куда интереснее,
чем мысли о собственной смерти...

Давай, сходим в кино,
сядем в кресла,
коснемся друг друга локтями и вообразим, что
очень хотим быть вместе и

именно поэтому мы пришли сюда,
как та парочка,
которая обнимается в первом ряду.
Давай, сходим в кино,
завяжем в удобной темноте зала
и направим к экрану те линии,
которые уже давно не пересекаются.

Давай, сходим в кино,
давай, пойдем, пока не поздно,
пока не начался последний сеанс,
а то так и будем глядеть друг на друга,
на зевающие физиономии.

Давай, пойдем,
чтобы пробраться в боль и в радости незнакомцев,
и хотя бы на некоторое время
потеряться друг для друга...

Перевод Бориса Херсонского

ДРУЖОК

Геге Нахуцришвили

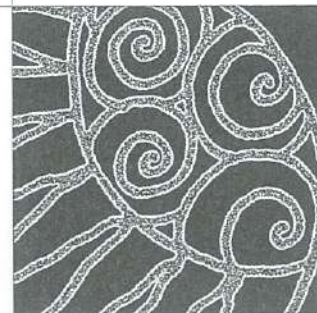
Смерть — не проблема, дружок:
и ты, и я —
мы оба сидим, наблюдая за муравьями.
Развешаются пестрые зонты кафе,
кресты качаются на куполах церквей.
А он один
в припадке красоты
прозябает неведомо где —
не видит остекленевшими глазами,
как голуби клюют мостовую.
Существует ли Бог
или не существует —
не проблема, дружок, поверь мне на слово.
Солнце встанет,
молоко скиснет,
ключ повернется... и завтра,

завтра троеперстие многократно повторится –
чтобы взять ручку
или перекреститься.
Впрочем, дружок,
и любовь сейчас – не проблема...
Ты поешь и плачешь,
я полощу книгу,
он топчется на вокзале.
Облака в небе тихо сталкиваются,
розы грустят вслух
по ушедшим годам.
И свобода сегодня – тоже не проблема, дружок...
Тарелки в кафе звенят,
тонкие ангелы дрожат, будто флажки,
на куполах церквей.
Мы все поодиночке подпрыгиваем,
хотим достучаться головой до неба,
или же сидим опустив голову,
зябнем и всматриваемся в червивую землю,
и мы понимаем, понимаем, дружок,
что смерть –
уже не проблема.

Перевод Германа Власова

Поэт, прозаик, переводчик, литературный критик. На грузинский язык переводит англоязычную поэзию и современных русских поэтов. Участник международных поэтических фестивалей. Лауреат премии «Саба» за лучший поэтический сборник года (2007) и международной премии «Киевские лавры» (2009).

შუაგზის მგზავნი

სახელი? – ყველას, ვინც ეტანება.
დიდება? – ვისაც მოესურვება.
მე – მხოლოდ შენი ძილში ზმანება,
მე – მხოლოდ შენი ცეცხლით ხურვება.

მეძახის შენი მღვიმე და ხარო –
თან ჩავყვე ფესვებს და ჩაგეტანო;
შენ – მოგუგუნე მზეო და ზარო,
ხმელო ნიფელო, ბერო ქედანო!..

მიწამებიხარ და უნდა მწამდე –
ჩემი ბოლნისი, ჩემი ატენი...
იხილონ – როგორ აგზიდავს ცამდე
სიმღერა ჩემი... ცრემლად ნადენი.

Имя – всем, кто нуждается в нем.
Слава – страждущим ночью и днем.
Мне б мелькнуть в сновиденье твоём,
Стать огнем над высоким огнем.

Ты – как колокол веры моей,
Бук засохший,
Голубка на нем – как дикарка.
Ты – вершин поднебесья слепящая арка,
Жизнь, что вяжется в схватке корней.

Песня возносит тебя до небес,
Имя – Болниси и слава – Атени.
Льется и льется слеза вдохновенья:
Времени – бездна, а жизни – в обрез.

პატარა გოგოს თავისი ტყე აქვს,
ნაძვები, ლურჯი და მოციმციმე.
წუხილიც, წყენაც იმ ტყეში შეაქვს,
თუ დაიღალა, იქვე იძინებს...

ჭრელი ჩხიკვები ბუდეს სტოვებენ,
გოგონა წყაროს წყალს ენაფება;
ანათებს ჯირკი, ზედ სოკოები
დასკუპებულან მოკლე კაბებით.

ტყეს მიაშურებს, თუ რამე უჭირს,
ქათქათა, ანჩხლი და ერთი ციდა;
თვალეbs მოიფშვნეტს პანია მუჭით,
გაცინებული გამოდის ტყიდან.

პატარა გოგოს თავისი ტყე აქვს,
ნაძვები, თეთრი და მოციმციმე.
წუხილიც, წყენაც იმ ტყეში შეაქვს,
თუ დაღალდა, იქვე იძინებს.

У девочки есть лес среди небес –
Голубизной мерцающие ели.
Все горести она уносит в лес,
Устанет – и уснет в лесной постели.

Все к девочке бегут, кому не лень,
Навстречу сойки вспархивают звонко.
И светится, как в сказке, старый пенёк,
На нём грибы в ажурных распашонках.

Трещотка, злючка, а сама с вершок –
Забудет все, что стыдно и обидно,
Слезу смахнет и спрячет в кулачок
И улыбнется: никому не видно.

У девочки свой лес среди небес –
Зеленым сном мерцающие ели.
Все горести она уносит в лес,
Где сны ночуют в сказочной постели.

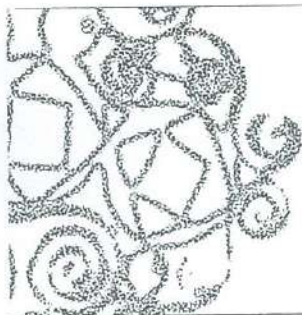
Переводы Бориса Авсарагова

*Поэт, доктор филологических наук. Лауреат
Государственной премии Грузии. Автор двух десятков
сборников стихотворений и эссе на грузинском и русском
языках.*

ГРУЗИЯ

Бера Кебурия

Закутанная в облака, Мтацминда
Спит под дождем, как черная вдова,
Теряющихся улиц и не видно,
Все вниз бегут. Притоптана листва
Осенним ливнем, хлынувшим в Дигоми
И навестившим Верэ и Ваке,
Луна скатилась в мутной Мтквари волны,
Варазисхеви здесь, невдалеке...
А ночь в вечернем платье убегает,
Бледнея, и рассветные лучи
Горячим паром город обжигают —
Наряд меняет он, медоточив...

ПИШУ ТЕПЕРЬ

Зурабу Горгиладзе

Пишу теперь и о себе самой,
Пишу о вас и о других пишу,
Пишу я обо всех почти на свете.
Как отвратительны
Измена, равнодушие,
Ведь добродетель,
Коей мы хвалу
Возносим — и мгновенно забываем
Какой-то странный облик обретает,
Свой создавая имидж...
Боже мой!
Как мне мучительны,
Как ненавистны
Испепеляющие молнии в глазах
Всех фарисеев,
Иуд Искарियों,
Исполненные злобы взгляды их...
И почему же
Удивляет вас,
Когда страшусь я,
Чтобы в этой жиже,
В грязи тягучей
Не увяз, не сник
Мерани мой.
Шота, Вахтанга
И Сулхан-Саба,
Тато лихие скакуны,
Акакий,
Илия и Важа,
Славные сердца,
Душа грузина,
Что в лучах играет
Полуденного солнца...
Только бы
Достойными вас оказаться,
Только б...
Не приведи Господь —
Случись иначе,

Так эта боль
Ворвется в сердце,
В глубь его проникнет,
До сердцевины,
Разорвет на части...
Душа грузина –
Как лихой скакун,
Летающий по засушливому полю.
Ему, неприрученному, поводья –
Как точно кандалы – душе свободной...
Тебя я призываю, кровь моя,
Оленей трубным ревом.
Неужели
Причастия со мной не разделит
Никто.
О, Боже, неужель одной
Мне восходить дорогой на Голгофу?
Я задыхаюсь, словно бы лосось,
Что выброшен волной на берег...
Сердце
Горит в руках моих –
Отчизны сердце.
Ищу я
Сильного и светлого душой,
Грузина благородного, который
Отчизне жизнь готов отдать свою...
Не знаю – где умру я – на утесе,
Иль до Отчизны крест свой донесу,
Но только б свет пылающего сердца
Коснулся всех грузин – моих братьев...

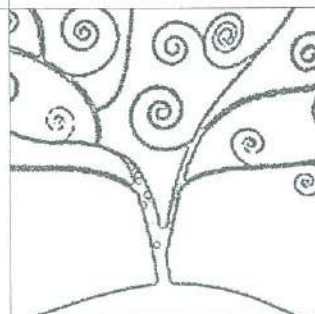
Переводы Владимира Саришвили

*Поэт. Автор шести поэтических сборников. Сопредседатель
благотворительного фонда «Сакуртхевели» («Алтарь»).*

Михаил Ляшенко

ГРУЗИЯ

Из поэмы «1991»

Сплетен из воздуха и сплетен,
из слов, из вымыслов сплетен,
из причитаний, междометий,
предубеждений, долголетия,
из недомолвок на две трети,
он из последней вглубь растет.

...Не убиенный колорит
ни пошлостью и ни веками,
крутой воздушный монолит
залит французскими духами,
разбавленными все ж на треть
автомобильным перегаром,

и — никаких следов пожаров —
«Тут просто нечему гореть», —
как нам Полонский завещал
в своей «Прогулке по Тифлису».
Я б то же вслед за ним сказал
и не поверил бы глазам,
пока не срезал первый залп
верхушки черных кипарисов...

Пирамидальная модель,
как узаконенный апокриф:
духан, кофейня и мотель,
музей и бар, и винный погреб.
А хрестоматию почитать,
изволь, — фонарь вот и аптека...
Модерн. Не чистый, но почти.
Эклектика. Начало века.
Как раз, где Берия мелькал
на inferнальном черном ЗИЛе
припарковалось кое-как
с полсотни пестрых лимузинов,
отроги из папье-маше,
гряды, как роспись по фанере,
прячут в пространстве пятимерном,
и, время сбиться на клише, —
тут православный кафедральный,
и Сурб Геворк, и синагога,
мечеть — и все в одном квартале
и как за пазухой у Бога...

А дальше — пряжа галерей,
развешенная по карнизам
обжитых временем камней,
и воздух памятью пронизан.
Вселенский дух, общинный быт,
канон, укладная условность,
застольное прекрасное слово
и сны под пенье аонид.
А недосказанность, как знак
природного сквозного знания
о жизни и о мирозданье —
и это все дано за так —

суть на неведомой оси,
бери и мотствуй, и проси.
И будет вам!

БАЛЛАДА НОЧНОГО БАЗАРА

Давай отпустим все природе
и необузданной погоде,
чтоб жизнью жить в своем народе,
молчать вдвоем и хором петь...

Гудящей площадью, базаром,
где, что ни метр, то ход конем,
калекам пьяным подаем,
идем, петляем, отстаем...
Гарцуют всадники. Хазары?
Монголы? Скифы? Турки? Чудь?
И «Мерседес» уперся фарой
в задрапированную грудь.
Бежит по рельсам пьяный заяц,
следы по слякоти петляя,
и дровни обновляют путь.
Стоит сиреневая твердь
над нашим городом, над нами,
вокруг, под горло, под ногами.
Заныл шакал. Стегнула плеть.

Гудят костры сторожевые.
Склон сизым мрамором дрожит,
снег вывел впадины и жилы,
как белый текст вразброс набил.

Стоит окрестный оком,
сквозит дежурное ненастье,
мы по обочине напастья
летим или пешком бредем,
идем, едва земли касаясь.
Прямой маршрут. Земля кося.

Развалы мусора горят,
горят костры сторожевые.
Минуем стражу – старожилы –

у нас есть пропуск в первый ряд.
Поет, как шепчет, Сюзан Вега,
затем, что ты, как я, молчишь.
Базарный гам. Ночная тишь
и запах пламени и снега,
и тут же Альфа и Омега,
и разноречивой тбилисских крыш.

Луна рассыпана по лужам.
У нас по молнии в руке,
под рукавом, на поводке.
Вот так вот кружит нас и кружит.
Пошел по небу талый лед.
А на пролет есть перелет
и журавлиный клич на клички...

Нам старый страж открыл кавычки
и пропустил за поворот.

Поэт, литератор. Член Союза художников СССР. Автор трех стихотворных сборников. Учредитель и редактор журнала поэзии «АБГ». Организатор и президент «Ассоциации литераторов АБГ».

სურათი

და ჩემი სახე
ჩარაზული არ არის კარი,
და ჩემი სისხლი
გულმოსული არ არის წვიმა,
და ხელი ჩემი
დახანძრული არ არის ვაზი,
და ჩემი გული
გაყინული არ არის მთვარე,
და ჩემი სული
უჩინარი არ არის ქარი:

მე საქართველოს ვახატავარ
ბალახის ფრთაზე...

... И лицо мое –
не запертая дверь,
и кровь моя –
не разобиженный дождь,
и рука моя –
не испепеленный дуб,
и сердце –
не затаившаяся луна,
и душа моя –
не ветер незримый –

я нарисован
на травяном крыле Грузии...

გაუგზავნელი წერილებიდან

ისევ მახსოვხარ... ეს იმას ნიშნავს, რომ წამიერად გიგონებ კიდევ... და თუ გიგონებ, ეს იმას ნიშნავს, რომ წამიერად გინატრებ კიდევ... და თუ გინატრებ, ეს იმას ნიშნავს, რომ წამიერად მიყვარხარ კიდევ... და თუ მიყვარხარ, ეს იმას ნიშნავს, რომ წამიერად შენთან ვარ კიდევ... და თუ შენთან ვარ, ეს იმას ნიშნავს, რომ წამიერად მოვმკვდარვარ კიდევ.

ИЗ НЕОТПРАВЛЕННЫХ ПИСЕМ

Опять вспоминаю тебя... Это значит, что в эту минуту я вижу тебя... и если вижу тебя, это значит, что в эту минуту возникает желание быть с тобой... и если возникает желание быть с тобой, это значит, что в эту минуту я с тобой...

И если я с тобой, это значит, что в эту минуту я уже умер.

პეიზაჟი

კვლავ უჩვეულო პეიზაჟი აჩერებს სუნთქვას –
ძვლისფერია ის
და რძის ქაფი გადასდის გულზე.
ზღვის მარილიან წამწამებზე მიედინება
ცა – დამსხვრეული.

შენი მზერა დასდნობია ყინულის მზერას

და თოვლზე კივის ჩიტის სისხლი,
როგორც სხეულში სახელი შენი.

ПЕЙЗАЖ

Снова странный пейзаж
заставляет затаить дыхание –
цвета кости он,
и молочная пена в него перетекает.
По соленым ресницам моря
стекает размытое небо.

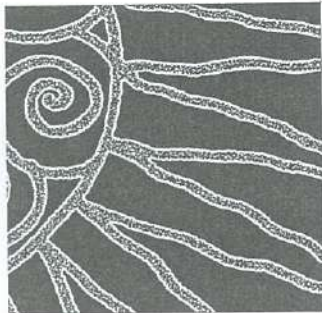
Твой взгляд тает,
столкнувшись с глазами льдинок.

И кричит на снегу кровь птицы,
как в моем теле имя твое.

Переводы Даниила Чкония

*Поэт, журналист. Координатор проектов по
конфликтологии. Председатель правления ассоциации
работников культуры и искусства «Новое Видение». Лауреат
премии Союза писателей Грузии, Государственной премии
Грузии, премии имени И. Чавчавадзе.*

Звигд Ратмани

РЕКВИЕМ ДЛЯ ЖИВЫХ

В чем провинились мы,
прокладывая путь солнцу к холодному дому?

Наша правда пошатнулась.
Наши подружки перекрасили волосы в ядовитые цвета.
Люльки времен нашего детства

сожгли на безлюдных улицах
замерзшие солдаты,
а родину, как любимую вещь, вложили в карман умершему отцу
и похоронили вместе с ним.
Отец был безумцем.

Я сидел в прохладном кафе в чужом городе.
С соседнего столика передали
неразборчивым почерком написанный стих,

я мимикой и жестами дал понять,
что их язык для меня чужой.
В углу кафе одиноко сидел мальчишка,
с насмешкой разглядывая меня.

В чем провинились мы, когда перелезли тайком
через колючую проволоку
и забрели на запретное поле,
чтоб сорвать два-три теплых цветка
просто так, на всякий случай.

Я стоял у реки в чужом городе,
а на мосту, на перилах, стоял мальчишка,
и зря я кричал: не смей, ты не умеешь плавать...
Он врезался в мутную воду,
и почему-то вода не промолвила ни единого всплеска,
а потом еще долго и напрасно смотрел я
на бурые волны.

В чем провинились мы,
когда, целуясь, не удержали любовь
и позволили ей покончить с собой,
ну а грех ощутили позже,
когда бессмысленно смотрели
на разбросанные по белой простыне,
как стебли сорванных цветов,
тонкие ноги,
и на оставшееся приоткрытым, как глаз мертвеца,
лоно, Ад.

Я лежал в гостинице в чужом городе
и думал о друге, над которым смеялись.
В прокуренном зале он, почти рыдая, читал
стихи, посвященные любимой женщине,
а мы сидели в последнем ряду
и задыхались от смеха.
Позднее он умер, друг,
умер лишь он, всего лишь.

В чем провинились мы, когда веровали во все,
чего не могли ощутить?

Мы верили во все, лишённое запаха, вкуса,
во все, что не было родиной,
зимой ли, летом ли, трясли бесплодное дерево,
трясли,
трясли,
но какие там яблоки, даже мертвые птицы
не падали с веток.

В чем провинились мы? Мы всего лишь обманывали сами себя,
когда на жизнь клеветали.
Может, у нас и не замышляли худого.
Может, мы помышляли о славе,
чтоб ее сияющей пылью
великодушно осыпать плечи родины,
но это после, конечно же, после смерти.

Человек может быть злым – вот и все, чему нас учили,
и вытолкнули сюда, в жизнь,
которая оказалась проще предостережений,
но куда сложнее, чем нам казалось.

Человек может быть и добрым – сказал я сыну
и, когда он посмотрел с удивлением, я подмигнул ему.
Человек может быть, повторил, может быть, человек.

В чем провинились мы,
когда с ревом присоединились к воинам-призракам,
которые раздали нам всем по факелу
и всю ночь вдалбливали в нас странные слова –
родина полагает,
родине кажется,
родина слышит...

Всю ночь гремел микрофон,
покачивалась площадь,
трескались стены.

Победа или смерть –
рыдали младенцы
из заколоченных окон роддома,
и эхом неслось в коридорах:
смерть... смерть...

Зачем,
спрашивал я
в прохладной церкви в чужом городе,
зачем
такие крайности,
как Рай и Ад,
могут ли они чередоваться
или сливаться в одно? —
спрашивал я
в прохладной церкви в чужом городе,
где стоял маленький гробик,
и я догадывался, кто в нем лежит.

Неужели я только Ад заслужил?

Тем более, неужели только Рай?

Зачем,
спрашивал я, такие крайности,
жизнь и смерть,
могут ли они чередоваться
или сливаться в одно? —
спрашивал я
в прохладной церкви в чужом городе;
увы, я не помнил ни одной молитвы
и на иконах, увы, ни узнавал никого,
а в гробике вместо другого лежал мальчишка,
может, вместо меня...
Как досадно...

В чем провинились мы,
когда со страхом улыбались в лицо престарелым царям,
уверяя, что они рождены под счастливой звездой,
напоминая им, какой щедрой оказалась их жизнь:
их сыновья-вампиры геройски погибли,
дочери своевременно скурвились,
их бизнес —
госпиталь под открытым небом
и кладбище, взятое в аренду,
процветают поныне; их пальцы
даже сейчас, в подгнившей старости, считают секунды
быстрее, чем деньги.

Величественные, дряхлые цари...

отпаривавшие сухие стопы в горячей воде
и хныкавшие,
когда мы подстригали трясущимися руками
вросшие ногти.

Чужого города кладбище, чужие люди. И я среди них,
подпрыгиваю, стараясь хоть мельком взглянуть
на мертвого мальчика, пока гроб не закрыли, и заодно успеть
увидеть
его — мою мать,
пока ветер смерти, веющий от белого воротника,
не сорвет черный платок с ее головы,
если вообще сорвет...

В чем провинились мы,
прокладывая путь к солнцу нашим замерзшим сердцам?

Наша правда пошатнулась.
Наши подружки перекрасили волосы в ядовитые цвета.
Бумажки с нашими детскими стихами
отдали бальзамировщице —
вложить их в раны умершего,
умерший был безумцем, и мы ему в карман
вложили родину, но мать так и не отвыкла
бродить по ночам из комнаты в комнату
и бормотать:
пусть не рушится дом мой, не рушится пусть,
не рушится...

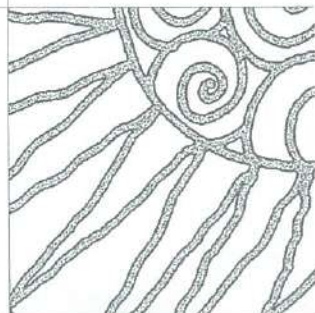
И в чем провинились мы,
не сумевшие ни спиться, ни разбогатеть,
ни умереть?

Перевод Бориса Херсонского

Поэт, переводчик. Автор четырех стихотворных книг. Переводил на грузинский язык стихи Райнера Марии Рильке, Томаса Элиота, Эзры Паунда, Роберта Фроста, Уистана Хью Одена, Роберта Лоуэлла, Дерекы Уолкотта, Шеймаса Хини и других поэтов. Лауреат нескольких литературных премий. Стихи переведены на многие европейские языки.

Владимир Сарнишвили

ГРУЗИЯ

ЧАЙ В ТБИЛИССКОМ КАФЕ

Где облезлые, как тигры в нищем цирке,
Бродят судьбы, выживаньем озадачены,
Где недавно сиротливым тощим цифрам
Наплевать на то, что одесятизначены,
Ты лопочешь о любви в кафе с простреленным
И замызганным стеклом, губами мокрыми
Кофе пробуя. В душе моей – расселине
Слепни ползают. Словами новомодными,
Чуть сгущая голос, отвечаю правильной,
Безысходностью больною, жесткой логикой,
Ну куда нам, неумелым, нерентабельным,
Ну зачем нам одурманиваться ложью-то?
Перемолот жерновами безотказными

Колосок мой, укатали сивку круто так,
Ну зачем нам, да со связями опасными,
Ну куда нам — все дороги перепутаны...
Только ты меня давно уже не слушаешь,
Стих читаешь — тот, что написал намедни я.
И прихлебываешь чай с конфетой грушевой.
И лопочешь о любви, весеннелетняя...

ИСХОД

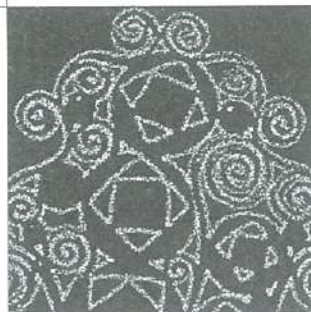
Разоренные гнезда, обрывки обоев, полы,
Где следов незатертых мозаика спутана частая.
Это брошено все, это вырвано все, как полынь,
Здесь конторы теперь расположены, лавочки частные...
Уповая на случай, семейства бегут за кордон,
Оставляя рояли, любимые книги, бегонии.
Совесьть предков могилы бросать не велит, но — пардон.
Те — уже за чертой, эти ж — только в преддверье агонии.
Сололаки утратил свой высланный мягко акцент,
И погибли веселые ночи на Верэ, Мтацминда...
Здоровяк и обжора, постится Тифлис, как аскет.
Безоружному здесь остается одно лишь — молиться.
Я хожу, озираясь, и словно гвоздем по стеклу.
Незнакомая речь нервы рвет, как листки календарные.
В темный дом возвращаюсь, постель свою молча стелю,
Сплю — и катятся сны, словно обручи, с лязгом, бондарные.
Скоро вместо людей только стаи голодных волков
Будут бегать по улицам. Скоро, уставившись в лужу
После майской грозы, в убегающих нитях кругов,
Словно в зеркале, морду звериную я обнаружу.

Поэт, переводчик, журналист. Кандидат филологических наук. Член СП Грузии. Член Федерации журналистов Грузии. Президент Ассоциации русскоязычных литераторов Грузии «Новый современник».

Лия Стурца

ГРУЗИЯ

ПРИБЛИЖЕНИЕ К ПЛАТОНУ

Столько снега лежало на мне,
Что лучше бы вырезали
Этот кусочек мяса.
Пустые места обязательны
На карте, их назовут
Terra incognita и откроют,
Возведут в ранг
Неизвестной доныне земли...
Из изящества
И множества стилей
Разве построишь государство,
Выпустив туда поэтов?
Они там устроят
Такой литературный поп-арт –
Не разберешь –

Где завернутая в газету вобла,
Где потревоженный Эльбрусом
Синтаксис —
Мой законный дом,
Стены, высоту которых
Проверяешь плачем ребенка.
Давно неодеванное красное платье —
Отутюженная революция в шкафу.
Какой это снег
Лежал на мне?
И кто пустит поэтов
В идеальное государство?

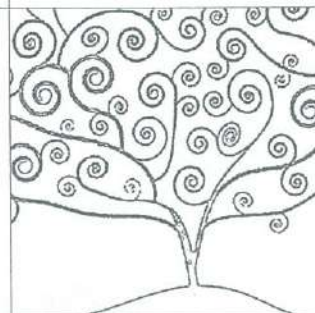
ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ ГОЛОС

Звоню в справочное бюро,
Чтоб услышать человеческий голос,
И никому я не подражаю,
Никакому Кокто!
У каждого своя тишина,
С большей или меньшей
Степенью отчаянья...
Вначале многословье, лекции
На баррикадах кафедр,
Капельками крови —
Цитаты из стихов.
Потом чье-то одиночество
Наманикюренными пальцами
Теребит экзистенцию,
Я хватаюсь за соломинку,
Кто-то звонит мужчине,
Который бросил, но
Обретается где-то, пьет кофе,
Говорит о сирени, как о женщине,
И, наоборот, заигрывает
С эстетикой,
Я же звоню в справочное бюро,
Где выдают номера телефонов
Только живых...

*Поэт. Литературный консультант в Доме-музее Г. Табидзе.
Участница многочисленных поэтических фестивалей.
Лауреат премии им. Г. Табидзе и Государственной премии
им. Шота Руставели.*

Давид Мегораззе

ГРУЗИЯ

SOS!

Тоска сжимает душу мне,
обида сердце гложет —
недуг гуляет по стране,
грехи народа множит.
Петляет совесть, точно уж,
цинизм топорщит перья,
уходит искренность из душ,
нет ни к кому доверья.
Сегодня только о себе
всяк думает и помнит.
А если боль в чужой судьбе —
то никого не тронет.
Что с нами стало, кто поймет?
Все так же солнце всходит.
Но все сильнее из года в год

тот злой недуг в народе.
прорвет ли тучи яркий свет,
развеяв мрак обиды,
и мы сквозь ворох личных бед
беду страны увидим?
Пред нами – чуждая стезя,
где нет друзей и Бога.
По ней нам следовать нельзя,
нас ждет своя дорога...

Не торопи ни славу, ни успех.
Гони льстецов и подлецов из жизни.
Поэт приходит в мир не для утех,
а чтоб помочь страдающим в Отчизне.

Ты не всемогущ, но отнюдь – не слаб,
хоть сердце в горе плачет и страдает,
словно в темницу заточенный раб,
когда злодей отчизну попирает.

Враги, как волки, рыщут, суетясь,
страну хулою безоглядно кроя.
Не дай душе впустить в себя их грязь –
и век тебя запомнит, как героя.

Пусть ты не громко в этой жизни спел,
не много счастья повидал на свете,
но ты собой зажечь других успел,
теперь они грядущий день осветят...

Поэт, издатель. Член Союза писателей Грузии с 1981 г. С 2006 года – председатель правления Аджарской организации Союза писателей Грузии. Лауреат премий им. Ильи Чавчавадзе, Георгия Леонидзе, Мемеда Абашидзе, Ладос Асатиани. Почетный гражданин Батуми. Награжден орденом Чести.

Бесик Хараңдуи

Выври меня у них, отбери насильно,
собери меня, унеси в подоле своем.
Сядь где-нибудь под деревом, на зеленой поляне –
заново, мама, попробуй на нитку
бусины те нанизать.

О если бы я мог, как прежде,
Побыть с самим собой наедине!..
Зачем я лицами заполнил эти стены!..
Я в доме собственном как бы случайный гость
И чувствую, что здесь не я хозяин.

Когда впервые после болезни умоется, причешется человек,
когда ему вынесут на солнышко стул,
когда усадят...
Когда он окинет взглядом подробным дворик,
скользнет глазами по высоким кронам...
Когда постепенно скроется его взор
в дальних горах, в далеком небе...

Мне также не забыть
то место, где тебя я увидал,
как волку не забыть
ту пядь земли, где грянет меткий выстрел.

Если и месяц пролежишь вот так, с закрытыми глазами, —
ни ангел к тебе не влетит, ни змея не вползет...
Сам себе ты приносишь несчастье,
сам с собою дерешься, страшишься себя самого.

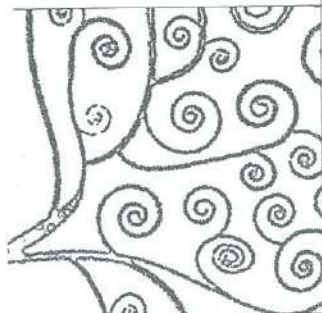
Мамкода потонула в тумане,
плакала от всего сердца,
а меня бы еще больше обрадовало,
пройди сквозь нее лавина:
там убили брата моей матери
за его красивое тело.

Вы почему-то однажды увиделись так:
вы облиты закатом, рукой оперлись на быка,
он старается вам угодить, вам идти, быть к лицу,
он дыханье задерживает, он боится, что вам уходить,
что вы можете скоро уйти,
что он вынужден будет в загон возвращаться, а там —
день и ночь примерять себя к вам.
Но себя — не такого, усталого, старого, а молодого еще,
обезумевшего от любви и чудес,
а такого — каким он бродил по лугам и глаза опускал,
словно в зеркале тверди, как в лучшем из лучших зеркал,
он ваш облик провидел, он вашу красу прозревал!

Переводы Олеси Николаевой

Поэт, прозаик. Один из основных приверженцев верлибра в грузинской поэзии. Его перу принадлежат 12 сборников стихотворений, несколько поэм, один роман. Переведен на русский, французский, немецкий, болгарский языки.

Бессо Хведелидзе

ГОРОД ТРИНАДЦАТИ МОСТОВ

Эй, гость! Пока я вовсе не знаю, кто ты – мистер, пан или господин! Пока и того не знаю, откуда ты пришел и воздухом какой страны более всего полны твои легкие, но если желаешь ты узнать этот город по-особенному и увезти отсюда яркие впечатления, послушай меня. Скажу тебе между прочим, из двух ушей лучше подставь мне левое, а правое и вовсе заткни указательным пальцем, поскольку правое ухо, говорили мудрецы – общественное, слышит все, кроме истинного и главного, а я намерен об этом городе рассказать тебе именно что главное и истинное.

Не говорю ли я непонятно? Очень хорошо... Так давай сначала я провожу тебя из нашего сверкающего аэропорта, заодно по пути расскажу истории этого города – старые и нестареющие, и совсем новеньких не забуду.

Ну вот...О гость, думал ли ты когда-нибудь, что столицы на этой планете существуют «попсовые» и «непопсовые»? Пока ты сам усвоишь из поведенного мною, из какой категории Тбилиси-город, я тебе втихаря подсоблю еще одной мыслью: столицы, которые делит на две неравные части бурая река, как правило, явно отличаются от сухих, безречных столиц своими видами, свешенными в реку печальнолицыми рыбаками с удочками и мимолетным ощущением, что это не река течет, а город, а река упрямо стоит. И Тбилиси уже давно величаво идет к светлому будущему, но в это же время и стоит на месте.

Это как? Если будешь в меру наблюдателен, скоро разберешься в характере и внутреннем нраве этого города, и все ответы на все вопросы придут сами, я же пока расскажу тебе о внешних чертах города.

На чем будем передвигаться? Для перемещения велосипед в этом городе – диковинный фрукт, тем более «ролики» или скейтборд. Нас не поймут! К тому же открою тебе тайну – взгляд у горожан-тбилисцев особенный, и в этом взоре немалая доля гипнотически-парализующая (?)(можно пошатнуться!), и тут ты мне должен поверить.

Хочешь перевернуться и шлепнуться?

Хочешь здешнему безупречному асфальту измерить температуру собственной задницей?

Тогда доверимся самому поп-транспорту Тбилиси-града, микро-автобусу. На нем мы потратим от начала до конца сорок минут – а на автомобиле и того меньше.

Как это свойственно речным столицам, аэропорт находится за городом, хотя и не так далеко от центра города, как это бывает иногда у вас, в больших мегаполисах. Это уже явно заслуга Тбилиси-града, поскольку узок он в ширину, как естество некоторых дам, и искоса вытянут от Поничалы до Авчалы включительно, как, к слову – бумеранг.

По-иному Тбилиси-город интурист вроде тебя может назвать городом 13 мостов, поскольку в этом городе через бурюю реку Куру проложено именно 13 отличных друг от друга мостов: Авчальский, Глданский, Дидубийский, Вахушти, Цирковой, Галактиона, Сухой, Стекланный, Бараташвили, Метехский, Ортачальский, Акведук и Поничальский – по-домашнему я их именно так и называю, и на каждый из них возложена миссия служить ориентиром для населения обоих берегов, для гостей из далеких стран и общественного или частного транспорта, как в том направлении, так и обратном.

И не спрашивайте меня, который из этих мостов город любит больше всего, или который из них Иуда, а который Петр, несмотря на то, что с дня существования Тбилиси-город распинали на кресте самое меньшее раз в столетие заезжие либо домашние враги... И не упустите – каждый из этих мостов поделится с вами своей долей тайны.

Так, например: перейдешь Авчалский мост – обнаружишь старую колонию. За просто так внутрь тебя не пустят, но хоть снаружи осмотришь...Потом, там же, раскусишь и домашние хинкали, ибо лучшие завертыватели хинкали живут именно в этом квартале.

Распробуешь Глданский мост: - старый «Вольво» купишь, или новейший «Мерседес», совсем ненаошанный «БМВ», послеаварийную «Тойоту», «Форд» прошлого века или советскую «Волгу», то есть окажешься на пестрой международной ярмарке автомобилей.

Переходишь Дидубийский мост: - с шумного Дидубийского автовокзала поедешь, подобно многим, непременно в Мцхету и насладишься нестареющими древностями первой столицы.

Доверишься мосту Вахушти: смягчишь иссохшее горло холодным разливным пивом. Не сходишь с ума по пиву? Тогда стоящие у этого моста небритые мужики изумят тебя весьма сомнительной живостью.

Падших женщин не нужно? – пересеки Цирковой мост величавым шагом, остальное непременно произойдет само собой.

Соскучишься по «Макдоналдсу»: - тебе поможет мост Галактиона, хочешь на ту сторону – перейди к площади Марджанишвили, хочешь наоборот – иди вверх по подъему Верз с передышками – обязательно очутишься в одном из двух «Макдоналдсов».

Сухой мост поможет найти недорогую съемную квартиру, и добавок любой альбом Дженис Джоплин или Джимми Хендрикса на виниле или компакт-диске; да пусть хоть Френк Запапа или вовсе «Тен Иерз Афтер».

Стеклянный мост новенький с пылу с жару, и во всех смыслах прозрачный. Его заслуга в том, что расстояние от старого Тбилиси до другого берега легко сокращается пешим ходом.

Мост Бараташвили поднимет тебя к самой высокой церкви в Европе. В армянском театре в том же квартале посмотришь «Кукарачу» Нодара Думбадзе на армянском. По словам старейшин, эту затею раньше очень украшала «смешная» папироса. Не думаю, что сейчас дело обстоит по-другому.

Тот же мост пересечешь обратно: -танцующие скульптуры укажут тебе вольными движениями, куда нырнуть-вынырнуть, чтобы не заплутать в старотбилисских лабиринтах.

Перейдешь Метехский мост: - пусть Вахтанг Горгасал приветствует тебя сердечно поднятой рукой. Посмотришь и Метехский замок, в котором красные безбожники во время советского кошмара открыли театр, и алтарь был отдан под сцену, гримерки и раздевалки. Перейдешь мост обратно – дорога открыта в любом направлении, смотря чего желает душа твоя: серные ли бани, Ботанический сад, мечеть или синагога, Сиони или католический костел, евразийская улица Шардена со своей эклектикой, или Солаки... Шепну на ухо, что это и есть сегодня самая туристическая зона Тбилиси.

Если дойдешь до моста Ортачалы, внезапно наткнешься на старую гидроэлектростанцию, сделаешь фотографию и заодно вспомнишь сталинские усы.

От предпоследнего моста (а именно – от тамошней Ортачальской автостоянки), который именуют Акведукским, опять-таки микро-автобус с ветерком понесет вас в Кахетию, а то и дальше. Каким ты к нам вернешься, это уже зависит от кахетинского вина и, конечно, от твоей выдержки и воспитанности.

Вот, совсем крайний мост в Поничала, который рассчитан на пешеходов. Не думаю, что многие иностранцы его переходили, а ведь Кура с этого моста видна лучше всего, чуть ли не рукой подать до ее течения.

Даже больше скажу: очень древние говорили – ежели кто-нибудь из чужого племени в один день перейдет все мосты (сверху вниз или наоборот), тот воистину станет гурджи...

Что тебе сказать вернее этих слов? Сумеешь? Обязательно попробуй...Слышал небось – сколько языков знаешь, столько раз ты и человек. Дважды больший человек сможет и дважды больше увидеть и познать здешней жизни, нежели один.

Вот грузинский язык – это особая тема не только здесь, но и вообще, во всем мире. Не пытайся что-либо понять из интонации говора местных жителей, ибо многие твои предшественники отмечали, когда грузины разговаривают между собой, кажется, будто они ссорятся. Наверное, это и в самом деле так, потому, что тем людям явно можно доверять, и не только одному.

Про Нико Марра слышал или про Марджори Уордроп?

А про Георгия Гурджиева?

А про Тюбина и Капустина?

А про Шемонда Уильямса или Тайрона Элиса?

Хотя, про них мы скажем в дальнейшем...Вообще-то, это тот город, который в свое время, как и ты, с животным интересом посещали Кнут Гамсун, Джон Стейнбек и Боб Дилан, Марчелло Мастроянни,

Генрих Белль и Би Би Кинг, Роберт Де Ниро и Роберт Редфорд, Гаскойн и Дзола, Рей Чарльз и Джордж Буш...

Их-то ты точно знаешь?

Хотя, если ты станешь свидетелем ссоры и рукопашной, погляди и проходи мимо, не пытайся встать посередине, или снять фото, или того хуже (вызывать органы правосудия. Они сами лучше знают свое дело), а то велик шанс получить в нос от противоборствующих сторон за чрезмерную активность.

И если не все время будешь ходить пешком, не свернешь и не заплутаешь, хочу сказать тебе, что времени с утра до вечера вполне достаточно для перехода всех 13 мостов, и чтобы почувствовать себя, как я и обещал выше, вполне местным.

И если это в самом деле так и произошло, о гость, я уже никак не смогу обратиться к тебе отныне «о гость!», потому что уже не буду вполне прав. Не смогу тебя назвать и месье, мистер, сеньор, сенсей или бвана.

Просто спрошу тебя на грузинском:

- Как вам нравится город тринадцати мостов, сударь?

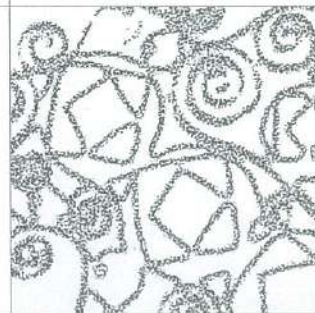
И будет верно до самого здешнего безоблачного неба, если ты скажешь, что невелик и неширок на сегодняшний день наш Тбилиси-город, однако глубок и великодушен.

Перевод Тинатин Мжаванадзе

Поэт, прозаик. Автор 12 книг романов, рассказов. Обладатель премий «Саба», «Церо», премии журнала «Октябрь», премии «Литературные имена». Редактор журнала «Литературная палитра» (Грузия).

Дождю, Чарквани

ГРУЗИЯ

СОЛНЦЕ ВОСХОДИТ

Солнце восходит – благодарим.
Коса над травами не стихает.
– Спасибо тебе, коса, – говорим...
– Трава, спасибо тебе, – вздыхаем...
Льют дожди – подставляем лбы,
мудрые лбы, горячие лица...
Ливням повелеваем литься
на горячие лица судьбы.
И не золотом – глиной и небом
присягаем любви своей.
Месим глину, кувшины лепим –
чем искуснее, тем звончей.
И задумчивые, как мужчины,

открывающие миры,
по столам шагают кувшины,
переполнены и щедры.
В них дыхание гор не стихает,
гулкий грохот грома живет.
Опоясанные стихами,
продолжают они поход.
И живем мы, огнем объаты,
выжимаем пот из рубах...
И кувшины, словно солдаты,
на часах стоят в погребях.

Перевод Булата Окуджавы

И мне звучит, как высшая награда,
Твоих ветвей лазоревый напев.
Я должен жить, я буду жить, ведь надо
Принести бальзам под сень твоих деревьев.

Я должен гнать не только мельтешенье
Полузнакомцев, но и хор друзей.
И если жизнь сулит мне поражение,
И если мне не хватит жизни всей,

И если я не сделал то, что думал,
И если я уже не встану вновь,
Ужель ты скажешь: – Как легко он умер?! –
Иссякло ведь не мужество, а кровь!

Неужто был бахвалом в некий день я,
Коль мне зарок исполнить не судьба?
Жизнь за тебя – да это ли паденье,
Да это ли пустая похвальба?

Перевод Юрия Ряшенцева

Поэт, публицист. Автор 30 поэтических сборников. Стихи переведены на многие языки мира. Первый президент грузинского ПЕН-центра Всемирного ПЕН-клуба. Лауреат Государственной премии им. Шота Руставели, премии им. Галактиона Табидзе, лауреат премии журнала «Огонек», лауреат премии им. В.Маяковского. Почетный гражданин Тбилиси. Награжден Орденом Вахтанга Горгасала I степени.

Давид Чухрадзе

ГРУЗИЯ

ТИФЛИС

Что остается в жизни, где нет конки,
Где суженые проносятся молниеносно на рассвете;
Сегодня Шалва поднялся в Шиомгвими, встречать весну;
Сегодня с Карло два раза снимали череп в его любимом
И ужасающем Тифлисе девяностых, в бедном
Квартале, в мусорной яме фабрик и мировой индустрии,
Грмагеле,
Грмагеле – очень похоже на слово «имгере»¹.
Взять хотя бы песню Шота о нашем больном городе,
Где ничего не осталось – ни государства, ни
Жития и даже
Беспомощных собак, перебегающих с вокзальной площади
В замыленную ночь. Не осталось таких же девок в замыленных

Зеркалах туалетов и душевых.
Пой, посвяти это Сандро, которого
Уже можно считать потерянным.
Посвяти эту песню баням, где солнечный луч играет
С водой из открытой форточки, играет с грязью
и растаявшим куском мыла

На каменном полу,
Кто-то поет, кто-то сношается с однополым,
Ибо каждый человек
Одинокий и беспомощный ангел;
Тифлис, откуда бегут природа, пейзажи, картины
Давних и драгоценных воздаяний.
Откуда бегут минуты, лица и даже
Память о них.
Где министр безумен так же, как поцелуи, деньги,
Забота, путешествия, и ты
Становишься таким же безумным;
Тифлис, где мусор превосходит по количеству свалки
И ни одна птица не находит укрытия
В небесной сини.

Скажи, разве кто удержит тебя от того, чтобы
Потерять возлюбленное тобой, разве скажет кто:
«Постой, вот видишь у него – сердце, глаза – у этого».
Помни, братство твое, в котором были Карло, Сандро,
Шалва, Шота, множество женщин, детские звуки, –
Никогда больше не возвратится.

1 - «Имгере» - пой (груз.)

Перевод Кети Чухров

ХАШИ В УТРЕННЕМ ТБИЛИСИ

Тщательно подбирать
Узкая долина
Сухожилие
Подкромка Растений

Корень Дерева
Не в духе

Кукольный
Пустынное нагорье

Беспольный
Кастрированный
Средний Род

Нейтрон
Баллада
Пение Птиц

Городской Транспорт

Поэт, арт-критик. Переводит американских поэтов и теоретиков. С 1994 г. руководит Тбилисским театром перформанса Марго Кораблевой.

Арсений Ровинский

* * *

за питьевой исправленной водой
за флагманом и высшим комсоставом
встает Казбек и шевелит ногой
или каким другим своим суставом
грохочут громы плачут бубенцы
воробушки и прочие скворцы
взлетают ввысь друг друга догоняя
и среди этой праздной чехарды
растет лоза и дети вырастают

* * *

грузинский мальчик смотрит на Казбек
и думает что он внутри Казбека
как будто бы он брынза и вино
домашнее и сокол-мимино

везет ему бинокли из Брюсселя
потом везет компьютер мерседес
весь черный и прозрачный еле-еле

* * *

я на картинке беру нашел
там берия и пела и плясала
безумная, со скромными усами
она сказала мне – пойдём, Резо
пойдём Резо повеселимся с нами
последними кавказскими лесами
что нам земля и все её стекло

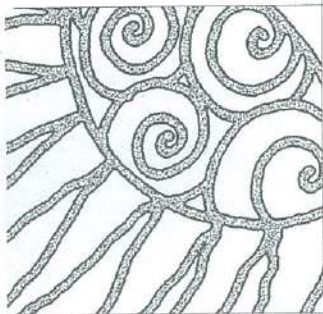
МАШУК

Вначале просто били наудачу,
а к вечеру устроили раздачу –
под каждым камнем – горец и боец,
ночной тархун и утренний чебрец.
Владелец скал, чья родина – темница,
боится спать, но и не спать – боится,
где Терек полоумный шевелит
форель прозрачную и бархатный гранит.
Здесь муэдзин с азартом замполита
поносит тех, чья борода обрита,
на Грузию вещает из-за туч,
и голос его грозен и тягуч.
Ночной чебрец и утренний тархун.
Вершины гор как пирамиды шхун,
медведи в спину целят из дустволок.
Барашек нежен, но в груди – осколок.
Посмотрим на дивизию с небес,
и прогуляем этот гудермес,
как в детстве – анемию физкультуры.
Ни белые, ни черные фигуры
в такую осень не сдаются в плен.
С блуждающей улыбкою чечен
качнется, как Мартынов на дуэли.
Оправа треснула, но стекла уцелели.

*Поэт. Шорт-лист премии Андрея Белого. Автор нескольких
сборников стихов.*

Елена Ицатова

Зимой меж радостью и тьмой
одна свеча всего,
так весело смотреть зимой
грузинское письмо,
где бьются белые кусты,
с водой переплетясь,
там, думается, темноты
не знали отродясь.
Как занавески, две горы
туда раздвинул Бог,
и не скупился на дары,
и света не берег,
соткав из сумрачных небес
лазурный небосклон.

Он музыкой и светом весь
до края напоен.

1972

ТБИЛИСИ

Я приняла эти выдохи: «хо» и «ара»,
осени привкус — льда, тления, жара,
и непочатую смерть в золоченой клетке
кукольной драмы, где плачут марионетки.

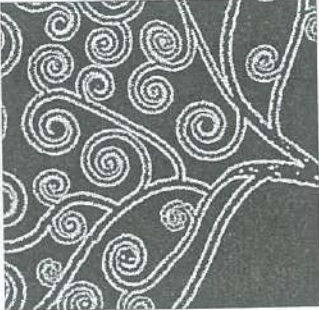
Не затвердила названий, имен. Вспоминаю только
воздуха конус над пепелищем колхов,
тело толпы, плывущей по Руставели,
теплую тьму, как завесу над колыбелью...

И отступила обида моя, угасла,
и воспаленной твоей земле говорю: «прекрасна»,
даже когда ломаешь больные крылья,
бредни кровавые смешивая с былью.

1989

Поэт, прозаик, киносценарист. Публиковалась в журналах самиздата, а также в зарубежных изданиях. Лауреат Анциферовской премии и премии им. Н.Гоголя. С 1990 г. живет в Израиле. Член редколлегии «Иерусалимского журнала».

Навер Лукьянов

ЗИМА НА ЗАРЕЧНОЙ УЛИЦЕ

в конце известных всем событий,
зажав сознание в кулак,
стоит старик перед уходом
и озирается как враг.

собаки движутся, шерстятся,
летит и муха и комар,
над человеком возрастает
огромный современный шар.

в гробу сколоченного счастья,
в век затаенного добра,
чем православнее погода,
тем минаретнее дома.

и в этой, скажем так, пропаже
равноапостольных сердец
такая кроется усталость,
что, слава Богу, нам конец.

такому вряд ли есть прощенье:
наш сын ушел, земля пуста,
машины встали и смеются,
я понимаю: смехота!

се – человек! c'est tout, приятель,
давай хоть песенку споем,
на фоне двух тысячелетий
такая редкость быть вдвоем.

когда зима пройдет, не знаю,
пришли дожди, стоят снега,
и ты мне, родина чужая,
ты мне все реже дорога.

на этой улице подростком
встречал с улыбкой я людей,
теперь на этом перекрестке
со смертью встречусь я своей.

КРУГОВОРОТ

если это – метель, если дверь – это дверь,
и собака за ней заперта,
человеческий путь – не успеешь вздохнуть
и уже не вздохнешь никогда.

в суете наших душ ты закон обнаружь,
муравейник на солнце рябит,
мой двоюродный брат просыпаться не рад
и, немедленно выпивши, спит.

так за горем людей не видать площадей
успокоенной ржи под луной,
я увижу коня, он поднимает меня,
и мы выйдем на берег иной.

как ребенок в бреду снова страх обрету:
тело выросло, голос велик,
мама плачет сидит, голова на вид,
я единственный в доме мужик.

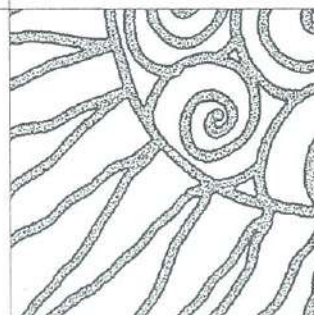
дед и бабка мои, цапли и журавли
за рекой на восходе стоят,
я как мальчик стою на крылечка раю
и сквозь нас проступает закат.

Поэт, прозаик, публицист. Один из основателей Русско-каталонской ассоциации «ARCA» (Барселона, Испания).

Навер Банников

КАЗАХСТАН

ЗООПАРК. ПЕЙЗАЖНАЯ ЛИРИКА

...пыль будто подрагивает в ожидании дождя.
Как и прежде, слон дрожит в ожидании мыши. У выхода –
протягивает руку дядя.
Поднимаешь голову выше

его лица,
там – перья на синем сквозь пожухшие листья сливы.
Слон дрожит, мышь мерцает.
Пыль ожидает полива.

6 ЯНВАРЯ, 90-Е

рита ушла на службу в баптистскую церковь
галя ушла на службу в баптистскую церковь
вера ушла на службу в баптистскую церковь
ира ушла на праздничную службу в вознесенский собор
алеша ушел на собрание общества сознания кришны
саша пьет водку с местными турками-месхетинцами

паша
наташа
лена
и оля —
играют в снежки
первого снега

из открытых дверей сорок первого москвича во дворе
дети впервые слышат рождественский гимн

ТРЕТИЙ МИР

промокшее пальто согревается в такси
шофер говорит
извини
может это не мое дело —
ты похож на баптиста —
с рождеством!

я еду к тебе и думаю
что мы живем в стране третьего мира
что за последние несколько лет я не встретил ни одного
приятного собеседника
что за последние несколько лет я не услышал ни одной новой
музыки
что за последние несколько лет прошло в несколько раз больше
лет чем прошло

что тем не менее рождество в стране третьего мира
приятнее
чем где либо еще
даже если ты не религиозен
а может
как раз благодаря этому

шофер подмурлыкивает джорджу майклу
и улыбается мне
как иисус — ребенку

Поэт, эссеист, редактор, издатель. Публикует стихи и прозу под псевдонимом Павел Погода, эссе и статьи под своим именем. Региональный куратор проекта Новая Литературная карта России.

КАНАДА

Бахит Кенжетеев

КОЛХИДА

Звиаду, Инне, Шоте

1.

У черного моря, в одной разоренной стране,
где пахнет платан шелушащийся пылью неждешней,
где схимник ночной, пришепечывая во сне,
нашаривает грешное блюдо с хвостатой черешней,
у черного моря булыжник, друг крови в висках,
обкатан волнами, и галька щекочет подошвы —
я пью и печалюсь, и думаю: Господи, как
легко поскользнуться на собственном прошлом.

Пусть с моря доносится выпренный шелест ветрил.
Не алых, холщовых. Не выйдет бежать, да и поздно.
Давно я уже задыхался, давно говорил,
Дыша ацетоном под дырчатой пленкою звездной,
Что мощью отлива безумная муза сыта,
Что плакальщицами испокон работают черные ивы,
Когда молодая надежда тебе отворяет уста:
Скажи мне, Медея, ведь это неправда? Они еще живы?

2.

Старинным царством звуков «дж» и «мц»
бредет турист с блаженством на лице.
то самогоном тешится крестьянским
из виноградной шкурки, то вино
из горла пьет, хотя ему оно
не в кайф – по итальянским ли, испанским

понятиям, букет чрезмерно прост.
Зато лаваш! Зато прощанье звезд
с Творцом по православному обряду,
когда наш новый Тютчев в дольний мир
спускается, покинув шумный пир,
чтоб помолиться городу и саду.

Гостиница. Ipad или Ipad?
Гимн не допет, не допит горний свет,
стареет на тарелке сыр, обветрясь,
и ласково седому дураку
диктует муза легкую строку
на статую играющего в тетрис.

А резкое наречие свистит
и завивается, под ветром шелестит
древесной стружкой. Вначале было слово,
потом – слова, потом – соцветья строф.
И город вздрагивает, будто слышит рев
бомбардировщика, разбойника ночного.

3.

Жизнь в Колхиде была б легка, когда бы не испаренья
малярийных зыбей, не разруха, не воровство
сильных мира сего. Жизнь в Колхиде – праздник слуха и зренья,
как, впрочем, и осязанья. Полагаю, что ничего
страшного. Буду и я помирать, не подавая виду
по причине гордости, буду и я обнимать
деву не первой молодости. Позолоченное руно в Колхиду
везут из соседней Турции. То-то славно дышать,

осознавать, смеясь, что дубленой овечьей кожей
не прикрыть обнаженных чресел, перезрелым инжиром не
утолить голода. Я признаюсь тебе: похоже,
что мы все-таки, к несчастью, смертны. А как же звезды? Оне,
объясню, как неудавшийся химик, не более чем костры из
водорода и гелия, годного лишь в качестве начинки для
глянцевых шариков с Микки-Маусом. Зрелость, лживость,
лень и детский восторг – чему только не учила наша земля,

как дорожили мы смолоду нетленным именем-отчеством,
но перед урочным уходом в нептунову тьму –
все ясней и печальнее на неухоженном, на болотистом
побережье, унаследованном у тех мореплавателей, кому
не удалось, у кого, как ни огорчительно, не выгорело.
Безрукий нищий на пляже обходит курортников. Визг
русской попсы из нехитрого бара. Князю – игорево,
а что же нам? Неужели несправедный суд, вдовый иск?

*Поэт, прозаик, эссеист. Один из учредителей поэтической группы
«Московское время» Лауреат нескольких литературных премий.
Стипендиат Канадского совета по делам искусств (2009).*

Сергей Пигулин

Преодолеть границы сна и яви,
зажечь молитву сполохом кудрявым –
и отвести беду в пророческом кругу.

Воители небесной обороны –
в ветшающей тени древесной кроны
монахи дремлют на озерном берегу.

Преображенная великой схимой,
спокойна гладь воды непобедимой
страницей темных книг, хранящих праязык.

И в бабочку живую обратится
мудрец, который бабочке приснится.
И бабочка крылом коснется Лао-Цзы.

КОНЕЦ АВГУСТА

*«Все надежды – на Бога и мальчика,
что в бурьян залезает, ворча».*

Елена Образцова

На излете горячего месяца –
пустота и сиянье вокруг,
но в медлительной жажде пригрезится
тот прозрачный, свежающий звук:

то ли стебли осоки сплетаются,
то ли пишут по небу стрижи,
то ли млечные души взмываются
ветровыми разбегами ржи.

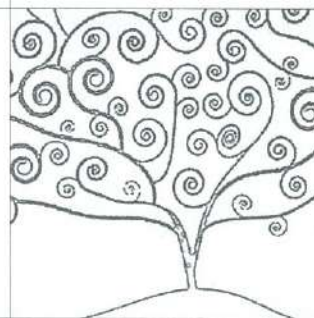
Обжигаются, путают заросли
злых репейников у реки,
устремилась в полуденной ярости
человечьи рубить сорняки

трое мальчиков с шашками наголо,
точно ангел с небес вострубил –
и на землю спустились архангелы –
Михаил, Рафаил, Гавриил.

Поэт, прозаик. С 1974 года живет в Риге. Член Союза российских писателей. Автор книг стихов и прозы.

Юрий Кобрин

ЧАСТНОЕ ЛИЦО. 6 ИЮНЯ

Как сорок лет назад, так и сегодня
мои стихи приемлемы едва ль
экс-тихарькам, общественникам, сводням.
Наташа, разведи мою печаль!
От Сахалина, от Литвы, к Колхиде
задышлив и упорен сучий гон...
Наследственная быдлость очевидна,
подметных писем неизменен тон.

Пещерные из большевиколита,
вас поротых в парткомах, Богу жаль.
Завистливостью всклень глаза налиты,
Наталя, утоли мою печаль!
Клянется чернь Ахматовой и Блоком,

строф не поняв. А как травила их...
По следу шла, чтоб под Владивостоком¹
в помойной яме русский стих затих.

Они бы обличали Гончарову,
тащили на товарищеский суд,
допытывались с прямою суровой,
в чем с иностранцем отношений суть?
Но Пушкиным клянутся. И в зыбучей
тоске дантески — цианид-миндаль...
Перевербовкой организм измучен,
«скурватору» привет мой передай.

Она — то пролетарка, то дворянка,
он — то сексот, то предков скрывший князь.
Кто квас сосет, кто кофе — спозаранку,
а под ногтями, — как ни чисть их! — грязь.
Доступны два притопа, три прихлопа...
Каких цветов их личный триколор?
И в блейзерах, и в клумпах по-холопы
лояльны власть имущим с давних пор.

1 - Обезумев от голода, став доходягой, О. Мандельштам погиб в
транзитном лагере на Второй речке под Владивостоком.

о. Крит — Вильнюс — Колхида, 2007-2009

Поэт. Заслуженный деятель искусств Российской Федерации.
Кавалер ордена Великого князя Литовского Гядиминаса и ордена
Дружбы. Учредитель и заместитель председателя правления МФРП.
Официальный представитель МФРП в Литве.

Олеся Рудяшина

МОЛДОВА

Из цикла «ГРУЗИНСКИЕ ФРЕСКИ»

ГРУЗИИ

Я еще не привыкла к цветению куртин,
угадать не могу имена добрых вин
в невидимках – бокалах, и только одно,
«Пиросмани», запомнила чудо-вино.

Пиросмани – вино. Пиросмани – рассвет.
Пиросмани – Олень-исполин! Смерти нет.
Разве эта букашка, охотник с ружьем,
Изменить что-то может в свеченье твоём?

2011

111

А на Троицу в храме Метехи прилив
тихоликих людей и теплый сквозняк,
и ромашки без счета, гортанных молитв
непривычных мелодия, и полумрак,

и в молитвеннички жарко впаянный взор, -
что уткнулись в ладони большие мужчин,
и, на солнечных тросах, птичий простор
держит прочно здесь нас. И славян. И грузин.

2011

Так вот ты какая, душа моя, -
гляжу, и дышать забыла:
думала, тема закрыта: я
до смерти отлюбила,
и, зачаровано плеском крыл,
тихо ветшает тело...
Но Светицховели вдруг воспарил
в ласковой Сакартвело!

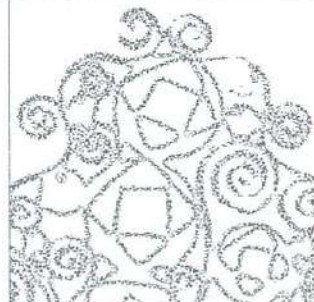
И, там где картина Вселенной взошла
неугасимой фреской,
мне возвращается все - дотла -
отпыхавшее. Детской
радостью, неистребимой ничем,
сердце-стриж в синь взмывает,
и, не пытаясь понять, зачем,
высоту набирает.

2011

Анастасия Векшина

ПОЛЫША

сначала
как будто камень проглотил и никогда не переваришь
потом одна слеза из глаза предпочтительно из левого
и наконец

совсем неинтересно если никогда
не будет продолженья
а может быть наоборот
пусть будет только трейлер, имена
актеров
название кинокомпании
и дальше ничего

так камни с моря ракушки и листья
сухие что когда-то привезли

родители из теплых стран
и дедушка с гастролей
и прадед что пересекал границу
в телеге ночью
мне только говорят о детстве
сужая географию земли

слеза из глаза
допустим левого катилась
я шел по улице и голова кружилась упал и ничего не помню
теперь перебирать пока не поздно
руками и ногами как во сне
увидеть мир внизу и разменять
его на камешки на ракушки на на
держи тебе все это пригодится

мы просыпаясь держим в кулаке
воображаемые камни

и наконец

выходишь из вокзала
с утра а там все чистое такое значит
что дождались тебя кричит судьба
по громкой связи

кричит судьба
по громкой связи
на незнакомом
языке

лучшие города как яблоки
с сердцевинкой и кожурой
с червяками
со всеми яблочными делами
лучшие города существуют
только во сне
они совмещают
то где ты был и то чего не бывает
в лучших городах
все просто и ничего не понятно

только что шел туда
а вот вернулся обратно
ничего себе не представляй
садись и поехали
лучшие города
зреют на мировых ветках
под закрытыми веками

*Поэт, филолог, переводчик. Автор сборника стихов и
короткой прозы «Море рядом». Живет в Гданьске.*

Елена Иванова-Верховская

ЛАСТОЧКИ НАД ТБИЛИСИ

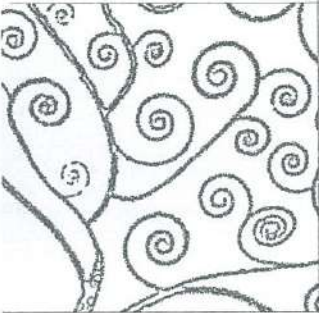
Прокатится арба по параллельным склонам,
Гремя по мостовой, по мостовой и без.
Как весело всему, что может – быть зеленым,
Хотя арбу зовут сегодня – «Мерседес».
Но это все равно движенья не возвысит
И не изменит черт ни сумерек, ни гор,
Где отдохнуть прилег распахнутый Тбилиси
И ласточек с руки пускает до сих пор.
А птиц над головой не много и не мало,
Снуют, и так легка заоблачная сеть...
Я помню много мест, где тоже накрывало,
Но и нигде, как здесь не верилось – взлететь!

ПО ГРУЗИИ

Маквале Гонашвили

Июль внахлест, а зелень все свежа,
В Колхиду странно добираться не по морю,
Автобус, между склонами зажат,
Ворчит себе, соседней речке вторя...
А берег прост. Подшерстком у песка
Вдоль серой кромки вечереет стадо,
И юность общая так кажется близка,
Что ближе не бывает... и не надо.
Кувшин вина, полна присутствий ночь,
Отодвигая быстрый час рассвета,
И пения уже не превозмочь —
Ах, Грузия, люблю тебя за это,
За трижды позабытое вчера,
За то, что улыбается Маквала...
Не глядя принимала нас Кура,
Когда Москва, не глядя, отпускала.

*Поэт, переводчик. Член МФРП. Член Союза писателей
России.*

Елена Исаева

ПАМЯТИ НИКО ГОМЕЛАУРИ

1.

Сегодня ночью приходил Нико –
Сидел, курил, цитировал Шекспира,
Смеялся заразительно легко,
Преображая мне картинку мира.

Он, как живой, пил кофе с коньяком –
Реалистичность эта не страшила.
И только почему-то в горле ком
Не исчезал. И утро не спешило.

Когда он сигарету стал гасить,
Я напоследок «письмецо в конверте»
Спеть попросила, не решась спросить
О самом главном: что там – после смерти?

2.

Как хорошо рифмуется «Нико»,
Ну, например, со словом «далеко».
Но если воспаряешь высоко,
То «далеко» преодолеть легко!

3.

Его с высокочинкою голос
Легко воспроизводит диск...
А все, что «пело и боролось», -
То – вереск или тамариск.

В льняной рубашечке нетленной
Харон стоит на берегу.
И всю гармонию вселенной
Опять вместить я не могу.

4.

Там, где теперь Нико,
Всем нам когда-то быть.
Мертвых любить легко.
Трудно живых любить.

Н.Свентицкому

Предстанет мир живым и многоликим!
Давайте в этом подражать великим:
Как Пушкина, счастливая Планида
Опять забросит в райский уголок.
И вот – благословенная Колхида
Долиною расстелится у ног,
Чтоб каждой порой впитывать природу
И до звезды идти по борозде.
Принять любовь легко – как хлеб и воду.
Здесь остро ощущаешь, как нигде:
Всего, чего когда-то не додали,
Судьба не сможет навсегда лишить.
И речка горная пьянит, как «Цинандали»,
И, обжигая, заставляет жить.

Переводы из НИКО ГОМЕЛАУРИ

МОНОЛОГ ВЛЮБЛЕННОГО АКТЕРА

Что ж я воюю с Шекспиром отчаянно,
Если ты где-то с другими – случайными?
Справлюсь с «подводным течением» Чехова,
Только ты снова куда-то уехала!
Сколько сменю и обличий, и грима я,
Но без тебя постарею, любимая.
И будь я Фигаро, будь Дон Жуаном я,
Верь, что тебя не унижу обманом я.
Сартр или Ибсен – как они жалобны –
Вновь потому что к кому-то сбежала ты.
Снилось – душил тебя в роли Отелло,
Обнял твое бездыханное тело,
В страхе проснулся, в поту, в наваждении...
Что только не напридумают гении?!

Не осталось сердца, почек,
Легких – все равно борюсь,
Выдыхая правду строчек,
Горьковатую на вкус.
Но в глаза взглянувши Нине,
Словно вижу свет в окне –
Ведь играл же Паганини
На единственной струне.

Поэт, драматург. Автор семи книг стихов, двух книг пьес. Участник поэтических фестивалей и фестивалей современной драматургии. Стихи и пьесы переведены на многие языки мира.

Здур Квижендзе (Михон Влади)

НИКО...

Посвящается Нико Гомелаури

Я запомнил твою улыбку...
А еще запомнил бейсболку...
Совершила судьба ошибку...
Проклинать ее – что же толку?..

Ты, себя всего раздавая,
Так спешил, спешил, будто зная,
Что служить лоскутку шагреню
Остается всего мгновенье...

И дарил, дарил – без остатка!
Все что мог, имел и умел...
На твои подарки мы падки –
И хватали, кто что успел...

Я забуду теперь едва ли,
То был миг, но прекрасен он!
Когда ты при аншлаге в зале
Лично мне подарил поклон...

На эстраде, в кино, на сцене...
Ты горел, горел и... сгорел!
Так гореть может только гений,
И сгорать – это их удел...

И стихи твои, твои песни
От любых других отличишь...
Вот звучат они – и мы вместе...
Словно ты где-то здесь стоишь...

Будто смотришь на нас с улыбкой,
В неизменной своей бейсболке...
Совершила судьба ошибку...
Проклинать ее – мало толку...

О, ГРУЗИЯ!..

Как часто я Грузию вижу во сне,
Она неизменно является мне...
Страна удивительнейшей красоты,
Страна фантастической вечной мечты...

Ну как ты попала на шарик земной?
И что, объясни, происходит со мной?
Я просто пьянею, увидев тебя,
Что ж так мне и жить, тебя вечно любя?

Ведь есть же на свете другие края,
И в каждом упрятана прелесть своя,
Но Грузию нашу ни с чем не сравнить!
Лишь Грузию можно так нежно любить...

Лишь Грузией можно так грезить во сне,
Лишь Грузия может так нравиться мне...
О, Грузия! Ты в целом мире одна!
И ты – воплощение чудесного сна!

*Поэт, драматург. Член СП России, член Союза театральных
деятелей России, член МФРП.*

Юрий Кир

ПОЛЬЗА ПОЭЗИИ

Смотрю в окно, а там январь и надо что-то делать.
А ты лежишь, а ну вставай на лыжи и коньки,
А ну пойдём, пока зима, кататься, прыгать, бегать!
«Мороз и солнце, день чудесный» – помнишь, чьи стихи?

Ничего нет на свете полезнее,
Когда зябнет и стынет душа,
Чем открыть томик русской поэзии –
Ты увидишь, что жизнь хороша!

Смотрю в окно, а там апрель, листочки и побеги,
А ты лежишь, а ну вставай, а ну смотри сюда:
Поют ручьи и соловьи, смеется солнце в небе!
«Весна, весна, пора любви» - ты помнишь, чьи слова?

Ничего нет на свете полезнее,
Когда кажется – все позади,
Чем открыть томик русской поэзии –
Ты увидишь, что все впереди!

Смотрю в окно, а там июнь и летние походы,
Потом сентябрь, а с ним опять подъем душевных сил.
А дело в том, что у природы нет плохой погоды.
Кто так сказал, не помню, но он знал, что говорил!

Ничего нет для сердца любезнее
И полезнее нет ничего,
Чем открыть томик русской поэзии
И в окошко смотреть сквозь него!

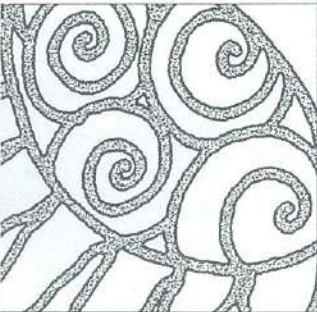
А там опять – январь-февраль,
А там опять – сентябрь-октябрь,
А там опять – июнь-июль,
август!

ПЕСНЯ ЧИНЧРАКИ

Если б я был царь или бог,
Я устроил бы пир горой,
Каждый день бы ел, сколько мог,
И живот имел – вот такой!
Кто хотел бы, ко мне пришел,
Я один гулять не привык.
Через весь Кавказ – общий стол,
Словно очень большой шашлык!

И царевну бы встретил я
Возле сада роскошного
«Здравствуй, Лали! – сказал бы я.
Что на свете хорошего?»
Стал бы я ее суженым,
Взял бы я ее за руку
И водил бы – то к ужину,
То к обеду, то к завтраку!

Поэт, композитор, драматург, сценарист, бард. Член Союза кинематографистов СССР, Союза писателей, ПЕН-клуба. Лауреат российской государственной премии им. Булата Окуджавы.

Лев Козавский

ПОСВЯЩАЕТСЯ ГРУЗИИ

Абракадабра прекрасной речи.
Сальто-мортале гортанных звуков.
Праздник беспечности человеческой
Для забредшего в гости слуха.

Выход амбиций – выброс эмоций –
Мастер-класс по внеклассной речи –
Где гордецы горожане горцы
Кости кидают на чет – иль нечет.

Темень подъездов твоих и света
Луч над заснеженной грядой –
О, Сакартвело! – рай – край поэтов –
Крайняя точка, границы с тою

Стертой империей, что четвертым
Рейхом слыла, и давала стали
И уголька на-гора, но черную
Кровь виноградную, кровь витальную

Ты лишь пускала до Ледовитого
Нам океана, поила щедро...
Это уж после, как стали квиты мы –
Насухо вычерпали все недра.

Вот и пришел я в твою столицу
Царство ушедших царей, во Мцхете
Мирно уснувших, там, где молиться
Не прекращают за тех и этих.

Дай же мне, слышишь, обмылок веры,
Нитку надежды, обмоток ткани,
Той, на которой держится первый
Храм, что выстаивает веками! –

Переложу мою речь в подстрочник –
Перемешай ее с теплой глиной –
Вылепи заново позвоночник –
Звуком продуй мне его звериным –

Дабы суметь мне, пришельцу, ходу
Давшему в злые пустые годы,
Вечного слуха коснуться кодой,
Речью нетронутой переводом.

МОИМ ТБИЛИССКИМ ДРУЗЬЯМ

Я был в Тбилиси в ноябре,
Ночами теплыми, как летом,
Курил с друзьями во дворе
Траву, добытую соседом.

Смотрел на синий небосвод
Как плыли знаки зодиака,
Какой-нибудь астральный кот
Проплыл над нами и собака...

Я знал медведицу и все.
Полярную звезду отчасти...
Как очарованный осел
Из *Шрека* я ревел от счастья...

Еще бы, ведь со мной друзья!
И мы стоим под небесами!
Я так хотел сказать вам — я
Лишь тем был счастлив, что был с вами,

Что вы меня пустили в дверь,
Ввели во двор, в ваш теплый город,
Под это небо... А теперь —
Когда вас нет, привычный холод

Вернулся... И, закрыв глаза,
Я чувствую внутри глазами
Тбилиси, теплый как слеза,
Является мне вместе с вами.

Поэт, театральный художник. Работал декоратором в московских театрах и студиях.

Вадим Мурадян

РОССИЯ

ПРЕОДОЛЕНИЕ ГЕОГРАФИИ
Из грузинского дневника

1.

В детстве моей Грузией был фильм «Мимино» и футбольная команда «Динамо» (Тбилиси). В память врезалась черно-белая картинка: матч чемпионата мира-82 Шотландия – СССР. Гол, забитый Рамазом Шенгелия. Потом нелепая ошибка Александра Чивадзе: не попал по мячу и позволил двум шотландцам выйти на наши ворота. Но это еще не все: Чивадзе, центральный защитник, не забивавший почти никогда и никому, подключается к атаке и сравнивает счет – 2:2. «Исправил ошибку», – резюмирует комментатор, а я в этот момент начинаю что-то понимать о грузинском характере.

2.

Первое впечатление от Грузии – ее несоветскость. В других бывших союзных республиках, где довелось побывать, бросается в глаза родство, общность травмы, в той или иной мере выраженная боль ветки, отсеченной от родного ствола. В советские годы я в Грузии не бывал, но есть ощущение, что этот не чуждый Западу в архитектуре и живописи Восток всегда держался немного особняком, сохраняя в своей крови защищенную грядями гор независимость.

Но самое несоветское в Грузии – это, конечно, растительность. Эвкалипты и мандариновые деревья – даже не советский юг, а явная экзотика и заграница.

Пальма – шершавая слоновья нога – растет посреди дороги в Кобулету, между центральной площадью и рынком. Машины аккуратно объезжают ее, словно священную корову на улице индийского города.

Батумский ботанический сад – парк Юрского периода для деревьев. После привычных, соразмерных человеку дубов, тополей, вязов – неправдоподобные, неохватные исполины. Не всякая птица долетит до вершины секвойи. Стоят, не замечая нас – насекомых наблюдателей, шелестят что-то друг другу на недоступной взгляду высоте.

В деревянной клетке невзрачное деревце с бледными пятнами по стволу. Знаменитый анчар, – представляет его экскурсовод. Прикосновение оставляет ожог. Попадание капли сока в кровь – верная смерть. Дерево выглядит безобидным, как немолодой маньяк в зале суда.

История сада – воплощение грузинской натуры. Его основатель, Андрей Краснов, долго выбирал место, способное принять и взрастить представителей мировой флоры. Выбрав, попытался выкупить землю у местного князя. Тот не соглашался продать ни за какие деньги. Узнав, что для ботанического сада, – подарил, не взяв ни копейки.

Знакомые писатели и случайные собеседники – таксисты, портые, продавцы на рынках – не жалуются на жизнь, власть и растущие цены. При достаточно скромном уровне жизни сохранить лицо и национальную гордость – дело чести для каждого.

3.

Столь же независима и самодостаточна грузинская культура. Некоторым из пасынков советской семьи Россия подарила письменность, живопись и даже поставила хореографию. Грузии

же от России нужна была всегда в большей степени защита и безопасность, нежели культурная подпитка. Она и в советские годы оставалась по отношению к империи такой кавказской не отделившейся вовремя Польшей. Помню, как поражали меня грузинские фильмы, в которых актеры разговаривали собственными гортанными голосами, и женский бесстрастный голос дубляжа ложился поверх иноязычного диалога, не впитываемый его тканью.

У Грузии были Руставели, Бараташвили и Табидзе – достойные собеседники для Лермонтова, Мандельштама и Пастернака. И Грузия никогда об этом не забывала. Она и нашего Пушкина видела своим, незаемным взглядом. Пройдите до конца по проспекту Руставели и убедитесь сами: у тбилисского памятника классику знакомыми кажутся одни бакенбарды.

Непереведенное поколение грузинских авторов, выросших в глухие 90-е, поражает своим разительным несходством ни с русской, ни с западной поэзией. Вот Шалва Бакурадзе поднимается на сцену и, закрыв глаза, выпевает а капелла свои долгие медитации. После аплодисментов голос из зала: «А перевод?» – «Я думаю, этому стихотворению он не нужен, все понятно и так». Ничего не понятно, но автор в чем-то прав: возможно, это стихотворение просто не поддается переводу и не нуждается в нем.

4.

У поющих фонтанов в Батуми звучат Doors, Pink Floyd. Попса здесь, видимо, не в чести. С бутылками грузинского пива в руках садимся на скамейку, вдыхаем морской воздух, выдыхаем чад и суету своих оставленных на полторы недели столиц.

Подошедшая к нам женщина заговаривает без акцента.

Представляется: Альфия, татарка, жила в Москве, училась на журналиста. Потом вышла замуж за батумского грузина.

– Когда-то у меня была мечта: иметь четверых детей и большой дом, чтобы можно было всех родственников принимать.

Недавно стою на балконе, муж подходит ко мне, обнимает, спрашивает: «Ну что, Альфия, сбылась твоя мечта?» Вон там мои дети катаются, – указывает она в сторону фонтанов, и в подтверждение зовет сначала старшую дочь, потом среднюю, потом маленького сына... По очереди подкатывают на роликах, смущенно здороваются.

– Я никогда не жалела, что сюда переехала. Вот только по-русски в последнее время поговорить не с кем. Вы туристы?

Откуда?

По очереди представляемся, называя свои страны и города.

Приглашаем в театр на наше завтрашнее выступление.

– Поэты? Фестиваль? Это здорово. – Задумывается ненадолго. –

Я завтра приду, тоже стихи почитаю.

Растерянно киваем.

На обратном пути в гостиницу мой сосед по номеру, проникшись неторопливым батумским временем, рассуждает о том, что неправильно живем мы в Москве, зарываясь носом в бесконечные дела и проблемы. Не чувствуем жизни, пока она утекает сквозь пальцы. То ли дело купить домик где-нибудь здесь, или в Черногории, сдать московскую квартиру...

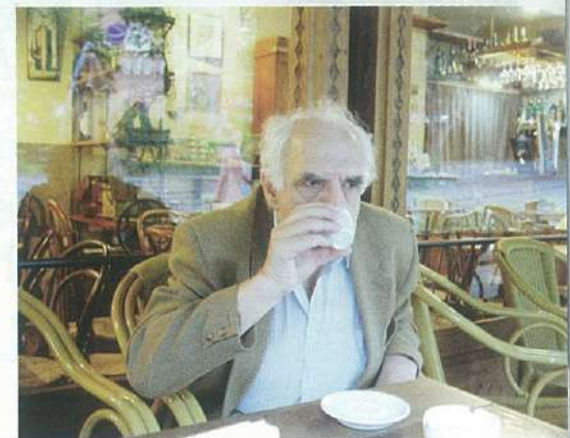
Приморского наркоза хватит еще дней на пять. Потом сосед начнет роптать: нет, нельзя же так расслабляться – дела стоят, все меня ищут, в ящике тридцать непрочитанных сообщений за один день.

5.

Здесь, в Грузии, задумываешься о том, что человек потенциально шире своей географии. В нем заложено больше, чем вынуждает проявлять место его проживания. Новое солнце высвечивает новые грани характера и темперамента. За две фестивальные декады я наблюдал примеры этого преодоления географии. Кто-то из знакомых неожиданно для себя начинает блистать остроумием и обаять окружающих женщин. Другой за обедом подсаживается с улыбкой к столу, где сидят его непримиримые литературные оппоненты. Третий высказывает тебе в глаза обиду, которая, случись в обжитом, привычном пространстве, наверняка осталась бы, не облеченная в слова, тлеть в глубине сердца. Через несколько дней, проведенных здесь, все мы уже немного грузины.

В последний вечер участники, остающиеся в гостинице до утра, выходят к автобусам, чтобы проводить первую партию отъезжающих. У некоторых на глазах слезы: люди привязались друг к другу и не считают нужным это скрывать. И что с того, что через несколько дней они снова будут злословить и язвить литературных противников виртуальными стрелами, – каждое мгновение драгоценно вне зависимости от его места в общей цепи, и эти объятия у автобуса с заведенным мотором уже ничто не отменит.

ФЕСТИВАЛЬНЫЕ ДНИ

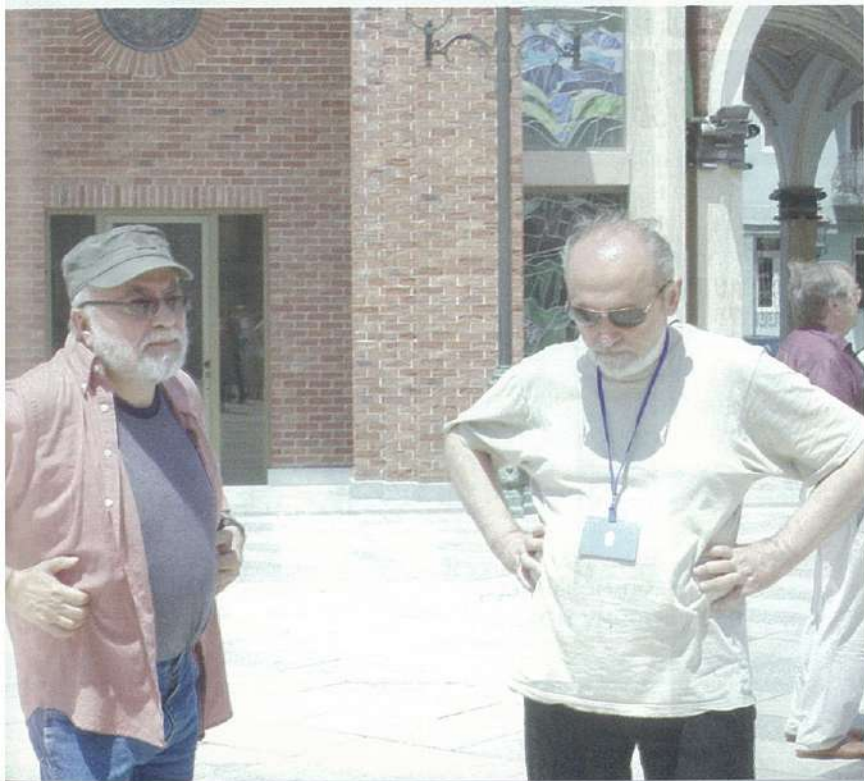

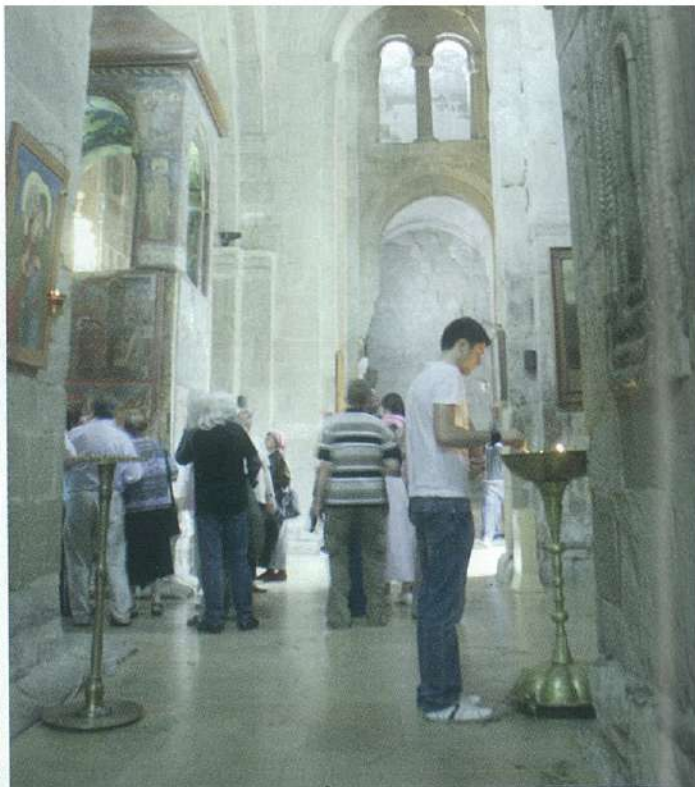

6.

Проницаемость, прозрачность любых стен и дверей присуща Грузии. Здесь нет азиатских дувалов – напротив, открытые балконы вынесены до половины улицы. Пожилая женщина стоит на балконе и во весь голос обсуждает что-то по телефону. Трое мужчин пьют чай за столиком, выдвинутым на тротуар. Улица – продолжение дома; дом – продолжение улицы.

Утром открываю глаза в гостиничном номере – вижу склонившееся надо мной морщинистое лицо в обрамлении седых прядей. Несколько секунд молча изучаем друг друга, потом в номере появляется молодой мужчина. Обнимает старушку за плечи, что-то внушает ей, мягко выводит в коридор. Чуть поодаль – мой сосед: «Я боялся, что ты испугаешься».

Открыт и распахнут, несмотря на горы, а скорее благодаря им, и грузинский пейзаж. Многоярусный Тбилиси напоминает слоеный пирог, румяный, с надрезами в поджаристой корке. Оказавшись на краю надреза, видишь далеко вокруг. Множество складок, населенных людьми площадок и уступов словно увеличивают площадь маленькой уютной страны.

7.

Одно из самых сильных тбилисских впечатлений – знаменитые турецкие бани. На входе табличка с цитатой из пушкинского «Путешествия в Арзрум», где поэт отзывался о них с восторгом. Сколько серной воды, казалось бы, утекло, но каждый турист норовит попасть в номер, где мылся классик.

Массажист Махмуд – не меньшая достопримечательность тбилисских бань, чем пушкинский номер. Он представитель династии: около трехсот лет назад его предки уже занимались здесь нелегким ремеслом (после работы с каждым клиентом в пропитанном серными испарениями воздухе человек-гора Махмуд делает несколько глубоких вдохов-выдохов, приводящих на память расхожее сравнение с кузнечными мехами). «Сейчас лучше, чем год назад», – говорит о моих суставах Махмуд, завязывая узлом распаренное в бассейне тело.

Вернувшись в воду, запрокидываешь голову и видишь ничем не забранную синеву неба на том конце трубы.

8.

Ни одна официальная часть на Международном русско-грузинском поэтическом фестивале не обходится без умных и уместных слов о пользе народной дипломатии и

ее преимущества перед дипломатией политиков. Но до подробностей и развернутых дискуссий дело доходит редко. Слишком по-разному освещались в Грузии и России августовские события 2008-го. Найти точки соприкосновения в литературных оценках гораздо легче, чем в политических. Однако все приглашенные, думаю, понимали, что стихи – не единственная причина их присутствия на форуме. Грузинский поэт рассказал мне, почему среди приглашенных не оказалось известного российского автора, завсегдатая фестиваля. В прошлом году россиянин отправился в Абхазию, чтобы по просьбе грузинского поэта сфотографировать покинутый им много лет назад дом. Посещение Абхазии расценивается Грузией как нарушение пограничного режима, и отныне дорога в эту страну россиянину, видимо, заказана. Я не склонен переоценивать возможности народной дипломатии. Для того чтобы народы не шли на поводу у политиков, недостаточно подружить несколько граждан одной страны с гражданами другой. Необходимо мыслящее и сильное общество, волю которого политики будут воспринимать – и выполнять. И все же после 2008 года приезд в Грузию каждого россиянина – это личный, осознанный выбор в пользу разума и диалога. Три года назад мы воевали не с живыми людьми, а со своими мифами. Но гибли – с обеих сторон – живые люди. Чтобы осознать это, достаточно посмотреть в глаза тем, кто пережил конфликт. Я не прочел в этих глазах ненависти – только обиду. А значит, не все потеряно.

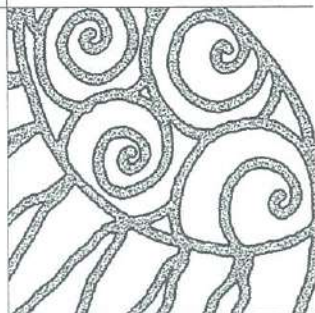
Тбилиси – Кобулет – Батуми, 2010–2011

Поэт, переводчик, прозаик, критик. С 2006 г. – заведующий отделом поэзии журнала «Новая Юность», ответственный секретарь журнала «Интерпоэзия». Автор нескольких книг стихов.

Олеся Никораева

РОССИЯ

ВЕЧЕР В ТБИЛИСИ

Там пахло ливнем, пахло медом,
цветами, мясом и вином.
Квартал кутилой был и мотом:
был запах-двор, был запах-дом.

И там цвета пускались в танец
пред домом, улицей, двором:
был в алом сад, был в белом старец
и тротуары – в голубом.

И, опьянев от этих улиц,
бежала я в другой квартал.
А город, как слепой безумец,
цвета и запахи мешал.

МОЛЬБА О ГРУЗИИ

От замерзших людей с замороженной репликой краткой,
от холодных квартир, где тепло – лишь намеком, украдкой,
от пространств ледяных, где над судьбами тешатся бесы,
где меня сочиняет остывшая жизнь поэтессы.
От застывшего времени, где и звезда – неживая,
где себе я, как все, как и всем я – чужая! чужая! –
от промерзшей любви, где такая вмерзжена мука
и такая окуклена боль, что – ни стоны, ни звука.

От вражды, от нужды, от соблазна, от лжи, от корысти –
в твои ночи и дни, в твои горы, и реки, и листья!
В раскаленные песни, в костры твоих звезд среди сада!
В твои жаркие речи – без дрожи, разлада, надсады.
В имена твои, Грузия, – Светицховели и Джвари,
где все звуки расплавлены, будто кричат о пожаре.
В твой возвышенный стиль – над змеенышем смерти гремучей!
В твою выпренность лиц, в твои башни над бездной и кручей!
В твои спелые чаянья, в зрелые, сочные думы –
от усталости полной и мелкой заботы угрюмой!

Научи, помоги мне прожить в новизне постоянства
каждый день, как последний, навеки зажженный в пространство.
Научи меня видеть «однажды» и в круге порочном,
помоги мне услышать гул вечности в небе полночном,
помоги, научи смуту жизни влить в слово тугое,
как в наитье своем ты Арагву сливаешь с Курюю...

И средь дружб и любви, среди пира и зелени горной
ты взяла мою боль, улетевшую бабочкой черной!

МЕРИ

«Ты венчалась, Мери, в ту ненастную ночь!»
Галактион Табидзе

Постаревшая Мери грузно идет с базара.
Очи ее потухли, ноги опухли.
Это, как в местности после большого пожара, –
сучья сплошь почернели, травы пожухли.

...Где ж тот певец безумный с лицом изгоя –
тот, который рыдал за дверями храма
в час, когда «аллилуйя» у аналая
ангелы пели и свечи горели прямо?

Мы ли с ним не блуждали во тьме осенней,
буквы судьбы по апокрифам не учили –
в черных плащах отчаянных песнопений,
в чьем-то чужом пиру, где слова горчили?

К вечно чужой невесте припавши духом,
с привкусом безответственности, миру – мимо...
Мери, я ныне кланяюсь всем старухам,
ибо во веки веков ты была любима!

Ибо, когда Спаситель берет нас в руки,
словно перстами касаясь своей Псалтири, –
кроме любви, кроме самоотверженной муки
разве услышишь что-то достойное в мире?

Поэт, прозаик, эссеист. Член Союза писателей и ПЕН-Центра. Переведена на многие языки мира. Лауреат многих международных литературных премий.

Евгений Рейн

НИТЕ ТАБИДЗЕ

Я снова к Вам взойду на горку
под желтый шорох октября,
все, что увяло и прогоркло,
отступит Вам благодаря.

Опять в высоком коридоре
услышу голос Ваш грудной.
Здесь, точно барка на приколе
остановился шар земной.

И с благодатным постоянством
все тот же памятный уклад
выходит правильным пасьянсом,
как много лет тому назад.

Судейкина и Пиросмани
навек назначены места.
И только я, как иностранец,
глазами обвожу, грустя.

Пропущенные мною годы
неведомого образца,
и начинаю переводы
читать с обратного конца.

Перед застольем в день приезда
скукожится чужая речь.
Но не вчера здесь жизнь воскресла,
прислушайся и не перечь.

Из-за чужих привычных строчек
начальный возникает хор,
оригинал и переводчик
кончают свой нелепый спор.

Поскольку там, где все случилось,
и где сошелся клином свет
нам предъявляют эту милость —
Ваш клад хранить, пока Вас нет.

Ните Табидзе

Когда поднимаешься в горку, заходишь в винную лавку,
и там покупаешь бутылку — и лучше — «Киндзмараули»,
но если ты хочешь сделать на белые вина ставку,
тогда уже — просто водку, чтобы тебя не надули.
И сидя в глубоком кресле под Судейкиным и Пиросмани,
будешь слушать хозяйку и глядеть на портреты,
и это не только благо, но это и наказание,
ибо придется уехать, припоминая все это.
За час или два до отъезда встань у дверей балкона
и запомни, что видишь — от вывесок до платана,
и отправляйся к вокзалу, отвесив два-три поклона,
и поглядев на прощанье в седые глаза Тициана.

ЗИМНИЙ ШТОРМ В БАТУМИ

Лазурной полосой тревоги
отмечен у Батума шторм.
И у земли, как на пороге,
гремит артиллерийский гром.
И Понт в бесстрашную атаку
вступает на передовой,
и поднимается по знаку
угрюмой воли мировой.
Его полки и генералы
образовали этот ад,
он уничтожит капиталы,
он сам сегодня Сталинград.
И он заходит нам во фланги,
и нет спасения в котле,
и эти волны, эти танки
нас добивают на земле.
Один пророк-метеоролог
знал сроки, но сказать не мог —
без связанных мотивировок
как высказать такой урок?
Он знал — ветра еще крепчали
и прижимали нас к земле,
его послал Бог мести и печали
забывшимся напомнить о зиме.

2003

МТАЦМИНДА

Л.Л.

Над холодным Тбилиси
нависает вагон,
вид грузинской столицы —
это тьма и огонь.

Отблеск фар пробегаёт
вдоль корявой Куры,
на него надвигает
тень громада горы.

Мы повисли с тобою
над столицей твоей,
этой дивной судьбою
ты мне милых милей.

Эти скромные блонды
и курносый овал...
Погляди из ротонды —
здесь и Пушкин бывал.

Вот уедем обратно
за моря и поля,
то, что будет неладно,
сгладит эта земля.

И припомним, припомним
в неживом холодке,
как в вагончике тонем
мы щекою к щеке.

*Поэт, переводчик, сценарист. В 1979 г. участник альманаха
«МетрОполь». Лауреат Государственной премии России.*

Юрий Рябенцев

ТБИЛИССКИЙ ДОЖДЬ

В Тбилиси теплый дождь. Дух пара и лаванды.
И в мареве дрожат стеклянные веранды.
Весь дивный кавардак из дерева и камня
дрожит в фонарной мгле, изломами светясь.
Дрожит метехский сброс, единственный на свете,
сионский силуэт и силуэт мечети.
И влага, пав с небес, уже – то мокрый камень,
то – мокрая земля, но никогда не грязь.

Что коршун на цыплят, вода летит с карнизов.
Не плачь, тебе пришлют в Саратов срочный вызов:
там сухо и тепло, и можно не бояться
ни дождевых червей, ни влаги дождевой...

Да вот беда: твоя, твоя погода эта,
твои и свет веранд и темень минарета.
И, роя узкий ход в грузинской сладкой почве,
червяк, помилуй бог, и тот, похоже, твой.

Кто маяться рожден, и тот привязан к маю.
Люблю бродячих псов, но кошек понимаю:
по мне, любой уход — предлог для возвращенья,
и свято место есть всегда в родном краю.
Ты позабудешь сад, но клен забываем.
Взрастишь такой же клен, но он — неузнаваем.
Три новые любви, хоть душу отдавай им,
заменят ли одну, ту, первую твою?..

Вокруг — вода и пар. Тепло, как в серной бане.
И завтра будет дождь. Люблю его заране.
Забывая душа запела на Майдане
свой рыночный ручной, шарманочный напев...
Кто счастлив на земле? Чей дом — и сух, и светел,
кто горе пережил, а счастья не заметил!..
А этот так кричит, как разоренный петел.
— Куда? — кричит. — Куда?! И только дождь
в ответ.

СТАРЫЙ ТБИЛИСИ

На полупущенном баллоне
земли телавской белый след.
Цыганок пестрые болоньи...
Армянской церкви силуэт...

— Купи цветок для милой Тани!.. —
старуха с розами кричит.
Куплю цветок для милой Тани —
авось позволит мне кредит.

Цыганок пестрые болоньи...
Шопен на верхнем этаже...
Ей-богу, в этом Вавилоне
и место мировой душе.

Ведь надо всем царит огласка,
и все ж сливаются в одно
грузинки траурная краска,
курдянки желтое пятно.

И я на сладостном Майдане,
Еще горячем к октябрю,
Куплю цветок для милой Тани
И старой Лейле подарю.

ГОСТЬ ИЗ ГРУЗИИ

У мадьяр
и три года спустя
не смолкала веселая эта шумиха:
вспоминали грузинского гостя,
безумного витязя,
по имени Миха.

Как он ел!
Как он пил!
Как дарил всем вокруг дорогие подарки!
Как дрожали от любви и от страха
под очами его
удалые мадьярки!
Говорили,
что он задал пир,
от которого доныне хмельны в Эстергоме.

Говорили,
что тосты его
издают в Будапеште в отдельном
с застешками томе.
И – как будто – желанья свои выражать
запрещалось при нем
непреложно и строго,

ибо
тотчас он их выполнял,
так как было в нем что-то от Бога.
Из хозяев никто не бывал
на высокой и страстной
земле-Карталинской,
но и так было ясно,

что люди ее —
с ненормальной какой-то душой исполинской:
ничего не берут,
все дают,
всех дарят непреклонно и щедро
и с счастливой улыбкой при этом
глядят
из-под старого фетра.
О неведомый Миха,
твою ль
не узнать мне повадку!
Ты свалился с небес,
а мадьярам сказали —
идешь на посадку.
Вот и пусть
вспоминают тебя,
восхищенно дивясь: что за жизнь!
что за мера! —
и в сомненьях на ощупь бредя,
улыбаясь в догадке,
листают Гомера.

Поэт, прозаик, киносценарист, мастер мюзикла. Член СП СССР, Русского ПЕН-центра. Лауреат премии журнала «Арион».

РОССИЯ

Евгений Степанов

ДВА СТИХОТВОРЕНИЯ, НАПИСАННЫХ В ТБИЛИСИ

ГРУЗИЯ

О, дивная страна!
Нездешний сад Эдема.
Вся Грузия – одна
Поэма.

Тбилиси, 1976

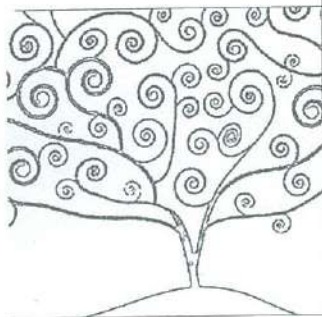
ПОЭЗИЯ

Журналистка из Америки спросила меня
А что такое поэзия
Я не стал отвечать
Я думаю она бы не поняла меня
Поэзия это моя мама
Никогда ни на что не жалующаяся
Поэзия это картины Модильяни
«Темные аллеи» Бунина
Второй концерт Рахманинова
Ближний бой Майка Тайсона
Панда забирающаяся на дерево
Касатки вынырывающие из океана
Поэзия это вечер в Быково
С той невероятной двадцатилетней чаровницей
Которая потом чуть не погубила меня
Это подросток уступающий место в метро старушке
Это «поехали» Юрия Алексеевича Гагарина
Поэзия – это яблони и черешня в саду Саши Радашкевича
Это памятник Пушкину в Вильнюсе который установил
Юра Кобрин
Это министр поэзии земного шара Николай Свентицкий
Это доброе слово отца Владимира Вигилянского
о здоровье которого мы все молимся
Это батона Володя Саришвили переводящий
замечательных грузинских поэтов на русский язык
Это премия «Поэт» которая присуждена Виктору Александровичу
Сосноре
Поэзия это...
А что же тогда печатают журналы поэзии
На этот вопрос ответит время
Только время
А я пока помолчу

Тбилиси, 2011

Поэт, издатель, редактор. Кандидат филологических наук. Издатель и главный редактор журналов «Дети Ра», «Футурум АРТ», «Зинзивер» и др. Член Союза журналистов Москвы, член Союза писателей Москвы.

РОССИЯ

Елена Фандюкова

СТАРЫЙ НОВЫЙ ГОД

Свет идет. Курим в саду.
Желтый спускается сверху.
Замерзшее яблоко на высоте —
Красное до сих пор.

Старые церкви светятся зимой,
Прозрачные изнутри.
Белые ангелы на горе
Играют для нас хиты.

* * *

Говорили так два литератора,
Один слепой, другой запойный пьяница,
Стилисты и любители красоты:
Милосердье выше справедливости.

Я тебя почти не помню, в сущности.
Ты мне снишься лучшей и нетленной.
О, не уходи во тьму без имени,
Музыкой влекомая военной.

Поэт, журналист, критик, радиоведущая. С 1995 года сотрудничает с Радио Свобода, с 1999 года – корреспондент и обозреватель культуры Московского бюро Радио Свобода/Свободная Европа. Лауреат многих литературных премий. Участник и член жюри международных премий и фестивалей.

Злата Коцич

ЛОЗА

*Автору «Грузинской песни»
Булату Окуджаве*

Виноградная твоя косточка, радуйся, уже гроздь.
Гости петь собрались, где испокон веков
всю небесную твердь манит этот магнит
музыкой гор и волн. Где танцуют деревья,
так давно оторвавшись от тверди земной,
что о ней и позабыли. Но о ковчеге помнят,
что неподалеку. О голубе, о веточке своей,
со временем возросшей так, что уж и не под силу
голубю нести ее. А ветры добрые,
как всегда, припомогут. А ветры злые
обрушат ее. А волны добрые подхватят.
А волны злые...

...В тот омраченный час
не только занавеси разверзлись на две части
но и сердце Распятого. Полсердца вознеслось,
а полсердца, что зарыто в юдоли земной —
мы — ногами вдребезги. Ужель полуразбитое
небесное трюмо? Отец, Голубь, Сын —
осколки собирают. Мы тонем. За собой
полсолнца — уже — втянули мы в тину.
Грузия — это груз и я лицом к лицу :
грусть непосильна мне: полмира в дребезгах.
На плечах — сотни гор, сотни утесов бывших —
одни осколки. И я — лишь кроха. Кроха...

...Но поблескивает море и снова я, как Петр,
шаг за шагом, по волнам. Ныне волны полудобрые —
полумертвого голубя — на полумертвый берег.
С полуживою веточкой. Но из веточки той
Мальчик дудочку сделал, средь моря житейского.
И больше мы не осколки, а частицы радуги.
И хоровод деревьев и юношей и дев
и сгорбленных почтенных стариков-старушек —
уже не на воде а над водой, над горой —
не удивляет нас, а радует. Пока — мы вертимся,
пока — лоза поцелованная вьется вокруг Сердца.
Грузия — это грусть твоя — обращенная в песнь.
Песнь — это гроздь твоя, вино радости встречной,
без коей — да! — не стоит гостить на земле этой вечной.

Батуми, 1911

У НОВЫХ ВОРОТ

Было ли, или будет: мы, кедр и купол —
замироточили любящие глаза Сына,
то закрытые, в молитве о распинающем,
то открывшиеся, вновь облившие нас
ласкою всепрощения.

Было ли, или будет: сверху ласковый взор,
снизу, за спиной, обозвали меня ослом,

а я: ну что ж, осел – человек добрый.
Легко под музыку княжеских слов,
по волнам стеклянно-огненным.

Было ли, или будет: пальмовые ветви,
цветы из-под копыт. А из-под площади –
сердце, уже окутано хитом Распятого,
уже вместе с косточкой виноградной
зарыто в теплую землю.

Было ли, или будет: с батумского берега
ковыляю к пучине... Добраться бы, пешком
в Город, чья улица – чистое золото,
как прозрачное стекло. Добраться бы...
Лишь пешком, не иначе...

Было ли, или будет... Сладкая навьюченность:
и сапфир, и смарагд, аметист, халкидон –
плата за гордыню увидеть себя ослом,
тем, белым и ждущим: послужить бы,
опять и еще – послужить.

Мцхета – Белград, 2011

*Поэт, переводчик, литературовед. Член Союза писателей Сербии,
Союза переводчиков Сербии, Сербского литературного общества.
Лауреат многих литературных национальных премий.*

Валерий Кукла

СЛОВАКИЯ

ГРУЗ-И-Я
(разноритмие-разногласие)

загрузила грузия грузом гор
загрустила грузия словом глаз
и спустился с гор вечный спор
в гору крест несешь в сотый раз

замелькали мыслями голоса поэтов
завтра будут все они выходить на мцхету
завтра будут все они восклицать о мцхета!
о родная грузия! о мечта поэта!

груз еды питья песен звон трезвон
слышен колокол от даров небес
море горы лес и с бельем балкон
и над этим всем дремлет грустный бес

древняя тоска и мольба как стон
в башнях храмовых рвется в небеса
подмигнул христос и задал вопрос
и ответа нет лишь луча ответ
над горой с крестом церкви каменной
шлет из тьмы совет: не ищи! ответ
не приносит свет понимания
черный взгляд христа страшен словно сон
сон от боли той на горе крутой
под которой две реки бурно с гор сойдя
образуют крест — боль распятия

груз грузили грузии грузчики на плечи
вековечный груз каменных хребтов
что калечит вмиг то опять излечит
кто страдать готов воспрянет вновь

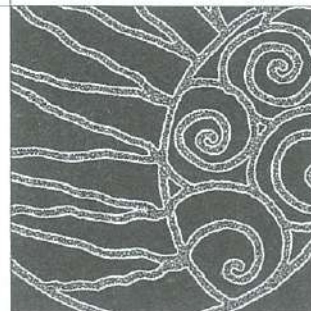
страдай ее страдай ее
страданием выстрадай
исстрадай страдально
о страдальники надстрадальные
пострадайте страдальностью
исстрадавшегося страдания
ради радости и
тишины понимания

*Поэт. Преподает русскую литературу на философском факультете
в университете города Прешов. Стихи опубликованы во многих
словацких и российских литературных журналах. Автор пяти
сборников стихотворений.*

Алексей Уветков

США

Переводы из НИКИ ДЖОРДЖАНЕЛИ

УСЛОВНОЕ НАКЛОНЕНИЕ

Выходит в конечном счете,
что условное наклонение выбилось в лидеры.
Оно, если речь о несбывшемся счастье,
пребывает в своей стихии.
Если о неминуемом несчастье —
то и тогда приоритет за ним.
Оно бестелесно как воздух и заметней огня.
Оно притупляет поступок и сбивает с толку субъекта.
Оно патрулирует перепутья содержания.
Оно — сердце языка и мера реальности.
Оно большей частью монолитная правда.
Как убедительно звучит, например, такое:

«Случись взрыв на несколько секунд раньше,
жертв бы не было»,
или, допустим, это:
«Если бы у тебя были деньги,
мы непременно были бы вместе».
Условное наклонение!
Желательность, предположение, возможность...
Пусть так. Но и одно: Истина!
То, чего мы хотим, но не происходит,
и то, чего не хотели, но произошло —
и первое, и второе
под контролем условного наклонения.
Оно ставит нам условия,
слишком сложные условия,
нам, стремящимся к счастью.
Им явлено на свет изъявительное наклонение,
им обусловлено,
оно лишь сопутствующее событие.
Если вдуматься толком в изъявительное наклонение,
то оно, мы заметим в момент констатации счастья,
по сути малодостоверно,
и это — результат несоблюдения условий,
поставленных условным наклонением.
Воспоем же условное наклонение!
Смягчим его суровость,
расслабим его бдение
вялым и валким изъявительным наклонением!
Во избежание подозрений с его стороны
временами разведем его и убогим повелительным.
Да не расстроим этот мрачный контекст событий.
Да не прогневим его всеу.
Да не погибнем.

* * *

Там, в полусумеречном углу вечера,
ты поешь колыбельную запряженному веревкой,
уже наполовину сомкнувшему глаза дракону.
Звезды, эти междометия вселенной,
рассыпаются в небе над тобой.
Твоя неприступность несравнима
с неприступностью сказочных темниц,

ты куда дальше, чем они,
за морями в нескончаемых волнах
по ту сторону песочного детства,
там, куда даже свет, зажженный тобой для меня,
долго не попадает своим ходом,
и куда тянутся из теплых стран,
в обход родимого края,
перелетные птицы.
Там,
у ворот кладбища,
ты стоишь с ветром в волосах в ожидании меня,
не желая ничего кроме
моего выхода.

Перевод из ШОТА ИАТАШВИЛИ

НАТЮРМОРТ

Я здесь давно
ем хлеб и ем железо.
(Нет, правда, не метафора,
я в самом деле ем железо,
я яблоко люблю,
обкусанное положу на стол
и вот смотрю
как там оно ржавеет.)

Я здесь давно
пью воду и сладкий огонь.
(Нет, правда, не метафора,
я правда пью сладкий огонь
в горячем зелье чая из полыни,
когда в нем растворится сахар, дую
на огненный стакан и прикасаюсь
к его краям.)

Я здесь давно
вдыхаю запах падали с цветами.
(Нет, правда, не метафора,
я падалью действительно дышу,
уже неделя, как передо мной

лежит, гния, свинина на столе,
уже воняет, и над ней
навозные кружатся мухи.)

Я здесь давно,
бутылъ абсента справа водрузил,
при ней стакан и сахара кусочки,
разбросанные по всему столу.
Свиная ляжка слева
и нож тупой,
букет цветов и яблоко обкусанное в центре.

Я здесь давно
ем хлеб и ем железо,
пью воду и сладкий огонь,
вдыхаю запах падали с цветами.
Восходит солнце, осветив квартиру,
чуть обождет меня,
потом заходит
и вновь восходит.

Я здесь давно.
Мы здесь давно.
Давнее не бывает.

Поэт, прозаик, переводчик. Был участником неофициальной поэтической группы «Московское время». Арестован и депортирован из Москвы (1975). Эмигрировал в 1975 г. в США. С 1989 г. работает на радио «Свобода», редактор и ведущий программ «Седьмой континент» и «Атлантический дневник».

*Сухбат Ахратуни
(Евгений Абдураев)*

ТРИ ЦЕРКВИ
Из грузинских преданий

1

и вот однажды обедни после
когда открыты еще двери церкви
и пахло ладаном и пасся ослик
и пес шуршал полуденной цепью

и расходились прихожане
и луч качался в тумане жарком –

вбежала лиса в самую церковь
Бог ведает как это удалось ей
схватила зубами грошовую свечку
и к выходу бросилась рыжая гостья

может голодна была или
оборотень – старики говорили

но вдруг у выхода окаменела
и церковный сторож что был напуган
обратился к Богу встав на колени
чтоб избавил святое место от каменной куклы

нехорошо когда в церкви лисы
или изображения завелись их

и внял Господь его молитве
лиса ожила – свечку бросила
и убежала – возле калитки
проводили ее взглядами пес и ослик

с тех пор церковь называли
церковью Лисы во Дверях – Мелискар

я там был – молитву сотворил
лисы не видел – историю записал

2

и вот однажды на полях Двани
когда жнецы с утра хорошенько
поработав собрались пред котлами
где призывно булькала им похлебка

только разливать – вдруг громко
каркая заметалась ворона: кар-

кар! не заметили – мало ли что низко
летает каркает и дождем сыплет перья
прочитав молитву – аминь! – разлили по мискам
а ворона мешает им ну и стерва

повар бросил камень чтоб прекратила
раскаркалась тут – слушать людям противно

ворона отлетела – потом раз! и прямо
в котел бросилась и сварились конечно

жнецы обступили да неприятно
испоганенную пищу уже не поешь ты

кто шутит кто разводит руками плюется
что делать? вылили из котла все

и о диво! рядом с кусками мяса
и – не за столом будет сказано – птичьим трупом
лежала выплеснутая змея
ядовитая очень и довольно крупная

в честь спасенья от отравы там церковь построена
Воронья церковь так и называли Воронья

ее развалины видны поныне
островерхий купол что клюв вороний
остатки стен как вороны крылья
и старик-чернец застыл на пороге

я там был – молитву сотворил
с чернецом выпил – историю записал

3

и вот однажды

там где кончался Цицианский лес
и начинались степи Саджавахо
случился бой – дым достигал небес
шипела кровь и смешивалась с прахом

потом решили там построить храм
и замесили глину для постройки

но белый камень для церковных стен
окрасился той глиной точно хною
называли церковь Красною затем –
к той Красной церкви каждою весною

стекается народ – там свечи жгут
все те кто на войне лишились близких

зажги и ты – пусть кровники твои
в степях не погибали Саджавахо
и леса Цицианского ручьи
не провожали их в долину мрака

зажги и ты – пусть даже их война
и не затронула промчавшись мимо –

зажги и ты – и ухо приложи
туда где в кристаллической ночи
внутри камней пульсирует живи –
живи – люби – храни – теряй – молчи

я там был...

2011

Поэт, прозаик, переводчик. Кандидат философских наук. Один из создателей литобъединения «Ташкентская школа». Соорганизатор Ташкентского открытого поэтического фестиваля (2001-2008). Лауреат многих литературных премий.

Александр Кабанов

УКРАИНА

СОН В МЦХЕТЕ

Нике Джорджанели

Снятся мне грузинские братья:
Шота Камикадзе и Звиад Суахили,
первый – в белом кимоно из овчины,
обнажает самурайский меч,
выкованный батумским мастером Ре Зо,
а затем – садится в зеленый истребитель,
маленький весенний истребитель,
и взмывает высоко-высоко-высоко –
в поисках корабля, на котором плывет
Ясон. И я – сон, и вы, мои братья – сон,
и все на свете, даже эта темнота,
один-единственный, несмолкаемый сон.

А что же второй, Звиад Суахили:
чья фамилия говорит о многом,
но красноречиво умалчивает
самое сокровенное?
Вначале мы пили только белое вино,
а ближе к ночи – перешли на чачу,
ибо сон Шоты Камикадзе – высок,
а сон Звиада Суахили – настолько глубок,
что напоминает сквозной туннель,
через всю нашу планету,
и когда коварная чача затопила его –
Суахили очнулся, поймал такси
до блошиного рынка под Сухим мостом,
и приобрел путевку в Танзанию
(или это была путевка в Уганду???)

И теперь, когда вы спрашиваете меня:
«Какие припевы бывают у тишины?» –
я развожу руками, хвастаясь, как рыбак:
«Вот такие припевы бывают у тишины,
и еще – вот такие...»

ГРИГОЛЕТО

1.

Я начинался с музыкою вровень
и счастлив был, а значит, был виновен
в просчетах бытия,
что вместо счастья, из всего улова,
досталось вам обветренное слово,
а счастлив только я.

Как будто соль, сквозь дырочку в пакете,
я просыпаюсь третий век подряд,
меня выводят на прогулку дети,
коленки их горят.

И если счастье – зло, и виновато
во всех грехах, в священной, блядь, войне:
любое наказание и расплата,
лишь за добро – вдвойне.

Зачем же эта музыка в придачу
бессмысленно высвечивает тьму?
О чем она? И почему я плачу?
Я знаю, почему.

2.

*«Если ты, русская свинья, посмеешь приехать в Грузию
на так называемый фестиваль - твою оторванную бошку
найдут на берегу Григоleti...»
(из анонимного е-мейла)*

В Грузии хорошо – тепло, Пиросмани и хачапури,
послевоенные, пустые пляжи,
что ни звезда – след от случайной пули,
и алфавит, кудрявей овечьей пряжи.

Превосходны по-прежнему лобио и цинандали,
каждая тень танцует лезгинку в батумской хвое,
и фестиваль поэзии, чтобы приезжие угадали,
как различают в Грузии мертвое и живое.

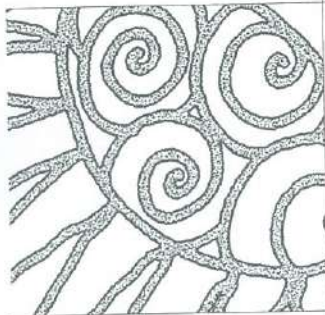
На побережье – ветер с похмельной одышкой,
крылатая девушка гладит крылатую кошку,
а я – брожу со своей головой под мышкой,
пускаю слюни в губную гармошку.

«Пеший без головы» – так меня и прозвали
всадники от Тбилиси до Григоleti,
а ведь раньше – писал стихи, получал медали,
а теперь, всего лишь, счастливее всех на свете.

*Поэт. Лауреат международных литературных премий.
Главный редактор журнала культурного сопротивления
«ШО». Организатор Международного фестиваля поэзии
«Киевские лавры». Член Национального Союза писателей
Украины и Союза российских писателей.*

Борис Херсонский

Скрюченный алфавит. Выпрямленный клинок.
Виноград в углублении камня. Пара босых ног
Топчет синие гроздья. Стекает сок
По наклонному желобу и уходит в песок.

Пергамент рукописей. Орнамент ковров.
Воров с крепостной стены сбрасывают в ров.
Город всегда в осаде. Закон суров.

Восьмигранные храмы. Колпаки-купола.
В зеленой траве гуляют серые перепела.
Рынок в каменном русле, где раньше река текла.

Каменный мост дугой схватывающий берега.
Дальше пологий склон, куда не ступала нога
Человека, а если ступала, то это нога врага.

Кровь уходит из жил, мир уходит из глаз,
Святая гора насторожилась и напряглась.,
Гул в ушах, и молитва на устах запеклась.

Боже, взываю к Тебе. Боже, услышь мой глас.

Каменные уступы, выступы, складки.
леса, залысины огородов,
два-три домика – белых, под черепицей.

На скале различаешь остатки
надписи: «Да здравствует дружба народов!»
Облака плывут вереницей.

Слышно пение птиц, рокот реки в долине.
Овцы и валуны на поляне светло-зеленой
неотличимы издали. Мост горбатый, церквушка.

Здесь иногда вспоминают о Духе, Отце и Сыне,
О святом Георгии – чаще, особенно – перед иконой.
Особенно – если ладонь за монеткой тянет старушка.

Гора подневольная стянута петлями серпантина.
Память события местами переставляет.
Жили-были, землю пахали, леса рубили.

Проходя по обочине, Каппадокийская Нина
крестом из лозы винограда благословляет
проносящиеся мимо автомобили.

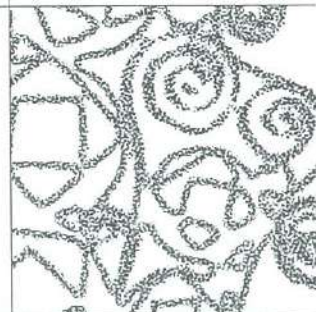
Улочка должна быть узкой, чтобы, расставив руки, прохожий
пьяный мог упереться в стены и не упасть лицом
на булыжную мостовую. Или, чтоб ангел Божий,
расставив крылья, мог, побаловавшись винцом,
раскачиваться на крыльях, как дитя на качели,

в белой рубахе, стопы розовые, кудри до плеч.
Чтобы усатые старцы, что умереть не успели,
жили бы вечно, но разве об этом речь?

душа должна быть широкой, как река, над которой
мосты перекинуты, плывут облака ни свет, ни заря.
Скала должна быть прочной, чтоб быть опорой
для старинной крепости или монастыря.
Огромные камни, из которых сложены стены,
должны лежать, чтобы никто не поколебал основ.
Базары должны быть пестрыми, шумными, ну, а цены
не слишком высокими, но это не стоит слов.

Поэт, переводчик, эссеист. Печатается с середины 80-х гг. Автор книг стихов, переводов, литературной эссеистики, а также переложения библейских текстов. С 1998 г. член редколлегии журнала «Крещатик». Лауреат международных литературных премий.

Матвеева Перцева

Смотри, как быстро убывают люди,
смотри, как мотыльки летят на свет,
и нас с тобой когда-нибудь не будет,
сегодня есть, а завтра вроде нет.

Мы верим, любим, говорим словами,
встречаемся и ходим на обед,
и что-то возникает между нами,
сегодня есть, а завтра, вроде, нет.

Все зыбко, призрачно, дрожат по стенам тени,
бассейн полон разноцветных рыб,
ты кажешься последним исключением,
ты – сломанной ноги моей изгиб.

Мне страшно стать тебе родной и близкой,
я вижу больше, чем хотела знать,
пожалуйста, отдай мне мои мысли,
оставь простое: стол, стакан, кровать.

Когда-нибудь и нас с тобой не будет,
сегодня, завтра, через много лет,
смотри как много разноцветных судеб,
смотри, как мотыльки летят на свет.

КРУЖЕВНАЯ ПОЭМА

Сначала была вобла.
Потом разливное батумское пиво,
бла-бла-бла!
сказал простой грузинский мужчина,
подняв большой палец к небу шалмана,
его учительницу по русскому и литературе звали Марьванна,
и он, Джонни, клал с размаху на наши и ваши правительства,
кружки звякнули, стукнувшись, выразительно.
Джонни был черен от солнца жизни,
огромен и мал в своих словах,
но он так считал —
ну что, поэты, приехали сочинять стихи
о Грузии, стране-пирожном с начинкой из крема?
(Где в моем предложении тема, где рема,
где вообще я — в шалманском раю
посреди Эдемского сада,
или на краю
маленького, человеческого,
очень персонального ада?)
Сквозь пелену — голос,
запиши адрес,
в Батуми, Кобулету,
а, слушай, пиши оба —
ди-ди мадлоба, Джонни,
ди-ди мадлоба* —
солнца огромный всевидящий глаз,
батумское разливное.
Но сначала была вобла.

* - большое спасибо (груз.)

Черный ворон прилетел,
сел ко мне на плечо,
во дворе дома.
Почернела душа
гагата,
крылья сильные
распахнулись,
в глазах Ангела,
розы расцвели,
огромные как сердца,
в саду
Георгия-победоносца.
Суету остановила,
составила Вечное Слово,
выучила новые звуки
на Юге.
Царственную тишину
Севера
стала понимать
лучше.

Батуми-Тбилиси-Хельсинки, 2011

*Поэт, литератор, журналист. Общественный деятель.
Представляет Финляндскую ассоциацию русскоязычных
обществ (ФАРО) и Международную федерацию
русскоязычных писателей в Финляндии.*

Юрий Юрченко

НОЧЬ В ЦЕНТРЕ ТБИЛИСИ

Кипарис вырастает в дождь —
Дождь ласкает кипарис.
Спит в коляске наша дочь.
Из сегодняшних актрис
Величайшая, ты
спишь.

Двор. Вода. Машина с хлебом
Под ночным дождливым небом
Крыши темными буграми
Мокнут, в окна тычась лбами.
Под единственной из крыш
Ты, с припухшими губами,
Спишь.

Дождь и ночь идут на спад.
Ровно в шесть кричит петух.
Ровно в семь ложусь я спать.
В нашем доме свет потух.
День над городом встает.

Если кто-то не найдет
В этом тихом мерном ритме
Глубины и редкой рифмы –
Не могу ничем помочь:
Сдал. Раскис. Дождя каприз.

Спит в коляске наша дочь.
Дворик. Дворник. Кипарис.
Сонный кот ленив и рыж.
Дождь закончился,
Ты
Спишь.

ПРОЩАНИЕ С ЛИТИНСТИТУТОМ

Слышу далекие я голоса,
Вижу чужие огни по Вселенной...
В жизни такая пошла полоса –
Еду я в Грузию на поселенье.

Серым затянет последнюю быль,
Поезд отправится в сонную небыль...
Мог ли я птиц этих мокрых забыть?..
Книги намокли, и были нелепы
Все, кто пришел проводить меня в путь –
Блок был печален, курил с Меламедом,
Хлебников буркнул: «Пиши, не забудь...»
Осип Эмильич грузинским поэтам
Передавал всем поклоны, приветы,
Книгу с конвертом для Тициана...
Тучи тяжелые плыли, густые...
Света Максимова тоже грустила,
Но не меня целовала, а Яна,
Что-то печальное пел Улзытуев,
Хролова дула в трубу золотую...

Я оставлял их на мокром перроне,
Я их жалел и любил почему-то...
Пушкина не было, Пушкин был болен,
Но Бенкендорф на перроне шпионил,
И разгоралось московское утро...

*Поэт, драматург, актер. С 1992 года живет во Франции. Президент
театральной ассоциации «Les Saisons Russes» (Франция).*

Александр Радзихевич

ПРОМЕНАД ПО ПЕР-ЛАШЕЗ

По узкой улице Покоя, мимо тех
циферблатов, на которых ноль-ноль
без пяти, отплывая в закаты недвижных
гаваней Лоррена, ко всем, кто спит
послушно во Христе, ты наблюдаешь
стеганные тучи, и гуд безмолвия сквозь
небо зяблых, гиблых снов ты слушаешь,
не слыша, и смотришь в никогда две
вечности, улыбаясь рассеянno ангелам,
*ты видишь – розы покраснели в долине
Йемена от песней соловья¹*, пока лениво
зацветает вашингтония нитевидная и
шелестит на том, что было ветром,
клонясь к тому, что было тенью, тот

дланевидный синий клен из влажной
памяти Батуми и каменеющего сна,
а в здешнем солнце оловянном все
так разгаданно, так ясно, что аж
темно, темно.

1 - Курсивом – из К. Батюшкова.

Я не вошел в тот долгий взгляд, где так
желательна погибель, где все, зачем поэты-
мотыльки срываются в падения-полеты,
зачем скользят безлюбо дни в виду немой
оледенелой Леты и тех зияющих высот, где
мы-не мы глядим в не нам распахнутое небо.
На растяжимом поводке в тот вечер кто-то
под окном выгуливал вдоль моря вечность,
текла по стенам тень теней и свечи душ,
дрожа, коптели. Из отступающих небес, из
набегающих аллей, бессрочных зим и алых
рос в углу, на рваной паутине, я не вошел
в тот долгий взгляд, где так близка иная даль,
пустой порог, иных ветров благоструенье,
где все одно, где я не я и ты не ты, где так
желательна погибель, я не вошел в тот
долгий взгляд и из него уже не вышел.

ГРУЗИИ

Пустые храмы снов и дней,
по стенам из зеленого нефрита
вислые флаги отпетых надежд,
связки ключей от заветного где-то,
и статуи, укутанные в мраморные
робы, с раскрытыми обратными
глазами спят на прозрачных
своих пьедесталах;
то славя идолов, то раздирая их,
беснуется вовне стозевная толпа,
пленяясь чужестранными речами,
но вяжется опалово лоза по алтарям,

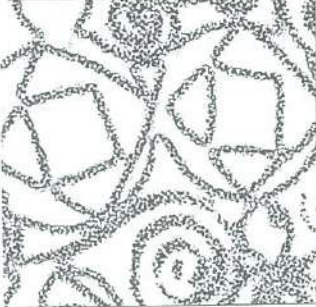
плывущим в искупительное море,
под куполом из талых облаков
завис дымок от фимиама,
скорбит в пустыне витязь Тариэл,
и тигровая ломкая тень выпевает:
Вепхисткаосани.

Пустые храмы скользких дней,
руины судеб, рваный ветер,
по стенам из зеленого нефрита
уложены сотлевшие трофеи,
и бродят статуи с обратными
глазами по убывающим кругам,
и мгла вползает по ступеням.
А ты лучись, животворящий
столп, а ты свети,
Светицховели!

2011

*Поэт, эссеист, переводчик. В СССР не печатался.
Эмигрировал в США в 1978 г. В 1994 г. основал при
петербургском издательстве «Лики России» литературно-
историческую серию «Белый орел». Член Союза российских
писателей. Официальный представитель МФРП во Франции.*

Хелена Томассон

ПОТИ

Я все помню тут памятью предков.
В эвкалиптовой роще тропу
Я найду, и по запахам терпким,
К дому деда однажды приду.

Подойду и замру, как пред жезлом,
Дом на сваях, ворота, забор...
Я в тревожном сомнении трезвом,
Неужели он жив до сих пор?

Что слова и чужие заботы?
Лишь бы взглядом скользнуть невзначай
По зеленым, облезлым воротам, -
Но несут уже чачу и чай.

2006

СКАЗКА О ГРУЗИИ

Бушевало море и выло,
К себе близко не подпускало,
Словно алчная старуха
Слишком многого пожелала.

Пожелала стать владычицей
Грузинской, пировать, картвели
Привеченной, чтобы слушали,
Читали, да за свою принимали.

Человека провести легче,
А грузину не нужен повод,
Приехали гости если,
То почет им и тосты, песни.

А когда про мать, да детство,
Тут любое не выдержит сердце.
Ложись, сестра, вот последняя шкура.
Нет, не тронем, совсем ты дура.

Только море ничем не обманешь,
Жить тут хочешь? Хотя бы войди.
Волной смоешь, утонешь, сгинешь,
Сухой из воды не выйдешь.

Да что, море! Входи-ка в дом,
Нет, никто не живет в нем,
Глаз мозолит тоскливый, он
У дороги балкона ребром.

Но перил не касались руки,
Уж давно, и решетки сгнили,
Поживи в нем хотя бы сутки,
Ведь когда-то твои здесь жили.

Пили, ели, детей растили,
Виноград в чанах давили,
И сациви с орехом варили,
И кинзу на базар носили.

Но, гляди, вот опять землянка,
И как бабка твоя, украинка,
У разбитого, старого корыта,
Ты осталась, бедна да немыта.

Так восторги, желанья, мысли,
И разбились, тебя не слышат.
Понимай же, какие люди,
Здесь остались, живут и дышат.

2011

Поэт, прозаик, культуролог. Организатор выставок современных художников. Живет в Украине и Швеции.

РАБОТЫ МОЛОДЫХ
ГРУЗИНСКИХ
ХУДОЖНИКОВ
ПО МОТИВАМ
ПРОИЗВЕДЕНИЙ
УЧАСТНИКОВ
ПЕРВОГО КОНКУРСА
МОЛОДЫХ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ЛИТЕРАТОРОВ ГРУЗИИ

Георгий Кухалашвили.
"Городской дождь"

Каха Кухалашвили.
"Взывающий к небу"

Георгий Кухалашвили. "Распятие"

Георгий Данибегашвили. "Космос"

Георгий Данибегашвили. "Листопад"

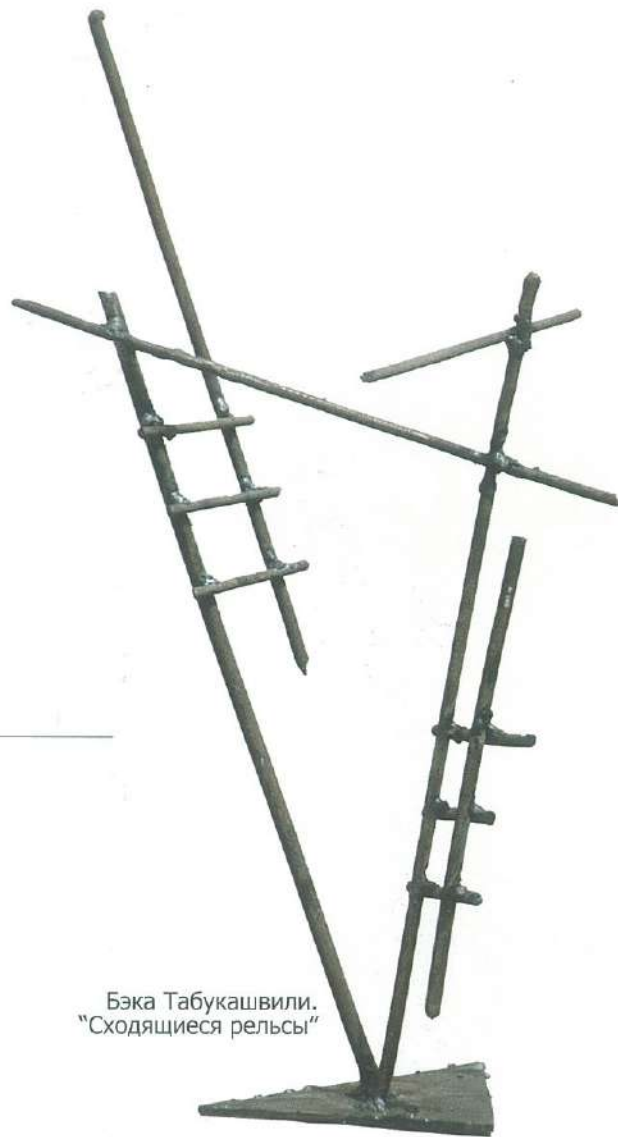
Бэка Табукашвили.
"Вырывающийся из паутины"

Гия Бибилеишвили. Иллюстрация

Гия Бибилеишвили. "Девочка на велосипеде"

Бэка Табукашвили.
"Сходящиеся рельсы"

Георгий Двали.
"Отложенная трубка телефона"

Георгий
Гордзамашвили.
"Огонь, земля, воздух"

Георгий Двали. "Спичечный коробок"

Ульяна Гоноболина. Иллюстрация

Ульяна Гоноболина. "Букет"

Георгий Келенджеридзе.
"Ню"

Лаша Кухалашвили. "Столкновение"

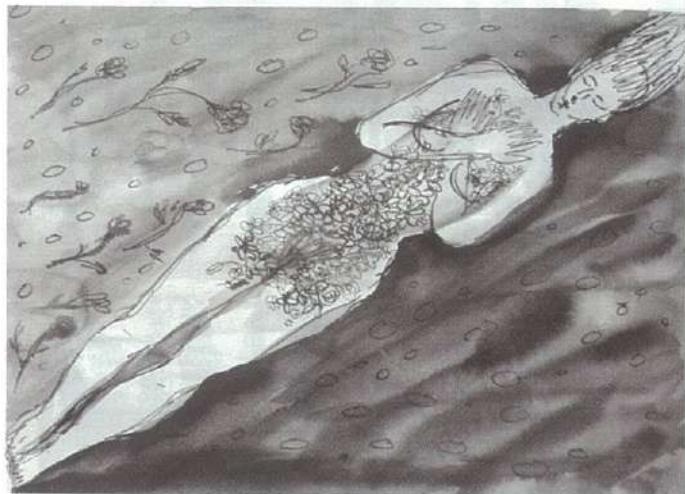
Мераб Хуташвили.
Бюст

Лаша Кухалашвили. "Тбилиси. 90-е годы"

Ия Бахтадзе. "Пять минут"

Ия Бахтадзе. Иллюстрация

Каха
Кухалашвили.
"Шум"

Бруно Вепхвадзе. "Рукописи"

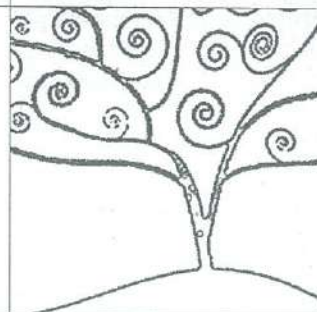
Георгий Элбакидзе. "Бомж"

Георгий Элбакидзе. "Безликая толпа"

Елена Скудская

ЯИНОЛОСЭ

ОДНОКРЫЛЫЙ РОЯЛЬ

Эдуарду Елигулашвили

Однокрылый рояль
с черным креном
на веревке — вокруг педалей,
семящих в китайских колодках
золоченого дерева —
к дюнам.

Лилипутские клавиши к пальцам
прилипают
и виснут звуком.

Добираться далеко,
мокрый

одиноким песок на скулах
застывает москитной сеткой
в разуме болот,
сдираю
аккуратно, но вместе с кожей.

Что еще остается, если
вычесть жизнь? Карандаш, бумага,
или опыт растений,
крыши
подминающих корневищем.

Шаг за шагом,
как обжиг глины,
вскользь нащупанный под землею,
налагают, как дань, румяна
на томящее токованье.

Умилительно слово «бренность».
Дальний берег из черепицы
беглых ракушек, и медуза,
словно кровельщик на стропилах,
ждет,
пока унесет прибоем.

Струны, загнутые под стреху,
вьются в гнезда, и на потеху
серым камням, трясущим от смеха
животами, - над валунами
в то гнездо ложится сумою,
лицевой цветной стороною
дуновенье ветерка.

ТОРЖЕСТВО РИТУАЛА

Писатель и переводчик Эдик Елигулашвили много лет проработал корреспондентом «Литературной газеты» по Грузии. В его почетные служебные обязанности входило принимать дорогих гостей из столицы Советского Союза, а также дружественных стран; Эдик должен был демонстрировать истинное и безграничное грузинское гостеприимство, о котором

складывались легенды. Евгений Евтушенко прозвал Эдика Елигулашвили – Ели-гуляли-пили-швили.

Естественно, не один Эдик в Тбилиси умел принимать гостей, не он один возил их в Мцхета, Джвари и Светицховели, не один он возносил их по канатной дороге над городом, чтобы они с птичьего полета могли любоваться его родиной...

Приезд прогрессивного карикатуриста Херлуфа Бидструпа стал для Тбилиси творческим праздником. В первый день его принимал Союз писателей, во второй – Союз театральных деятелей, в третий – «Литературная газета»...

В первый день председатель правления Союза писателей Грузии Нодар Думбадзе, как положено, поднял гостя на фуникулере в гору, посадил в строительную люльку, замаскированную под скорлупу грецкого ореха, хранящую отпечаток человеческого мозга; люлька по стальному канату заскользила вниз, показывая гостю с высоты птичьего полета город. Но гость на город не смотрел, он уставился на слабенький, дрожащий, обрывающийся крючок на калиточке наклоненной люльки; гостя затошнило. Гость стал проситься на землю, он почувствовал себя Икаром, забывшим в спешке надеть крылья. Однако датские его крики сопровождающие воспринимали как восторги.

До глубокой ночи пил потом Бидstrup счастливое свое спасение и в Мцхета, и в Джвари, и в Светицховели. Духанщику алаверды, шарманщику алаверды.

На второй день, так же, как и Думбадзе, отказавшись от переводчика, главный режиссер театра марионеток Резо Габриадзе поднял гостя на фуникулере в гору и попытался посадить его в ту же строительную люльку с отпечатком мозга. Гость, проявив неожиданную прыть, сопротивлялся изо всех сил: он сорвал вялый, словно на эту работу наняли дождевого червя, крючок от калитки люльки, он плача объяснял, что боится высоты, он клялся, что его жизнь уже подвергалась вчера страшному испытанию. Но тбилисский ритуал приема гостя не терпит пропусков и изъятий, и Бидструпа бережно затолкали в люльку, а калитку весь полет Резо придерживал рукой, чтобы не распахнулась над бездной...

До глубокой ночи пил потом Бидstrup счастливое свое спасение и в Мцхета, и в Джвари, и в Светицховели.

На третий день в гостиницу за гостем заезжает Эдик. Как только поднимаются они на гору, гость требует переводчика, консула, адвоката; гость впивается зубами в стальной канат, вгрызается в него и перекусывает, как швея шелковую нитку, откинув голову

вбок и по-лошадиному замерев скошенными глазами. Подают новый орех. Когда люлька проносится над Курой, становится ясно, что гость не только боится высоты, но и не умеет плавать. Как же ему хочется выпить после счастливого своего спасения! Шарманщик и духанщик принимают его с распростертыми объятьями и осушают в его честь огромный рог.

- Вы ошибаетесь, уважаемые, - удивляется Эдик. - Это наш прогрессивный зарубежный гость из Дании, Херлуф Бидstrup, он впервые в Тбилиси.

- Э-э, - отвечают шарманщик и духанщик, - это тебя мы видим впервые, а он у нас каждый день гуляет!

Поэт, прозаик, драматург. Член Союза писателей Эстонии. Автор четырнадцати книг стихов, прозы, эссеистики, поэтических переводов. Живет в Таллинне.

ЧАСТЬ II

ПО ИТОГАМ
КОНКУРСА
МОЛОДЫХ
РУССКОЯЗЫЧНЫХ
ЛИТЕРАТОРОВ
ГРУЗИИ

ПЕРВЫЙ КОНКУРС МОЛОДЫХ РУССКОЯЗЫЧНЫХ ЛИТЕРАТОРОВ ГРУЗИИ

ЖЮРИ

Председатели – Сергей Чупринин (Россия), Маквала Гонашвили (Грузия).

Члены жюри – Елена Исаева, Олеся Николаева, Александр Эбаноидзе (Россия), Заза Абзианидзе, Инга Гаручава, Михаил Ляшенко, Владимир Саришвили, Бесо Хведелидзе, Петр Хотяновский (Грузия).

ГРАН-ПРИ

АРМЕНЯН Сусанна

ЛАУРЕАТЫ

ЛОБОВА-КУБЕЦОВА Анна – поэзия

КУЗНЕЦОВА Самира – проза

ГРИГ (ГРИГАЛАШВИЛИ) Анна – стихотворный перевод

ЛАМАР (ЧАЧУА) Марина – драматургия

ДИПЛОМАНТЫ

ПОЭЗИЯ

КЕНИЯ Серго

КОНДРАТЕНКО Анна

ЛОСКУТОВ Дмитрий

МЕЗУРНИШВИЛИ Давид

ЭИБОВ Игорь

ПРОЗА

АБЛОТИЯ Нино

АВСАДЖАНИШВИЛИ Уча

АМБРОСОВ Дмитрий

БАБИЙ Диана

БАЛАСАНЯН (РЕДДИ) Диана

МАНОЛЕНКО Митя

МЧЕДЛИШВИЛИ Олег

ПРАНГИШВИЛИ Нино

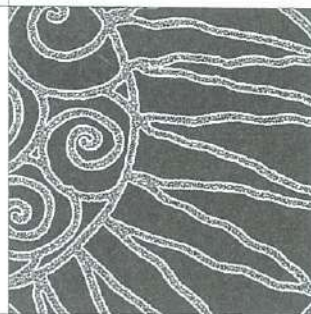
УМАРОВА Ася

СТИХОТВОРНЫЙ ПЕРЕВОД

ДЖИЛАВДАРОВА Ада

ОРМОЦАДЗЕ Натия

Сусанна Арменян

ИЗ БАТУ ДАНЕЛИЯ

ГОРОДСКОЙ ДОЖДЬ

Бродит дождь по улицам пустым,
Мокрый сквер читает, как газету.
Гимном для Всевышнего пропета
Эта песня с ритмом городским:
Дождь идет! Я – вместе с ним.

Брызжет сок из перезрелой тучи.
Серый дом, пропитанный уныньем,
Так под стать моей тоске старинной.
Дождик горсти слез своих горячих
Мне дарил. Да, он хотел – как лучше...

Вечный дождь, над городом склоняясь,
Моноotonно шепчет откровенья.
На асфальт роняет ожерелья –
Пусть они, на капли разбиваясь,
Смоют с улиц давнюю усталость...
Дождь идет!

СТРАСБУРГСКАЯ ЛУНА

Омару Турманаули

В материнской груди
Молоко иссякает в срок,
Установленный природой.
А Родине – предписано быть
Вечной кормилицей.
Почему же
Наша Родина-мать
Кровавым бинтом перетянула грудь
И стянула с подола нас,
Как хлебные крошки?
Мои братья и сестры,
Падая в черную бездну,
Горестно вопрошали –
За что их так рано отняли от груди?
Мы были беспомощнее котят.
В ладони зажат подорожник...

И уже не одна луна над нами...
Где твой цветок чертополоха, Турманаули?
Почему ты его не оставил в дверях,
Как обычно,
Когда приходил, -
Чтобы я поняла: ты стоял у порога
С цветком чертополоха в руке
И стучал,
Не веря, что меня нет дома...

А луна над нами уже не одна...
Но нас почему-то не двое.
Луна не подкрадется,
Не прорисует наши тени

На Воронцовском мосту,
Обмакнув свой луч в акварель Куры...
Две тени когда-то держались за руки,
А теперь вторая – пропала...

Эй, Страсбургская луна, -
А может, ты и не луна вовсе?
Видишь вот этого человека? -
Ты ему не луна!
Не луна, раз даже на пару строчек
Не вдохновила!
Эй, Страсбургская луна, -
Ты самозванка!

Его настоящая луна
Заглядывает то в пшавское село,
То в Тбилиси,
И обратно, в Пшави...
Ноги ее по колено
Исцарапаны чертополохом.
Его настоящая луна
Скучает и ждет, и верит,
Что увидит его
Снова.

Анна Триг

Из ЭКИ КЕВАНИШВИЛИ

Я, ТВОЯ ПАНИ

Улицы здесь широкие — мне места хватает.
Голубоглазые, золотистого цвета поляки
вежливо нарекли меня "пани" и всунули в руки карту
— наисложнейшую кардиограмму своего города:
"так ты найдешь кратчайший путь к нашим сердцам".
Я, твоя пани, стою посреди чужого, осенью постаревшего
города, сличаю пальцы с перчатками, которые собираюсь
тебе купить, и протягиваю *свое* запястье — вместо твоего —
продавщице часов, чтоб заново начался *о т с ч е т*.
Взгрустнулось. Присела на воспоминания старого города,
хочу выпустить отсюда голубей с посланиями.

Здесь мосты длинные... Я *напишу* тебе.
Твоя пани пытается подрисовать каждой улице, на которую

она попадает, твой тупик – со всеми взваленными на него
этажами каждого дома.
Поминутное “спасибо-извините”, беспричинная улыбка –
все это придется таскать с собой по кафе еще десять дней,
потом определять безумие шагов по степени печали
и ставить диагноз городу по его кардиограмме, на последнем
пике которой я поскользнулась.
По *поставленному мной диагнозу*, без тебя этот город –
самый мертвый город на земле.

КТО ПРИДУМАЛ?

Кто придумал дарить цветы мертвым?
- Живший в каменном веке самый первый влюбленный
мужчина, который, согласно сочиненной мной легенде,
нашел – по аромату – юную девушку, но – всего за один день –
она состарилась и умерла на поле, покрытом цветами.
Это была первая на свете умершая женщина.
Цветы, на которые она упала бездыханной,
пристали к ее груди.
– Это и было первое на свете платье. – Самая ранняя мода.
В таком наряде тело предали воде.
И с тех пор никто уже не представляет себе умершего
человека без цветов.

С того самого дня и повелось вплетать цветы в косы.
Спросить хочу – почему ирис связывают со смертью?
Неужели же самый первый, плетенный из лиан гроб вдруг
зацвел?

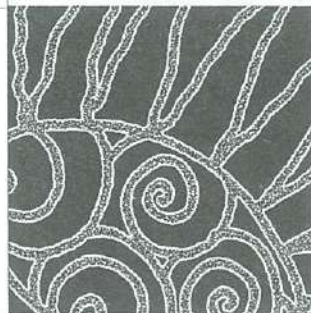
А гвоздики – за что их вечно бросают на землю и безжалостно
топчут при проводах умершего в последний путь?
А дети? Крошечные существа с важной миссией, вцепившиеся
в огромные венки...
У меня тоже онемели руки, когда я шла по твоей улице, пытаюсь
сберечь гвоздики.

Согласно другой легенде, от смерти в комнате вдруг стало так темно, что испуганные домочадцы сразу же зажгли кровавые гладиолусы и повсюду их развесили – на потолке, на стенах, в коридорах. Кровавые гладиолусы – кричащий макияж смерти, засыхающий на полдневном солнце...

В моей легенде мне так не хотелось надевать платье
каменного века,
что, даже запутавшись, убегая, в кустах дурмана – свисающих со
склона, я все-таки сорвалась вниз и завлекла смерть
резким запахом.

А там был ты, чтобы укутать меня – в изорванном платье –
в бледно-желтые
Хризантемы.

Ага Джемалбгарова

Из ЗУРАБА РТВЕЛИАШВИЛИ

ШУМ

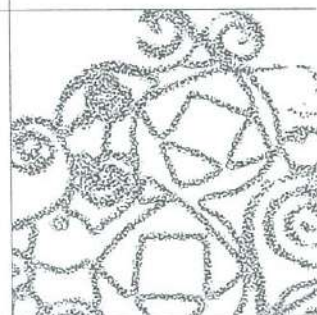
Золотой ветер в тишине
золотой ветер
тайно шепчу желание
остаться в этом шатре
Не играть с мелкой зыбью
в золотой воде
Тайно шепчу желание
обратить в золото
воду и ветер
Заплетать с легкостью ветра
косы дорог...
непроходимые чащи

будят желание...
Золотой ветер в тишине
 золотой ветер
Вливаюсь счастливый
 в шальные потоки
Пусть не пробиться мне
 золотым лучом
 к развилкам дорог
пусть душит желание
 Не заполнить
 золотую тишь...

Из ТЕОНЫ БЕКИШВИЛИ

В декабрьском, зимнем саду,
где аиста остов белеет,
на фоне земли одиноко
поэты гнездятся на ветвях сосновых.
Спускаются вниз,
подносят под длинные ноги
и посвящают ему свои белоснежные строки
бесстыдно, нахально и смело...
Кристалл его глаз — их судья,
вот лучшее дело.
И ветер швыряет на сосны их строки,
а ветви все ниже и ниже
опускают тонкие руки....
И полон их взгляд
печали, тоски и тревоги.
Стоят вдалеке, на обочине старой дороги.
И болью исходит из земли, из корней
 животворная сила
И мощью своей устремляется
 в смерти горнило...

Натия Ормоцдзе

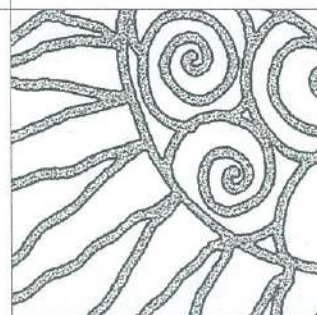
Из НАТО ИНГОРОКВА

МОЛЧАНИЯ

Нечего увидеть и находить.
Время не существует, и никуда не уходит.
Это я иду, протекаю,
И жую слова без костей,
Рву и строками складываю кусочки тишины.
И обнажаю все голодные и бодрствующие надежды
И пока кто-нибудь откроет ветхую дверь
Моего дома без потолка, выхожу на солнце,
И там вывешиваю собственные тени.
Всех приглашаю на мое одиночество!
Хотя какое это угощение —
Слезинка на щеке,

Седина в волосах,
В улыбке морщинка.
И комнатные цветы
Не цветут только потому,
Что у них в почве недостаток калия.
Побледневшие без солнца
С полки окна зовут прохожих.
И тот, кто до сих пор
Не отказывался от этой сласти,
Сегодня восстал против меня.
Требует ответа на тот вопрос,
Которого я всю жизнь избегала.
Просит наполнения пустоты,
Чтоб сказка сбылась,
Чтобы сон исполнился.
И пока судьба — этот непослушный поэт
Расставляет сеть, чтобы показать мне мое настоящее лицо,
Примеряю маску, дешево купленную
В магазине поношенных вещей.
Осторожно вытаскиваю
Подобно праздничному платью
Спрятанное в гардеробе мое девичество
И не могу примерить.
Оно мне не подходит.
Пустота, превратившаяся в предмет, напоминает,
Что я упустила возможность быть женщиной.
Болям, в опасностях выраставшим,
Измеряю артериальное давление,
Обезболивающими таблетками обманываю
И печалью связываю горячий лоб.
В тайных видениях,
Желанием потерять саму себя,
Ложусь рядом со смертью.
И окрестность, пропитанная думами о тебе,
В которой не хватает соли страсти,
В руках моих тает.
Глотаю расстояние, отделяющее нас,
И в моих потемневших глазах,
Как в чашке с кофейной гущей,
Спичкой рисую солнце.

Сусанна Арменян

Девяностые годы? А что – девяностые годы?
 Анекдоты приходят нагие и без бороды,
 Говорить на другом языке скоро выйдет из моды,
 И без боя сдаются вишневые наши сады...
 Дома нечего есть, кроме чайной заварки и соды.
 Колбаса – это просто фаллический символ еды.
 Сгусток хлеба - полнее самой полночной звезды.
 Тьма нежна, и бесхозны окоплодные воды.
 Неприглядное зрелище – роды свободы. Во льды
 Не вмерзают уроды. Ползут языки и народы
 Хлебной очередью, за собой заметая следы.
 Мы бредем по Тбилиси, как собственные антиподы.
 Мы впотьмах и спросонок. Нам платят нули за труды.
 Пьяный город, сучая, дозором обходит штрих-коды.

Кто-то чудом спасется. А кто-то умрет молодым.
По прохожим стреляет декабрь. Девяностые годы.
Выдают по талонам (без фильтра) отечества дым.

Косноязычием
как козырем — одним махом —
побивать
свое красноречие.
Одичавшее одиночество
приструнить,
растянуть шкурой
на беспристрастном солнце
сушиться.
Извлечь, как корень,
отчество из отечества.
Вспомнить все
чуждачества,
с детства и отрочества
въевшиеся под кожу.
Соблюсти закон
качества,
перетекающего в электричество.
Вывести саму себя
за левую руку
правой рукой,
как формулу творчества,
сухой — из реки речи.
Радостно пялясь на яблоко,
говорить слова,
выбиваясь из графика
двуязычия.
До одурения снова и снова влюбляясь,
И впадая, впадая, впадая
в становящееся все запретнее и запретнее,
озверевшее, зачерствевшее, полоумное, несравненное
русскоязычество.

Серго Кенця

ВО ИМЯ...
(семь плоскостей о главном)

*Нарекаю центральной единицей своею
и единолично адресую Кети Заалишвили*

ПЛОСКОСТЬ ПЯТАЯ

Ты убьешь меня. Я же всегда это знал:
Убегал, убегал и транжирил годами...
Твой зияющий свет, твой блистательный зал,
Как паук, покоренными манит глазами!

Да, я знал, что вернусь, налетавшись взхлеб,
Как тобой обреченная блудная муха...
Пусть в твоей паутине сегодня озноб,
И всеобщая гнилость, и зло, и разруха!

Да, я знал, но – увы – я не ведал, когда
Ты затащишь меня на несчастную сцену.
А теперь мне не страшно, как было всегда, –
Я готов уступить твоему псевдоплону...

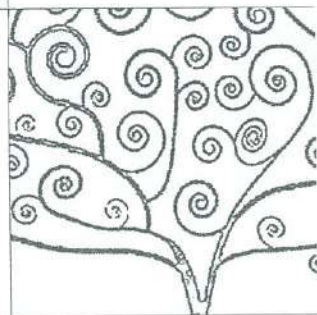
Все она, все она. Не ослышался ты.
Попытайся тот день под софитами вспомнить...
И теперь, после прежней моей пустоты, –
Я один бы сумел тебя вдоволь заполнить!

Ты вначале не верил; смеялся, шутил,
Когда я говорил тебе правду глазами...
А сейчас ты как будто об этом забыл –
И себе приписал то, что есть между нами.

Ну и ладно! Верши мой верховный закат!
Только, ах, не посмей на мгновенье обидеть
Ту, что выше, сильнее тебя во сто крат,
Ту, которой дано не смотреть – а увидеть!..

Ты театр. Я актер. Между нами ничто...
Потому что мы втерты судьбою друг в друга!
Так скажи ей спасибо, нелепый, за то,
Что я жив на кольце заведенного круга.

Анна Кондратенко

АДЖИКА

Мои руки пахнут зимней кухней –
мы вчера солили помидоры,
а еще мы делали аджику,
жаркую, как в августе Тбилиси...
Мои руки пахнут... винный уксус,
и чеснок, и перец, и гвоздика
уместились разом в теплый запах,
что совсем не хочет отмываться...
Мои руки пахнут зимней кухней
и горьки на вкус...
их напита
горечью душистая аджика,
жаркая, как в августе Тбилиси...

Девочка на велосипеде
везет своего маленького братика,
а он сидит на багажнике,
крепко вцепившись в ее сидение,
чтобы не упасть
в золоченную солнцем лужу...
Я тоже в детстве хотела
возить своего братика,
только велосипеда не было...
а сейчас есть, но брат вырос
и если он сядет на багажник,
я уже не смогу
сдвинуть велосипед с места,
и мы упадем
в золоченную солнцем лужу.

Анна Лобова-Кубецова

Мысль к тебе, прошивая предметы и дым –
вот такая баллистика.
Виноград за окном стал внезапно седым
до последнего листика.
Доползти, доползти вознамерилась ртуть
до последнего градуса.
Чтобы мне ее вспять повернуть, развернуть,
я прошу тебя – радуйся,
я прошу тебя – воздуха полную грудь.
Никакая не мистика.
Для меня, за меня, а оно как-нибудь.
Это просто. Баллистика.

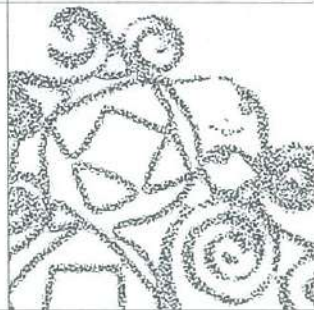
В помолодевшем небе ветер,
поверим, что небыстрый, перья, плети
и пена поредевших облаков.
В песочнице под ними дети – эти
хронометры любой судьбы на свете –
просеивают пыль моих часов.

То ночь толчет в бетонной ступке
с остатками кошмарных снов,
то день на голову наступит
тяжелой серой лапой. Но
сегодня ярче штукатурка,
сегодня есть особый штрих
в белесой четкости окурка,
в собаках, хриплом лае их,
и сразу хочется стремиться,
читать, искать, писать в свой блог,
пропылесосить и помыться,
вдруг сверить текст, найти в нем блох,
и, видит Бог, не только гипо-
тетически все это, и
не только, веришь, клюквой-липой
полны стихи и дневники...
Да где там. Ночь в бетонной ступке
и день тяжелой лапой. Так
не начинаются поступки,
и не кончается антракт.

лоза как вор взлезает на балкон
и свет крадет, и ведь не даст ни грозди
взамен. оставь. растениям закон
не писан. неприкосновенны гости.

и ты взлезай, лови руками свет
в карманы прячь корпускулы горстями,
отдашь – собой. Другой валюты нет
меж нами, как и ты, дружок, гостями.

Дмитрий Лоскутов

на завтра все расписано по строкам,
сказать вернее – все предрешено.
полны телеги рошского оброка –
есенин, сахар, солод и пшено.
костры сгорают волею саргиса.
сарматский сон, угрюмый и хмельной –
я в сумраке не различаю лица,
и в праздники я на передовой.
ладьи виляют по изгибам русла,
а зов славян сменяется на понт.
и смысл хромает от процента сусла,
и ай да сукин сын беллерофонт.

Я отвыкаю от тебя, Кура.
Мне заполняют пропуски с лихвою
4 комнаты и в них же 3 стола:
2 – для работы, 3-ий – для запоя.

И я лысею, как твоя гора
Безвольно отступает пред прогрессом –
3 ресторана, 2 парковки, кран –
Густеет арматурное полесье.

Рыбак в ботфортах, как моя душа,
На ивовый кулан насадит слезы
Твои, Кура, ты плачешь не спеша.
К другому берегу меня теченьем сносит.

Болтаюсь на поверхности, как шар,
Надутый чьим-то любящим дыханьем.
Вот только приспускают кореша,
На перекатах донкою стихаю.

А мне бы в прошлое закинуться блесной,
Цепляться за плывущий сор и рваться...
В мазаевскую лодку (сам не свой)
Уставшим от билетов наглым зайцем.

Давид Мезурницкий

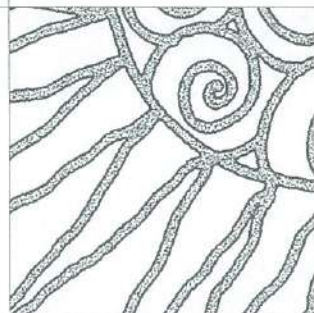
ТЕЛЕФОННЫЙ РАЗГОВОР

Але, добрый вечер, это наверное я,
Вчера и сегодня весь день ужасно болела моя голова,
Солнечный зайчик скупого осеннего солнца играл
в моей комнате

И прыгал от потолка,
Оставив недоконченной строку,
Ручка отказалась предоставить свой красящий шарик листу.
А дети играли в войну,
Причем с таким упорством целились в друг друга
Из деревянного оружия, издавая все то же – "бу-бу-бу"...
Но неужели нам не хватает собственных войн,
Которые не понарошку, а слишком всерьез.

Еще соседи за стеной активно отмечали помолвку дочки,
Она еще студентка, он уже ответственный работник.
Молодые, как положено, сидели вместе,
Их бесконечно поздравляли родственники жениха и невесты;
Затем демонстративно постучав по стакану ножом,
Ко всем поздравлениям присоединилось официальное лицо.
Дедушка в инвалидной коляске
Под звуки проносящегося по двадцати квадратным метрам танго
Мирно спал, накрывшись газетой с обзором вчерашних новостей.
Он видит сон: как где-то там, под Сталинградом,
Очередной артобстрел обернулся белой палатой
С приятной медсестрой...
Потом я вышел, чтоб посидеть с любимой книгой на балкон,
И там одна знакомая мне кошка рассказала,
Что если закончится этот год,
То это самый верный знак того, что начнется другой.
Но неужели ты не слышишь,
Как Христос опять стучится в твое сердце
И тихо говорит "Открой"?

Игорь Эубов

Пыльный город, душные улицы,
я иду навстречу себе.
одиноким ветер сутулится,
листья глохнут, слетая вслед.

и прохожие потусторонние,
фонарей невеселый свет,
одиночество в мутной короне
спит и видит меня во сне.

и когда все это закончится? —
лед улыбки глотает боль.
— назовите меня по отчеству, —
глупо шутит голый король.

Жить по утрам и жить по вечерам,
Быть для себя рассыпавшимся эхом,
Бессонницею быть, слезами или смехом,
Так быть с собой, как будто строить храм.

У наших дней есть осень и весна,
У наших дней есть листопад и птицы,
Весенние, беспечные, из сна
О будущем и есть любви страницы

Познать молчание – потом познать слова,
Из слов познать себя – причалить в детство,
Где жизнь была пуглива и нова,
Где радости беспечное соседство...
Познать себя, как будто строить храм...

Нино Абюття

ВСТРЕЧА

Это был последний день боев за Сухуми. Наступившая к ночи тишина казалась еще страшней своей неизвестностью и пустотой. В эти минуты затянувшегося ожидания Ирма очень четко осознавала всю непоправимость совершенной ошибки: им нельзя было оставаться здесь, нужно было уехать еще вчера, пока это было возможно. А сейчас уже поздно, все кончено, пути выхода из города для них перекрыты. Оставалось положиться на судьбу и ждать своей участи.

Тихо открылась входная дверь, и в комнату вошел ее муж. Они были женаты всего два месяца, но и этого времени было достаточно, чтобы понять: она так и не смогла его полюбить. Замужество для нее было скорее вынужденным, чем желанным шагом. Все, что она испытывала по отношению к мужу, можно было назвать чувством долга, благодарности, уважения, но только не любви.

Незадолго до всех этих событий, два года тому назад, умер ее отец. Они с матерью остались вдвоем, в небольшом одноэтажном домике в районе Маяка. Ирма училась в музыкальном

училище и собиралась поступать в консерваторию. Война смешала все эти планы. Учебные заведения города были закрыты, криминальная обстановка дошла до критического уровня. Мать боялась оставлять дочь дома одну и устроила ее на работу в организацию, в которой много лет проработала сама.

Там она и встретила Игоря, своего будущего мужа. Это был мужчина старше ее, добродушный и солидный. Ирме льстили оказываемые им знаки внимания. Мать тоже благосклонно относилась ко всему происходящему. Ее тревожило их одиночество и незащищенность в полуосажденном городе, и она пыталась как можно скорее устроить судьбу собственной дочери.

Правда в той другой – мирной жизни, Ирме нравились мужчины совсем иного типа – дерзкие и веселые. Она даже была влюблена в одного из таких. Звали его Даур. Познакомились они в музучилище, на одном из концертных вечеров. Завязавшаяся между ними дружба быстро переросла в нечто более серьезное, и Ирма, с присущей большинству женщин интуицией, чувствовала, что небезразлична этому высокому и симпатичному парню. Случившееся потом не могло не повлиять на их отношения. Даур принадлежал к известной абхазской фамилии, Ирма же была грузинкой. Еще в первые дни противостояния он уехал из города и больше она его не видела. Сначала Ирма сильно переживала, но во время войны представления о жизни очень часто меняются, и теперь ей все это казалось по-детски несерьезным.

Весь этот год Игорь постоянно провожал ее до дома – на сухумских улицах было неспокойно, помогал с продуктами, в холодные зимние месяцы привозил хлеб и дрова. Ирма привыкла к его постоянному присутствию и относилась к нему с симпатией. Она была благодарна Игорю за поддержку и заботу. Поэтому, когда он признался ей в любви и предложил выйти за него замуж, она, немного поколебавшись, все-таки согласилась. Их скромная свадьба состоялась во время краткого перемирия. Ирма переехала жить в дом родителей мужа и ... загрустила. Чувство ожидания праздника и какого-то небывалого счастья прошло. Началась обыкновенная семейная жизнь, отягощенная условиями города, находящегося на военном положении.

Ирма выглянула в окно. Сухуми был погружен в темноту. Перед сном она долго молилась у небольшой иконы в углу комнаты. Раньше Ирма не отличалась особой религиозностью, но в последние дни все чаще и чаще мысленно обращалась к Богу. После молитвы приходило успокоение и только это давало возможность унять страх и вселяло надежду.

Утро следующего дня было теплым и солнечным. Их дом находился в районе Келасури. Сравнительно далеко от центра города, поэтому происходившие там события еще не успели докатиться сюда со всей своей разрушающей силой. Ирма вышла на балкон. Непривычная после многодневных обстрелов тишина резала слух. По соседству никого не было. Грузинские семьи покинули свои дома еще несколько дней тому назад. Они тоже собирались уйти. Но в последний момент у свекра случился сердечный приступ, пришлось задержаться еще на один день, а потом выехать из города стало уже невозможно.

Собранные на скорую руку вещи, так и остались лежать в прихожей. Увидев их, Ирма вдруг вспомнила, сколько слез пролила ее свекровь, пока собиралась в дорогу. Брать с собой можно было только самое необходимое, а это означало, что надо бросить все, что было нажито, построено и выстрадано за всю сознательную жизнь и уйти в неизвестность, прихватив с собой лишь то, что могло поместиться в две небольшие сумки. Но судьба вещей волновала Ирму сейчас меньше всего. Золотые украшения, дорогая посуда, мебель – все это было ничто по

сравнению с тем инстинктивным чувством самосохранения, которое овладело ею в те дни.

Со стороны дороги слышался шум. Два военных «уазика» появились из-за поворота. Где-то в самом начале улицы залаяла собака. Короткая автоматная очередь заставила ее замолчать. Машины остановились неподалеку. Люди в военной форме стали обходить дома в поисках оставшихся. Ирма быстро зашла в комнату.

- Они уже здесь, - сказала она мужу. Игорь даже не шевельнулся. Отчаяние и подавленность словно парализовали его волю и заставили умереть последние проблески надежды.

- Прости, что не уберег тебя от всего этого, - еле слышно проговорил он. Ирму охватило острое пронизывающее чувство жалости. Она ничего не ответила и просто прижалась своей щекой к его заросшему щетиной лицу...

Раздался громкий стук в ворота, сопровождаемый несколькими выстрелами в воздух. Еле живая от страха свекровь открыла дверь и вышла во двор. У ограды стояло четверо вооруженных человек в военной форме.

- Эй, хозяйка, есть кто в доме?

- Посторонних никого, только моя семья. Муж и сын с невесткой.

- Всем выйти на улицу с паспортами для проверки.

Услышав эти слова, Ирма вздрогнула. Сердце в груди бешено заколотилось, холодные капли пота выступили на лбу. Ничего хорошего это не предвещало. Понятное дело, паспорта нужны для проверки национальности. Как только станет ясно, что они – грузины – они обречены... Даже несмотря на то, что не принимали участия в конфликте. Они попались этим людям под горячую руку, и рассчитывать на их милосердие и справедливость в эти первые, после кровавых боев дни, не приходилось...

Взяв паспорта, они молча вышли на улицу. Там уже собралось человек двадцать. Мужчин и женщин разделили на две группы. Началась проверка документов. С шумом подъехала и резко затормозила еще одна машина. Из нее вышло несколько человек и подошло к проверяемым. Один из только что приехавших, по-видимому, был главным среди них. Это был человек высокого роста, с бородой, в белой бурке и темных солнцезащитных очках. Он тоже стал прохаживаться между рядами, внимательно вглядываясь в лица находившихся там людей. Ирма и ее свекровь стояли в самом конце. Наконец, человек в бурке приблизился и остановился в двух шагах перед ними.

- Ирма, это ты? – от удивления он приподнял очки и она сразу же узнала Даура. - Что ты делаешь в этом районе, ты же жила на Маяке?

Растерявшись, Ирма не сразу нашла, что сказать. Она не ожидала встретить его здесь, при таких обстоятельствах и в таком странном виде...

- Мне надо с тобой поговорить, - нужные слова наконец-то пришли в голову, - и я тебе все объясню.

- Пойдем в машину, там и поговорим, - он указал рукой в сторону стоящего поблизости «уазика».

Ирма вышла из ряда, жестом дав понять мужу, что с ней все в порядке. Подошла к машине и села на первое сиденье рядом с Дауром. Он снял свои очки. Теперь Ирма могла видеть его глаза, но она старалась в них не смотреть. Даур первым нарушил молчание:

- Еще вчера я был у тебя дома, но там никого не нашел. И вот сегодня, совершенно случайно,

встречаю тебя здесь. Что случилось?

- Случилось то, что я вышла замуж и теперь живу здесь вместе с мужем и его семьей.

- Твой муж грузин?

Ирма молча кивнула. Даур усмехнулся и слегка качнул головой. Они оба еще не до конца верили во все происходящее.

- Значит то, что было тогда между нами...

- То, что было между нами – осталось в прошлом. Ты уехал, и от тебя не было никаких известий...

- Но вот он я, здесь! Все это время я думал о тебе.

- Я замужем, Даур...

- Ну, это можно легко исправить, - в его голосе послышались циничные нотки.

- Даур, ради всего святого, - Ирма старалась говорить как можно мягче, - я тебя очень прошу.

Помоги мне.

- Я тебе уже помог. Ты свободна!

Ирма, наконец, решила заглянуть ему в глаза:

- Даур, пойми меня правильно. Нам уже не судьба быть вместе. Жизнь распорядилась иначе.

После того, что произошло, мы не сможем быть счастливы.

- А я верю в то, что человек может сам изменить свою судьбу. По крайней мере – у тебя сейчас есть шанс это сделать.

Ирма изо всех сил пыталась сдержать наворачнувшиеся на глаза слезы, но они все-таки предательски закапали после этих слов. Казалось, уже давно забытые чувства при встрече с Дауром снова напомнили о себе. Очень хотелось подчиниться такому знакомому с хрипотцой голосу, попытаться вернуть утерянное навсегда счастье, но... она не могла решать только за себя. В машине воцарилась тишина. Даур нервно закурил. Одна за другой медленно уходили минуты. Ирма собрала с духом:

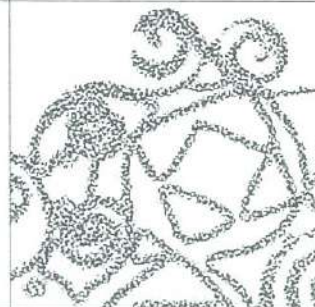
- Я люблю своего мужа и без него никуда не уйду. Если у тебя сохранилась хоть капля тех чувств, о которых ты говорил, отпусти нас, пожалуйста.

Ничего не сказав, Даур вышел из машины, громко хлопнув дверью.

- Эй, Миха, - обратился он к одному из своих людей, - заberi эту семью, выпиши пропуск и вывези их на границу с Сочи. Если по дороге возникнут какие-либо проблемы, скажешь, что это мои люди.

Через несколько часов они уже выезжали из Сухуми. Свекр расположился впереди и о чем-то разговаривал с сидящим за рулем Михой. Свекровь тихо плакала. Игорь и Ирма просто молчали. Они о многом могли сказать друг другу, но слова сейчас не имели никакого значения...

Ура Абсатжановичи

СИЛА УЛЫБКИ

- Пять тысяч долларов, – Джек победоносно взглянул на своего товарища. - Похоже, это наше лучшее ограбление. Говорил я тебе, что эти вдовы банкиров прячут в сундуках довольно-таки внушительные суммы.

- Думаешь, мы правильно поступили? Наверно, кроме этих денег у старухи Дженкинс ничего нет, - неуверенно покачал головой Билл.

- Что? Да о чем это ты?! Сама виновата, что оказалась на нашем пути. Пусть еще спасибо скажет, что мы ее в живых оставили, - сказал Джек, продолжая пересчитывать награбленное.

- Но она же спала.

- Вот именно. Если бы проснулась, то, возможно, увидела бы наши лица. Значит, пришлось бы ее убить. Запомни, - Джек оторвался от подсчета денег и пристально посмотрел на Билла, - нас пока не поймали лишь благодаря тому, что мы никогда, слышишь, никогда не оставляли следов и свидетелей. Вот уже три года мы не допускали ни одной ошибки... В общем, чтобы не было проблем, надо следовать простому правилу: мы не хотим никого убивать, но если во время

ограбления кто-то увидит меня или постарается помешать нам, то мы его устраняем. Ты как хочешь, но я никому не позволю запомнить, как я выгляжу, слышишь, опасно это. Сам можешь носить маску во время дела, но для меня это проявление трусости, следовательно, вещь, чуждая моему существу. Я прихлопну всякого нарушившего мое правило. И не имеет значения, кто это будет – простой ковбой, шериф или пресвятой отец. Ты ведь помнишь это, правда, Билл?

- Да, Джек, - обреченно вздохнул Билл и помог ему поднять сумку.

Он хорошо помнил, как все это началось. Всего каких-то три года назад Билл был простым техасским пареньком и помогал своей семье на ранчо. Жизнь протекала размеренно, даже однообразно, но такое положение вещей его вполне устраивало. В родном городке он даже был своеобразной знаменитостью, слыл первым силачом, что, конечно же, очень помогало в сельских делах. Но однажды случилось то, что навсегда изменило его жизнь. Билл в это время находился в соседнем поселке, на свадьбе своего друга. Утром после свадьбы примчался шериф и сообщил ему страшную новость: его ранчо сгорело, а вместе с ним и вся его семья: родители, братья Майкл и Стен и десятилетняя сестра Дороти. Билл долго не мог прийти в себя, считая, что будь он на ранчо, то спас бы семью. Кроме того, у него не было ни гроша за душой... На какое-то время он поселился у своего друга, и, не зная, как быть дальше, по вечерам напивался в дешевых кабаках, где все его знали и бесплатно поили пивом. В один вечер к нему подсел странного вида незнакомец, представившийся как Джек. Это был высокий, под шесть футов, малый, который сразу же понравился Биллу. Он слышал, что Джек был состоятельным путешественником, остановившимся в его городке на пару дней. На нем было дорогое платье, а его изысканная шляпа и сапоги вызвали острую зависть окружающих.

Вскоре они раговорились, и Билл с удовлетворением отметил про себя, что Джек оказался приятным собеседником и добродушным малым. Уже через пару часов они сдружились, и Джек, узнав об его трагедии, спросил, чем он собирается заняться.

- Не знаю, - ответил Билл, - жить мне негде, да и не на что, я ничего не умею, разве что батрачить на чьей-нибудь плантации. Но за это платят гроши, так что мне этого даже на еду не хватит.

- Да, это печально... Что ж, а вы слышали что-нибудь о «Смелых бандитах»? Они не появлялись в этом краю?

- А как же! Все о них знают. «Смелые бандиты» - безжалостные грабители, которые, никого, кроме Бога, не боятся. Здесь их не видели, но все слышали об их темных делах. Обычно они грабят банки, но иногда нападают и на состоятельных горожан. У нас частенько можно услышать историю ограбления Центрального Банка Южного Техаса, расположенного позади полицейского участка, после чего их и прозвали «Смелыми бандитами». Но их уже дано никто не видел.

- Так, - заинтересовался Джек, - а как насчет их главаря?

- Да о нем ходят легенды. Весь Техас его знает. Джеймс Гарнер слывет самым опасным преступником для властей штата и самым отчаянным головорезом для здешних сорвиголов. Все о нем слышали, но никто не видел. Говорят, во время ограблений он даже маски не носит, просто убивает всякого, кто на него посмотрит, - Билл судорожно сглотнул. - А почему вас это интересует?

- Видишь ли, - Джек пододвинул стул ближе к Биллу, и теперь он весь был отчетливо виден, - видишь ли, я и есть Джеймс Гарнер, предводитель «Смелых бандитов». Но друзья зовут меня

просто Джеком. Вижу, ты обо мне кое-что слышал, но допустил одну свойственную всем ошибку. Я не убиваю членов своей банды, хоть они и видят мое лицо каждый день. На них правило не распространяется... Знаешь, я неслучайно подошел к тебе. Я слышал о твоей трагедии, когда-то я тоже потерял семью, так что понимаю, каково сейчас тебе. И вообще, думаю, мы с тобой поладим. Но, кажется, я увлекся... Теперь ты все знаешь. Выбирай, либо ты со мной, либо живым отсюда не выйдешь.

Вот так они и познакомились. Впоследствии Билл узнал еще одну тайну Джека – не было никакой банды Джеймса Гарнера; «Смелые бандиты» просто не существовали. Т.е. нет, конечно же они были, но пару лет назад все погибли в перестрелке с полицейскими. Выжил лишь Джек, более известный как Джеймс Гарнер...

С тех пор они стали компаньонами, постоянно держа в страхе весь Южный Техас. С появлением Билла дела «банды» пошли в гору. Под негласным руководством Джека они грабили, в основном, небольшие банки, но иногда нападали и на состоятельных и уважаемых людей. Билл с неудовольствием для себя отметил, что самые богатые, банкиры, на деле оказывались и самыми жадными, готовыми пожертвовать собой и даже своей семьей, лишь бы не отдавать денег. Во время таких ограблений Билл носил маску и, если приходилось, общался с заложниками. Что касается Джека, то он питал искреннее отвращение ко всяким попыткам сокрытия лица и неукоснительно соблюдал свое кровавое правило. Обычно он стоял в тени, пока Билл грабил спросонья ошарашенных хозяев. При этом он не забывал упомянуть свое имя, а также и то, что за ограбление ответственны «Смелые бандиты». В таких случаях он часто врал, что вся банда затаилась невдалеке, и стоит ему свистнуть, как на зов тут же явятся пятнадцать отъявленных головорезов. Как правило, этот довод отрезвляюще действовал на хозяев, но стоило какому-нибудь неосторожному смельчаку попытаться оказать сопротивление или, того хуже, разглядеть Джека, как тот тут же получал кусок свинца в голову.

Всего через пару недель после объявления Билла все газеты Техаса уже пестрели сообщениями о том, что банда «Смелые бандиты» вновь орудовала в Южном Техасе. Поговаривали, что в ней состоят до двадцати до зубов вооруженных головорезов, при том в каждом ограблении участвуют минимум десять бандитов, так искусно маскирующихся, что, кроме одного-двух грабителей, никого невозможно разглядеть. Нет нужды рассказывать, какие слухи и даже легенды ходили о Джеймсе Гарнере. Вся полиция штата сбилась с ног, разыскивая преступников. Дошло до того, что отмечали всех приезжавших в маленькие города, проверяли все отели и ранчо, чтобы вычислить двадцать неуловимых преступников. Но все было тщетно.

Таким образом, Билл и Джек вдвоем, без чьей-то ни было помощи, наводили страх на все банки и на всех состоятельных горожан Южного Техаса. Так продолжалось целых три года, но как известно читателю, все имеет начало и конец, и эта история – лишнее тому подтверждение.

Однажды Билл обратил внимание на то, что Джек почти целый день не обмолвился ни единым словечком. Когда он поинтересовался, в чем дело, Джек ответил:

- Понимаешь, мне надоело гоняться за мелкой дичью. Пора переходить на добычу покрупнее. Например, что ты скажешь, если мы наведаемся к Оскару Монте?

- Ты шутишь? - со смешанным чувством страха и удивления воскликнул Билл. - Оскар Монте

ведь известный на весь штат банкир! У него, небось, охрана, равная количеству полицейских в этом районе!

Джек загадочно улыбнулся:

- По-твоему, я этого не знаю? Я уже все продумал, - и, отвечая на недоумевающий взгляд Билла, добавил, - а зачем, по-твоему, мы питаались в этот городишко?

В общем, план таков: сегодня ты должен пойти в здешний кабак и нанять там двух местных придурков или детей и сказать им, что хочешь устроить шутку для всего города, даже можешь пообещать, - тут Джек усмехнулся, - заплатить после того, как они все устроят. Итак, один из них должен укрыться около особняка Джереми Льюиса, это здешний мэр, и начать стрелять из-за деревьев около его дома. Выстрелы будут слышны на весь город. Второй в это время побежит к особняку Оскара Монте и начнет кричать, что вся банда «Смелые бандиты» в составе двадцати человек напала на дом мэра, который, между прочим, давний приятель нашего банкира. Оскар захочет помочь другу, при это прекрасно понимая, что он может стать следующей мишенью «бандитов». Он пошлет на подмогу всю свою охрану или хотя бы большую ее часть. В любом случае, с одним-двумя охранниками мы и сами расправимся. Только действовать нужно предельно быстро, охрана скоро поймет, что ее надули. А теперь разделимся: ты иди в таверну, а я буду следить за домом банкира.

Так они и сделали.

Вечером все пошло согласно задуманному. Услышав крики мальчика, банкир послал на подмогу всю охрану. Все казалось слишком простым, чтобы быть правдой.

- Пошли, - шепнул Джек на ухо Биллу.

Они осторожно перелезли через ограду, миновали двор и вплотную подошли к дому. Издалека вновь доносились звуки стрельбы.

- Ты проверь первый этаж, а я пойду на второй, - прошептал Джек.

- Хорошо, только никого не убивай, ладно?

- Постараюсь, но у меня ведь правило, не забыть? - и Джек полез наверх по громоотводу.

Через пять минут у Билла в заложниках оказались перепуганные банкир и его жена. Но Джека нигде не было видно.

- В доме еще кто-нибудь есть? - спросил он Оскара.

- Только наш годовалый малыш на втором этаже. Забирайте, что хотите и уходите отсюда, только не трогайте мою семью, - прохрипел банкир.

- Посмотрим... А теперь живо ведите меня к вашему ребенку, - сказал Билл, когда они поднялись на второй этаж.

Оскар и его жена неуверенно пошли вперед, затем открыли какую-то дверь и, войдя туда, застыли на месте.

- Что там такое? - в нетерпении прокричал Билл. - А ну пропустите меня!

Они беззвучно расступились, и перед Биллом предстала следующая картина: на детской коватке, поджав под себя ноги, сидел маленький карапуз и удивленно оглядывал непрошенных гостей. Но внимание Билла привлекло не это, он смотрел в угол комнаты, где из тени отчетливо проглядывалась мужская рука с зажатым в ней револьвером, направленным на ребенка.

- Джек... Что ты делаешь? - испуганно спросил Билл.

- Я - Джеймс, сколько раз тебе повторять... Он нарушил правило, я его не заметил вначале,

а когда повернулся, то он успел разглядеть мое лицо. Мне придется убить его, - в голосе Джека зазвучали стальные нотки.

Услышав это, Оскар и его жена рванулись к ребенку, но Джек закричал:

- Еще хоть один шаг и он труп!

Они остановились как вкопанные, мать малыша зарыдала, умоляя не трогать его.

- Джек, скажи, что это шутка, ты ведь не собираешься его убивать? - с надеждой спросил Билл.

- Собираюсь, если ты не заметил.

- Но ему же всего год! Что с того, что он увидел твое лицо?

- Слушай, я всегда следовал этому правилу, и если бы не оно, меня уже давно повесили бы. И в этот раз я не могу его нарушить, - в голосе Джека вновь чувствовался металл.

- Позвольте, - сказал Оскар и достал из шкафа небольшую сумку, - здесь все мои сбережения, тридцать тысяч долларов наличными. Забирайте все, только...только не трогайте...его... - тут его голос задрожал, и он опустился на пол около своей жены.

- Ты думаешь, твои деньги для меня важнее моих правил? Думаешь, у меня нет чести? - закричал Джек.

- Нет, что вы, - вновь дрожащим голосом ответил Оскар. - Пощадите... Он мое главное сбережение. Уходите, пока не поздно и обещаю никому не говорить, что вы были здесь... - он протянул сумку Джеку.

- Хватит, Джек, ты же не убьешь ребенка? Бери сумку и пошли отсюда. Охрана вот-вот нагрянет, - вторил Оскару побледневший Билл.

Джек надел шляпу, чтобы его лица не было видно и подошел к ребенку.

- Мне придется... Ну, давай, кричи от отчаяния и боли, старайся спастись, - сказал он фразу, которую неизменно повторял тем «счастливчикам», которых собирался убить.

Он думал, что малыш начнет кричать, плакать, пытаться спрятаться, как и все другие люди. Карапуз же и не думал делать ничего подобного! Он удивленно посмотрел на Джека и...потянулся к нему, да, да, потянулся к человеку, собиравшемуся убить его. Рука старого бандита задрожала. Он был в нерешительности, но тут малыш ему и вовсе улыбнулся, широкой, искренней детской улыбкой. Это окончательно добило Джека. Видели бы вы самого опасного преступника Южного Техаса. Рука гангстера задрожала еще сильнее и тут словно что-то в нем изменилось. Он понял, что не мог причинить вреда беззащитному существу, так ему доверившемуся. Он опустил ружье и еле слышно прошептал напарнику:

- Идем отсюда.

Билл наклонился, чтобы взять сумку, но Джек остановил его:

- Нет, я не могу взять их деньги, я нарушил свои принципы, к тому же этот человек, похоже, единственный порядочный банкир во всем Техасе. Оставим их в покое.

С этими словами Джек полез обратно в окно, а ошарашенный Билл мог поклясться, что изменилось даже выражение лица Джека. Если бы вы его спросили в эту минуту, он бы ответил, что оно стало менее бандитским. Билл легко спрыгнул в сад. Он знал, что теперь в их жизни многое изменится и эти перемены его радовали... С тех пор о них никто ничего не слышал.

...

Говорят, на бескрайних просторах Техаса и сегодня можно услышать множество историй о легендарном разбойнике Джеймсе Гарнере и его банде «Смелые бандиты». Со временем правда смешалась с вымыслом, и вам уже никто не сможет точно сказать, где заканчивается истина и начинается ложь в устах очередного рассказчика. Многие деяния этой группы, достойные упоминания, уже навсегда развеяны временем, множество вещей позабыто, но до сих пор жива в сердцах смелых техасцев самая странная и удивительная история в этом штате, повествующая о том, как великого Джеймса Гарнера, бандита, одно упоминание имени которого наводило ужас на весь Техас, победил годовалый малыш и его поистине волшебная улыбка...

Дмитрий Амбросов

Я – СОБАКА

Добрый вечер! А позвольте вас, м-м-м, обнюхать... О... Листва. Опавшая. Вы пришли из парка. Гравий. Теплый, шуршащий... Кирпичная крошка, запах свежей земли... Александровский парк! Бывало, гулял я там, как же. Удивительное место, скажу я вам, просто удивительное, чего тут только нет! Какие тут высокие, разлапистые деревья, которые, кажется, так и глядят на тебя со своей фантастической высоты. Счастливые они, наверное, это ведь здорово – быть таким высоким, можно глядеть на хозяина, не упираясь передними лапами ему в пояс, да и обнюхивать его можно в свое удовольствие, не дожидаясь, пока он примет горизонтальное положение. Да, счастливые они, эти деревья... С другой стороны, глядишь на такого исполина да на облупленную скамейку, уютно примостившуюся у его корней, и содрогаясь поневоле. Взяли твоего же сородича, распилили, четвертовали и поставили перед тобой же, вбив в него дюжину-две отличных гвоздей, любуйся. Каждый раз, как дует ветер, деревья склоняют свои косматые головы к этим самым покойным собратьям и шевелят кустистыми бровями-ветвями, как бы говоря: «Дожили...»

И ни крикнуть, ни пожаловаться никому. Только ветру. Ветер свободен, гуляет себе по миру

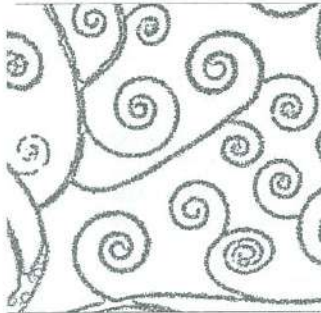
да время от времени превращается в дедушку, который своей мудрой, пропахшей опавшей листвою и теплой землей рукою гладит взъерошенную голову озорника-внука и слушает сбивчивые детские жалобы, перемежающиеся всхлипами. Вот кого мне напоминает ветер. И каждый раз, когда моя шерсть ходуном ходит под внезапным порывом, мне кажется, что это он, дедушка, пришел послушать меня да погладить по голове, успокаивая. И меня заполняет умиротворение... Может, то же самое чувствуют и деревья, когда ветер треплет их пышные шевелюры? Не знаю. А знаю я то, что как всегда я что-то учуял, подумал, поразмышлял да и увлекся. Если вовремя не прервать ток моих мыслей, я доберусь до Адама и Евы со своими размышлениями и думами... Это, кстати, такие библейские персонажи – Адам и Ева. Я и Библию слушал, да. Хозяин когда был поменьше, часто читал вслух эту занятную, но малопонятную книгу. Тогда я и услышал историю про двух первых людей, прародителей, что-то там отведавших и навлекших на свои бедовые головы гнев самого Создателя. Я их понимаю, мне однажды тоже за кусочек печенки здорово попало, хотя и догадываюсь, что Создатель разгневался не за уничтоженный фрукт или овощ, Он мог без особых проблем создать себе другой такой же, там был какой-то другой смысл... А я опять заговорился. Я ведь рассказывал про Александровский парк. Про кирпичную крошку, так вкусно хрустящую под когтями. А на вкус она так себе, скажем. Ну, может, напоминает поджаренную куриную кожицу. И то, лишь похрустыванием на зубах, но никак не вкусом, отнюдь. Кхм... Простите, я опять отвлекся, я рассказывал-таки про Александровский парк. Как там хорошо после дождя! С каким же наслаждением ты бежишь, бежишь по мокрой траве, вдыхая живой аромат горячей, распаренной земли. Этот аромат не спутаешь ни с чем. Запах жизни. Именно так. Запах мокрой земли – это запах жизни. Я не раз говорил хозяину, мол, опускайся на все четыре лапы, ведь так ты увидишь мир в совершенно ином свете, в другом ракурсе! Хозяин всегда со мной соглашался, даже по голове гладил, но на передние лапы не опускался. Стесняется других людей. «Стыдно», говорит. А что такое стыд? Громко лаять – стыдно, купаться в лужах после дождя – тоже стыдно. Чего же постыдного в купании в свежей дождевой воде? Чего постыдного в том, чтобы вылезти из этой самой лужи и хорошенько встряхнуться, глядя на искрящиеся брызги, разлетающиеся от тебя в разные стороны. Кажется, ты сам соткан из этих самых мерцающих капель! Как раз недавно по теле-ви-зору (вот слово-то) говорили, или, выражаясь по-человечески «передавали», что мы практически полностью состоим из воды, так почему бы мне... Впрочем, я отвлекся. О чем я говорил? Точнее, о ком. О моем хозяине, это именно он сейчас стоит у меня за спиной и встречает вас, только что пришедшего гостя. О, о хозяине я могу говорить часами, да что часами, сутками напролет! Это Он, Он меня нашел! Дал мне имя. Дал мне цель. Он – тот, чей запах я никогда не спутаю ни с чьим другим. Этот запах постоянно заглушается мириадами других, практически неуловимых ароматов, которые мне, псу, рассказывают много больше, чем слова и жесты. Словом либо мимикой можно ввести в заблуждение, запах же тебя никогда тебя не обманет, не подведет. Даже у времени хозяина есть свой неповторимый аромат. У раннего утра – горячего, распаренного материала, мяты и свежеевыпеченного хлеба с чудесной хрустящей корочкой, а также какой-то... едчайшей дряни, название которой я никак не могу запомнить. Днем, когда Он возвращается домой, буквально пропитанный городом, главенствует все-таки запах пота, от резкости которого я смогу сказать, насколько тяжел был Его день, а также целый мириад, каскад, тончайший букет запахов, которые я раскладываю подобно царскому казначею по полочкам, шкатулкам и сундукам. Вот бензин и резина – это запах машины, удивительного зверя, очень и очень быстрого, питающегося только маслом и тем же самым бензином, за ним не угнаться никак, если он увлечется и побежит, побежит. Я уж и так и сяк пытался... Даже

язык, высунутый и чуть ли не заворачивающийся за шею, мне не помог. Конечно, металл – это не живая плоть, он не радуется и не горюет, он делает свою работу. И делает ее, выкладываясь по полной, ни на что не отвлекаясь. Где ж мне, живому существу догнать бездушного... Вот запах горячего гудрона, исходящий от Его ботинок. Долго ходил по улицам, да еще по жаре. Хех, да чуть не поскользнулся на банановой кожуре впридачу. А вот... жареные сосиски! Такой живой запах, они тут, рядом! Целых две сосиски в пергаменте! Лежат в его, его рюкзаке! Я так счастлив, я ведь знаю, о ком думал мой хозяин, когда расплачивался в близлежащей таверне, или как она называется, за эти сосиски! Хвост крутится, как пропеллер, я не могу удержать его дикую пляску. Я не сосискам радуюсь, не в сосисках и не в сардельках, и даже не в ножке индейки дело, я радуюсь тому вниманию, которое мне было уделено. Ведь это такое счастье, знать, что о тебе заботятся, о тебе думают. Да... Счастье.

Вечер... Кончен еще один бурный день, наполненный событиями и круговоротом ароматов. Вечером запахи дневной буйной суеты сменяются запахом чистоты. Выйдешь на балкон, и буквально ощущаешь этот аромат всем своим существом, воздух словно омывает тебя, натирает свежестью, готовит к ночи, отдыху, заполнению свежими силами. Но пока – вечер... Сейчас, сейчас к свежести добавится еще один... запах? Аромат? Ощущение? Голос? Я даже не знаю, как это называется. Я вру, все я отлично знаю. Это дурманный, кружащий голову запах легкой грусти и любовного томления... Изредка к этой волнующей, будоражащей кровь смеси добавляется целый каскад иных, едва уловимых, но все же хорошо различимых ароматов. Иногда к ним примешивается все тот же легкий запах пота и цветов, вечерами. И тогда мне становится немного грустно. Не знаю, почему. А, может, и знаю. Конечно, знаю. Вообще по вечерам мне обычно грустно. Вроде бы окончен еще один тяжелый день, ночью все и вся запасаются энергией, отдыхая, я тоже лежу перед еще теплым камином. Собаки спят мало, чутко, а еще у них прекрасный слух. Вздохнет во сне хозяин, как я, уже на лапах, готов всеми своими клыками и когтями защищать Его от возможного обидчика... Грустно мне совершенно не из-за этого. Это моя честь и моя работа – служить и оберегать. Просто... Просто ночь – такая пора, пора одиночества. Каждый углубляется в свой мир, в свои мысли. Так хочется оказаться рядом, приоткрыть створку в этот самый мир, стать его частью...

Иногда по ночам мы вместе с Ним не спим, а стоим на балконе, глядя на звезды и Луну, настолько похожую на вкусный, пахнущий эдакой шерстяной резиной теннисный мяч. В такие моменты я по-настоящему счастлив. Да, просто стоя рядом с хозяином. Ведь именно в такие моменты явно чувствуешь, как завеса, котрая тебя с ним разделяет, приподнимается и вот вы вдвоем стоите на балконе. И вам больше не нужны ни слова, ни жесты, ни запахи, вам больше ничего не нужно. Хозяин и его верный друг дышат ночным свежим воздухом, глаза их устремлены куда-то вдаль, уши слышат сотни звуков, а все тело обдувает нежный ветерок, пришедший поведать...

Я пишу вам от имени одного такого счастливого пса. Я не сказал вам своего имени, имя мне – Джек, Грелка, Барс, Клык, Собака. Я живу со своим хозяином и оберегаю его покой. Сплю в конуре, на Его кровати, на своей кровати, на ковре и на голом полу. Слушаю тишину, звон настенных часов, телевизионные передачи, говор и шепот. Вдыхаю мириады и мириады запахов, которые читаю, словно раскрытую книгу, по которым определяю даже время... Имя мне – Собака. От имени – всех четверолапых, которым есть кого любить и защищать, подле кого стоять поздним вечером, быть частью, малой толикой мира хозяина, Хозяина, являющегося для нас целым, целым миром... Пахнущим даже шерстяной резиной.

Диана Бабий

МЫСЛИ И СЕРДЦА БЕСКОНЕЧНОСТИ
(Фрагменты)

А когда не очень веселые прохладные дни сменились на жаркие, трава окончательно озеленела, и пыль стояла столбом, Исида все брела и брела по каменистой, ухабистой дороге, сбивая ноги в кровь. И, как говорят, это из той крови и появился новый вид цветов – розы...

– Что ты ищешь, нищенка, куда идешь?

«Нищенка!» Можно и так сказать – недалеко от правды!

– Куда иду – это не знает никто, даже сама. А ишу чего – знала бы – уже б нашла...

Когда-то алые кудри, а теперь черные змеи волос рассыпались по обожженным солнцем и ветрами плечам. Темные круги под еще светлеющими глазами и давно не смеявшиеся губы – разве это ты, Великая Мать?!

Ну, да. Только невестребованная. Видимо, очень отстала от прогресса...

— Эй!

Кто-то окликнул женщину. Она устало обернулась.

— Что тебе?

Мужчина пристально разглядывал оборванку.

— Ты бродяжка?

Кивок.

— У меня есть работа на сегодня-завтра... Деньги вперед. Ко мне заехал старый друг — надо его развлечь...

... Что тут делать Великой Богине?

— Растерзать взглядом, наказать вечным холодом, проклясть или известить потомство, испепелить на месте? Так поступают уважающие себя Великие Силы...

— Хорошо... Но деньги пока оставь при себе...

Простая комната — четыре стены, ковер, вазы в качестве украшений, диваны, стол...

Вечер затянулся ...

— Почему ты все время смотришь в окно? Тянет бродяжничать?

— Угу...

— Не устала еще? Хочешь, оставайся у меня жить?

Она опускает глаза, чему-то усмехается, но не зло... Всего день прошел, а она уже успела НАВСЕГДА испортить жизнь этому почти порядочному человеку. Теперь и его будут мучить за-
каты, а запах роз неотступно преследовать во сне...

— Нет... Я уйду на рассвете...

... Пока еще не отравила ему душу этой страшной безликой любовью, от которой не радостно самой, — ведь ее надо куда-то девать, — а куда...

Утром она тихонько уходит, чтобы брести по ухабистой каменистой дороге куда-то в даль, где, может быть, еще не выстроены квадратные стены, а проход в небеса не завален серыми бетонными глыбами...

...Может быть, она еще найдет, что ищет... Может быть, ей повезет...

Великий Разрушитель присел на Колесо Времени, задумчиво разглядывая тягучую череду человеческих мыслей...

Что-то не так с людьми, что-то его тревожило:

— вот темные круги зависти,

— а это желтые всплески каких-то желаний,

— тут разбросаны куски порока:

деньги, кровь, деньги, смерть, деньги, страсть...

— и страхи, извращения, невежество.

Но где же, эта самая, как ее?

— Любовь?! Они же всегда так ею болели?

— А что, Разрушитель, тебе ее тоже не хватает?

... Не свисти, ветер, не надо!

... Не плачь, дождь!

... Не стоай, так страшно, волна, — ты еще не привыкла разбиваться о скалу? — А уже пора

бы!..

Ведь это нормально, когда все исчезает, пропадает и гаснет...

— Но так ли уж бесследно?

Разрушитель еще немного поразмышлял насчет исчезновения Любви из людских сердец и, решив, что он-то уж точно ничего с этим поделать не может, принялся за свою работу. Но ничего не получилось.

— Не горело, не пылало, не рассыпалось на искры...

Зависть цепко клеилась к страсти, кровь к деньгам, невежество — к ... счастью! Все так и текло, цепляясь одно к другому, а затем вытекало в Бесконечность канализацией...

... из которой произрастали медленно, но уверенно, Миры клоаки, Миры мутанты, набитые щупальцами, слизнями, присосками-вампирами...

... И как ни бился Разрушитель, как ни метал свои огненные столпы смерчи...

— Да чтоб вы лопнули! — не выдержал Великий.

Он хотел бы сказать: «Чтоб вы сгорели» — но понял — гореть они уже НЕ МОГУТ...

— Но идет по пыльной дороге Исида, шагает, еле передвигая ноги от усталости. В сторону алого заката лежит ее путь; и путники, встречающиеся ей, иногда загораются маленькой искоркой светлячком; хоть изредка, но поглядывают в сторону неба — вверх...

Потому и не жалеет Великая Мать своих ног — это ее дело — не дать им угаснуть навсегда. Не выдержит она такой боли, и тогда погаснут даже самые жаркие, самые алые звезды, застынет бесконечность недоконченной песней, и даже Хаоса не будет в плоской, черной луже, которой станет Вечность...

... Золотые Монахи радостно приветствовали Разрушителя, зашедшего к ним на звон колокольчиков.

— Что не весел, Разрушитель? Шива страдальчески изломил брови и развел руками.

— Не горит! — только и смог объяснить он.

— Да что ты! — всплеснули руками оба монаха, — это ж надо! — и сочувственно закачали головами.

— И что собираешься делать? — поинтересовался Великий Бездельник Лао.

Разрушитель пожал плечами: что он тут может сделать? — Это не по его части — заниматься людскими сердцами, — он и так всю жизнь потратил, разбирая их мусор...

— Значит, будем ждать, — резюмировали Монахи недееспособность разрушения.

— А чего? Чего ждать? — расстроено поинтересовался Шива, точно зная, что ничего само собой не меняется в лучшую сторону...

Монахи, молодой и старый, загадочно заулыбались и закатили глаза, как они одни только и умеют.

– Кажется мне, – заговорил Лотосоподобный, – что где-то заливается закат, – и что цвет у него невозможно алый...

– И тянутся к тому закату, – продолжал Великий Лао, – тянутся к нему бутоны придорожной плетучки, и летят по воздуху семена то ли чертополоха, то ли дурмана...

... Дует, свистит ветер, разнося семена, бросая их на каменистую, сухую землю...

... Плачет небо, взирая сверху на боль, разбросанную по земле; падают слезы неба дождем – и оживают семена...

Бьются волны о жестокий, грубый оскал берега, разлетаются брызгами, – испаряются от жгучих лучей – и наполняют своими ионами иссушенный, больной воздух...

Шагает Великая Мать по дороге, усеянной мертвыми сердцами, и от боли чернеют ее глаза и волосы, текут ручьем кровавые слезы...

... И падают алые капли на черную землю и черные сердца, – и на какой-то миг оживают они...

А вся Бесконечность, замирая и трепеща, глядит на еле-еле бьющиеся сердца, боясь даже представить, что будет, если перестанет плакать Исида, – остановятся они...

Диана Барсегян (Редактор)

ДВЕРИ В БЕСКОНЕЧНОСТЬ
(Фрагменты)

МАЛИБУ

Я без любви не могу-умру.

Некоторое время мы долго молчали. Малибу потянулся за чайником в розовых бутонах и снял с него крышку. Над чайником за клубился пар и пахло розами. Малибу грустно вздохнул, его огромные синие глаза внезапно наполнились слезами. Он налил себе еще чаю. Я подумал, что Малибу очень добрый, и спросил:

- А знаете что, Малибу?
- Что? – ответил он.
- Когда-то я по глупости мечтал стать большим и сильным как слон. И мне стыдно признать-

ся, но я удивился, узнав, что слоны очень добрые.

- Всем иногда хочется быть большими и сильными – улыбнулся Малибу своей застенчивой детской улыбкой. Особенно этого хочется очень добрым людям. Я не помню, каким я был ребенком, я не помню детства. Я не помню, как открыл глаза и увидел розовое море. Я не знал, что это, но оно мне сразу же понравилось. Такова любовь с первого взгляда. С тех пор розы – моя страсть. Люди моего племени шутя говорят, что я готов променять женщину на цветок. Когда-то все было также, но по-другому. Все мы ошибаемся, а я, к тому же, люблю свои ошибки. Так я до сих пор люблю свою первую ошибку. Она была очень красивая, тоненькая, как тростинка, изящная, словно нарисованная. Тогда я еще верил в то, что настоящую красоту надо всегда искать. Красота неуловима, как луч солнца, как капля росы, как смех ребенка. Я влюбился в свое мнение о том, какой должна быть красивая женщина. Просто идеал. Я мог ею гордиться и гордился. Она родила мне детей, таких же красивых, как она сама. Потом она перестала ждать меня по ночам. Я перестал ночевать дома. Вы скажете – безразличие рождает безразличие? Позвольте не согласиться. Я страдал. Я слишком поздно понял, что никогда не обладал ею и ее дети – не мои дети.

Она говорила мне, что любит по-прежнему, что она все та же, как и я, что ничего не изменилось. Она была права. Я потребовал от нее чего-то такого, чего она не могла мне дать. Так бывает с людьми чуждыми друг другу. Потом она ушла и с ней ушли дети. Она угадала мою слабость. Говорят, что женщина должна быть тайной для мужчины, что мужчины непостоянны и как дети любят играть с новыми игрушками. Это так банально, так глупо. Это придумали женщины себе в оправдание. Женщины редко нас понимают. Для них все слишком просто. Матриархат не покидал нас. Он преобразился, приспособился. И мы тоже хороши, нечего сказать. Нас тоже это устраивает, пока сердцу не надоест выслушивать нашу пустую болтовню. Гомер был реалистом. Жизнь создана для героев. Наверно я не был достоин Пенелопы, раз не встретил ее.

- Никто не может слиться с другим человеком – это ложь – не выдержал Мистер Фридрих. Я не отрицаю любви и дружбы, но одиночество присуще каждому. Все меняется. Любовь и дружба не вечны, как нам бы этого хотелось. Все величие, в умении человека обращаться с самим собой и со своим одиночеством. Все остальное было, есть и будет. Затем Мистер Фридрих досадливо поморщился и махнул рукой, как-будто отгоняя кого-то.

- Философия – дурная привычка, - добавил он. Мы готовы к иному общению.

ЧЕРДАК МИСТЕРА ФРИДРИХА

*Меня безумье гонит прочь,
от всех забот мирских и счастлих.*

Чердак напоминал яйцо. Он не имел углов. Это была одна сплошная стена бегущая сначала вверх, а затем вниз. Нельзя было сказать где ее начало, а где конец. На самом ее верху светила лампа в нежно голубом абажуре. Ее сиянье заливало всю комнату и олицетворяло вечно голубом абажуре. Ее сиянье заливало всю комнату и олицетворяло вечно голубое небо. – Небо – мое утешение, – любил говорить Мистер Фридрих.

С лампы, осторожно, словно боясь упасть, свешивалась ящерица. Ее привез Малибу со свое-

го острова. Ее звали «Спящая». Глаза ящерицы были всегда закрыты. Она почти не двигалась, только изредка покачивалась. Кожа ящерицы переливалась всеми цветами радуги. Рисунок ее всегда менялся в зависимости от сочетания цветов. Малибу говорил, что ящерице всегда снится один и тот же сон. Ей снится, что она просыпается на земле, пробует ее на вкус и превращается в птицу. Птица взлетает высоко в небо, из груди ее рвется песня и она вновь становится ящерицей, падает и засыпает, чтобы проснуться вновь.

Прямо под лампой стоял невысокий, круглый столик с резными ножками, сделанный из неизвестного нам дерева. На его гладкой поверхности отчетливо вырисовывался темный треугольник. Когда на столик не стелили скатерть с бахромой, казалось, что он живой и заглядывает тебе в самое сердце, потому что в центре треугольника был глаз. Столик прислали из Пакистана. Друзья Мистера Фридриха считали, что этот знак приносит несчастье тем, кто не умеет видеть Бога. Поэтому для неожиданных гостей столик всегда накрывали скатертью с бахромой. Неподалеку от столика, на гвоздике висели стручки красного перца. Они сморщились от времени и стали похожими на капли крови. Мистер Фридрих часто задумывался глядя на них, но никогда ничего не говорил. Я как-то спросил его: - Почему горький красный перец висит на вашем гвоздике? Мистер Фридрих ответил: - Он напоминает мне о том, что я всего лишь человек.

Еще на чердаке было окно. Его не открывали, пока не наступал вечер – еще один секрет Мистера Фридриха.

Каждый гость приносил с собой стул из гостиной и что-то от себя, важное по его мнению. Больше ничего на чердаке не было.

«Я»

*Я сам был болен,
я сам был ребенком,
которому в крик вплели
змей – злых и добрых.*

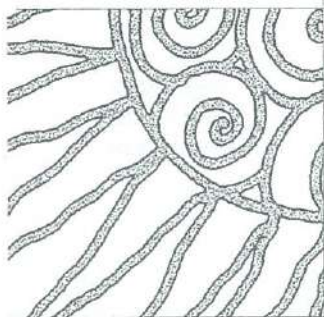
Когда я встречаюсь с незнакомыми людьми, то первое время мне всегда кажется, что я пришелец, что я с другой планеты и совсем не знаком с этой жизнью. Родные, близкие – это другое. Я их не вижу. Меж нами всегда, как туман стоит любовь. Там, где нет любви, во всем, даже самом разумном, логичном, доступном мне видится дикий хаос и он, как свирепое, бесформенное чудовище, пожирает самого себя. Малибу замолчал и весь вечер был задумчив и строг весь мир...

Я готовился получить свое первое наказание. Это было наказанием одиночеством. Наказание – это спасение самого себя. Так должно быть. Я усвоил это очень хорошо. Мистер Фридрих почему-то нервничал. Я впервые видел его таким рассеянным.

- Мой чердак напомнил мне сегодня тюрьму, Малибу, - неожиданно сказал он. Ты помнишь это? Малибу только кивнул головой ему в ответ и глянул на меня. Я почувствовал, что он чего-то ждет. В его взгляде я уловил немой вопрос или, может быть, просьбу. Я не знал что мне делать,

что сказать. Волнение передалось и мне. Словно первое посвящение – подумалось вдруг. – Однажды, очень давно, - начал рассказ Мистер Фридрих, - родился мальчик. Было полнолуние. Луна закрыла собой небо. Она была страшной. Первое ощущение мальчика – страх. Говорят, что луна была виновата в том, что мальчик изменился. Его маленькое тельце съежилось и покрылось блестящей чешуей. Каждая чешуйка была подобна зеркалу, только с той разницей, что ничего в ней не отражалось. Вы словно заглядывали в пустоту. Мальчик так и вырос. Он был молчалив, потом вдруг стал общителен и вновь замолчал – навсегда. Я спрашивал о нем тех, с кем он общался. Все расходились во мнениях.

Потом, к своему удивлению, я заметил, что глупый видит в нем глупца, умный – себе равного, страдалец видит в нем мученика, убийца – преступника. И я немного боялся, когда шел к нему. Мальчик сидел на берегу ручья, и, казалось, о чем-то думал. Я сел рядом с ним на мокрую траву. Было утро. Травы переливались каплями росы. Мальчик посмотрел на меня, затем показал глазами на траву и капли росы, и сказал: - Я – это они, только они счастливее. И ушел. Я знаю, что он ответил на мой вопрос, но я долгое время мучился, пытаюсь понять, что же делать, что дальше? Потом я познакомился с Малибу и он помог мне. Сегодня я родил третий вопрос и ужаснулся. Мы рожаем только подобное самим себе. Я захотел свободу от всего. Этот крик безумья вырвался против моей воли. Человек ужасен, потому что никогда не знает чего можно ожидать от самого себя. Человек готов на все. Поэтому нам нужна любовь, туман, в котором все мы спрячемся, когда не будем в состоянии выносить самих себя. Малибу жестом показал, что мне пора идти. Я встал, подошел к двери и остановился. Мне хотелось сказать что-нибудь на прощанье. Малибу грустно улыбнулся и сказал за меня: - Так я ушел в свое первое посвящение – полон тревог и сомнений, но, не боясь самого себя.

Саша Кузнецова

ПЯТЬ МИНУТ

- Здравствуйте, - сказал он, я посмотрела и... бац! - кусочки пазла сложились в единое целое. Тот недостающий кусочек, который я искала много лет в чьих-то объятиях, рваных рисунках чужих дорог и жизней, вдруг упал мне в ладонь. Мне стало светло и тепло. Кусочек был оранжево-золотистым, как солнце.

Человек что-то мне говорил и очень много курил, а я смотрела на него, не разбирая слов и звуков, впитывала то непостижимое ощущение глупого неконтролируемого счастья просто оттого, что он сидел напротив и смотрел на меня ставшими вдруг в минуту родными глазами.

Виля прочла написанное, откинулась в кресле и задумалась. То, что она написала, никогда не удавалось ей пережить. Не встречала она такого мужчины, при виде которого легкой и осмысленной становилась жизнь.

У Вильки была мечта — написать роман. Или, на крайний случай, повесть. Писать ей удавалось, несколько раз печатали в газете, хвалили журналисты, говорили: «Пишешь ты, Виля,

мило и приятно, нежно и трогательно. Слово у тебя дышит», но ей хотелось написать так, чтобы почувствовал читатель все, что заставляло ее браться за ручку и писать много и подолгу, забывая какой на улице день и время суток.

А потом забрасывала, все казалось ей банальным и глупым, она размышляла о таком теплом бабском счастье, которого у нее никогда не было, и с сарказмом звала себя «писатель». Подруги увлечения ее не одобряли, даже не то чтобы не одобряли, а просто смотрели на это, как на девичью шалость и говорили: «Вот выйдешь замуж да родишь ребенка, тогда тебе не до статей будет. И не до романов». Вилья слушала и странно улыбалась. Потому что знала – не сможет не графоманить. Не сможет. Да и замуж еще неизвестно, выйдет ли.

Не подумайте, что мужчины у Вильки не было. Был мужчина. И до него мужчины были. Только не задерживались. Сначала юная Вилька не знала, как себя вести надо и открывала свою душу. Заглядывали они туда, а там видели огромную бездну любви. Такую черную и непокоримую, что собирали свои вещи и пропадали в череде дней, воркуя рядом с простыми и понятными подругами. Очень это Вильку удивляло и расстраивало. Больно было от одиночества и от непонимания, а потом свылась. Стала с мужчинами все больше о земных вещах разговаривать. Перестала рассказывать о ночных полетах, видениях и стихи свои больные, выплаканные перестала показывать. Даже называть себя стала не Виолетта, как родители называли. А коротко и емко – Вилька. Изменив имя, и внешне будто бы поменялась, стала Вилька обыкновенной девушкой 25 лет. Среднего роста, каштановые волосы, карие глаза. Обыкновенная. И мужчина у нее был среднестатистический. Пиво, машина, гараж, рыбалка. Полный набор. Наконец, смирилась Вилька, что роман не напишет больше никогда, что удивительное не приключится. То удивительное, чего всегда с замиранием сердца ждала с раннего детства.

И лишь иногда, вдруг, писала Вилька, Виолетта Романовна, странные вещи. Испытывать ей их не приходилось, а писала будто о себе. Кусочки какой-то большой книги, кусочки чьей-то затерянной жизни. И после того, как напишет, приходило чувство удивительнейшего покоя и одновременно желания жизни. Яркой, в фиолетово-оранжевых огнях, жизни.

13 января, когда отмечают старый новый год, Вилька вышла в магазин за шампанским. Все было готово, а вот шампанское купить забыла. И попросить некого, Сашка обещал попозже зайти. Набросила на плечи старое пальто и выбежала во двор. А когда возвращалась, сосед на своем грузовике неожиданно вырулил. Не успел нажать на тормоз. Заблестели в свете фар кусочки разбитого стекла и запенилось шампанское. «Розового что ли цвета?» – успела подумать Вилька.

Стало темно.

Когда очнулась, в голове было тяжело и пусто. Рядом возвышались серые пятиэтажки хрущевского типа, где-то далеко лаяла собака. Похоже, было раннее утро. Окна темно молчали, только в одной квартире виднелся тусклый свет. Двор был незнаком, Вилька решила сходить и постучать в квартиру, в которой горел свет. Нажала кнопку звонка. Дверь открыл босой мужчина в халате. Он, не сказав ни слова, распахнул дверь пошире, предлагая войти. Вилька поежилась, но вошла. Квартира была пустая, без мебели, на полу белый кафель в грязных подтеках. Из крана капала вода неопределенного цвета. В середине комнаты стоял стол. Трое мужчин и женщина играли в карты.

- Сыграешь? - спросила жуткого вида женщина без передних зубов и подмигнула.

- Я только в дурака умею.

- Ну давай в дурака, коли так.

На удивление, мужчины и женщина играли в карты тихо, изредка посмеиваясь, даже не обманывали. Курили вонючие сигареты «Астра», сплевывая сквозь зубы на грязный пол.

- Мне уже идти пора, - сказала Вилька.

- Иди, - лениво отозвались они.

Вилька повернулась к выходу. Двери не было. Вообще. И даже следов ее не было. Хотела задать вопрос, но посмотрела на торжествующие лица своих компаньонов по игре в дурака и промолчала. Женщина хитро улыбалась, обнажая беззубые десны, один мужчина пускал дым в потолок, усмехаясь, второй почесывал обросшие щеки. И только третий немного сочувственно смотрел на Вильку, теребя воротник старого потертого плаща. Этот третий старичок вдруг напомнил ей дворника дядю Мишу, с которым она часто здоровалась.

- Мне домой надо, - жалобно сказала она. - Меня мужчина ждет.

- Хорошо, когда ждут, - сказал Второй и сплюнул.

- Точно, - безразлично отозвалась женщина

А Третий опять доверчиво и жалостливо на нее посмотрел. Но Первый дал ему подзатыльник, и дедушка, опустив глаза, стал снова теребить воротник плаща.

- Я сейчас в окно выпрыгну, - закричала Вилька и вскочила на подоконник. Посмотрела вниз, зажмурила глаза и прыгнула. Прошло несколько секунд, она ждала боли, но мягко села в сугроб. Посмотрела на тускло светящееся в утренних сумерках окошко и заплакала. Ей хотелось домой, в теплую постель, хотелось съесть винегрета, выпить шампанского и заснуть под боком у своего мужчины. Но вокруг был лишь только снег, хмурые пятиэтажки и опять откуда-то издалека доносился собачий лай. Вилька укуталась в пальто и решила пойти поискать людей и телефон, чтобы позвонить Саше, сказать, чтобы забрал ее отсюда.

Здесь повсюду были эти странные пятиэтажки. В городе Вилька жила давно, а таких домов не встречала. «Где же я?» - впервые в голову пришел запоздалый вопрос. «Где же я? Мама, где я? Где я, я сплю или нет? Если сплю, Господи, дай мне сил проснуться».

Рядом притормозила старая машина, такие она видела в кино про немецкий патруль.

- Чего вы ходите здесь одна? - строго спросил мужчина, выглядывая из окошка машины.

- Мне домой позвонить надо, я потерялась.

- Садитесь, я вас отвезу.

Он привез ее в какое-то учреждение («наверное, милиция» - подумала Вилька), небольшое серое здание с зарешеченными окнами. Оставил в коридоре («Подождите тут»). Вилька устало опустилась на свободную скамейку. Рядом с ней сидела пожилая, аккуратно одетая женщина с сумочкой в руках. Напротив сидел бледный мальчик с родинкой на шее, он не по-детски серьезно на нее смотрел, не произнося ни слова. «Ненавижу эти государственные пыльные конторы» - подумала Вилька. «Еще и очередь вон какая». Однако очередь проходила довольно быстро.

- Вы не скажете, долго еще ждать? - спросила она у бабульки.

Та высокомерно посмотрела на нее из-под очков и промолчала.

«Странные все какие» - буркнула себе под нос Вилька.

Вскоре очередь перед ней закончилась, и Вилька прошла в кабинет. За столом сидел мужчина неопределенного возраста, в очках с толстыми линзами. Неприятно улыбаясь, указал ей на стул.

- Фамилия, Имя, Отчество, - скороговоркой проговорил он.

- Светлова Виолетта Романовна.

- Год рождения?

- Тысяча девятьсот семьдесят девятый.

- В браке состояли?

- Нет.

- Дети?

- Нет.

- В политических партиях?

- Нет.

Ей показалось, что мужчина осклабился. Немного нервно спросил:

- Какой религии придерживаетесь?

Вилька подумала.

- В Бога верите? - повышая голос, спросил мужчина.

- Ну да.

- Ну да, - язвительно протянул мужчина и протянул ей карточку. - Можете идти.

- Куда?

- Вам покажут.

Когда она вышла, услышала недовольное: «Для чего живут?».

Вилька посмотрела на карточку. На пожелтевшей грубой бумаге было написано «Светлова В.Р. 1979. Группа 6/4 В. Порядковый номер 3009».

«Надо же и порядковый номер дают».

- Куда мне идти? - спросила она проходившую мимо женщину в сером халате.

- Туда, - махнула она рукой в направлении коридора.

- А можно здесь откуда-нибудь позвонить?

- А оно вам надо?

- Конечно, надо, что же вы такое говорите?

Женщина лениво ухмыльнулась: «Звоните» и кивнула на телефон.

Тууууу. Тууууу. Тууууу. Сашенька, ну возьми трубку, Сашенька.

- Алло, - сонно ответили.

- Саша, это я, милый мой, Саша.

- Алло, говорите, вас не слышно.

- Это я, Саша, я потерялась, заблудилась, приезжай за мной.

- Вас не слышно, говорите.

- Саша.

- Перезвоните.

Ту-ту-ту-ту.

Женщина в сером халате довольно усмехнулась.

- А чему вы радуетесь? - вдруг зло сказала Вилька.

- А я и не радуюсь, - ответила женщина. - Пройдемте со мной, вам одежду выдадут.

В маленьком сыром помещении ей выдали серый халат и серую косынку. На халате было написано «Группа 6/4 В. Порядковый номер 3009».

- Я что в тюрьме? - визгливо прокричала Вилька женщине.

Та непроницаемо посмотрела и ответила: «Нет».

Вильке показали ее комнату. Небольшая, с четырьмя кроватями. На двух из них сидели женщины в серых халатах, о чем-то беседуя. С интересом посмотрели на Вильку.

- Новенькая? Привет.

- Здравствуйте.

Вскоре позвали на обед. Ели серую овсяную кашу, запивали темным чаем, женщины сидели отдельно, мужчины за своими столами. Изредка переговаривались.

- А мне завтра на переучет, - похвасталась толстая женщина справа.

- Ой, да ты что, ну наконец-то. Сколько ждала?

- Два месяца.

- Ну вот и здорово.

Женщины оживились, защебетали.

Мужчина в полосатых штанах и в серой вязаной шапочке вдруг громко сказал:

- Чему радуетесь, дуры? Что после переучета будет, знаете?

Женщины вдруг озябли, притихли. Тоскливо посмотрела толстая женщина, скривила рот в приближающемся рыдании. Соседка погладила ее по плечу.

Другая женщина с рыжими волосами вдруг зло крикнула в сторону мужчин: «А не хватит ли стращать, Митрофаныч? Ты что ли был там? Все одно не сереть тут в ожидании. Что будет, то будет».

Вильке стало страшно. Она схватила за рукав соседку: «А мне долго ждать?»

Та посмотрела немного удивленно.

- Дети есть?

- Нет.

- Замужем?

- Нет.

- Привлекалась к уголовной ответственности?

- Нет.

- Ну тогда скоро тебя позовут. Чего думать-то? Лет тебе сколько?

- Двадцать пять.

- Молодая... Позовут скоро.

Вечером женщины в комнате долго разговаривали о детях. Та, что постарше, все переживала, как там Коляка, гриппом не так давно переболел, смотрят ли за ним.

«Наверное, по лужам бегают, а поругать некому» - охала она.

- Да, - вторая поддакивала. - Мужикам не все ли равно.

Была в ее голосе стальная уверенность, что все мужчины-сволочи. Обычно Вилька начинала спорить, что не все одинаковые, что нельзя всех под одну гребенку, но вспомнила злого Митрофаныча из столовой и промолчала. Подумала почему-то, что Сашку она любила какой-то братской любовью, заботилась о нем, засыпала рядом с ним, а огня никогда не было. «Бывают

ли на свете такие мужчины? Сильные и смелые. Чтобы встретить и понять – это на всю жизнь. Навсегда. Мне не встречались». С этими мыслями Виолетта уснула.

Утром в комнату громко постучали. Вошла женщина, похожая на военную, с ней мужчина в какой-то незнакомой серой форме. В руках он держал длинный список.

- Светлова Виолетта Романовна.

- Это я.

- Соберите постель и выходите.

Вилька убрала постель и с холодком внутри вышла из комнаты.

- До свидания, - сказала она женщинам.

Те жалко улыбнулись: «Прощай».

Вильку вывели из учреждения, дали в руки знакомую карточку, открыли скрипящую железную дверь во дворе и сказали: «Иди в корпус двенадцать семь».

Дверь поспешно захлопнулась у Вильки за спиной. Теплый ветер дотронулся до щеки. В учреждении было черезчур сыро, а тут тепло. Вилька ступила босыми ногами на песок (в учреждении забрали туфли), вспомнилось забытое ощущение из детства, когда папа возил на море в Крым. Там был такой же теплый и приятный песок.

Недалеко друг от друга стояли маленькие домики, типа бунгало, с написанными на них номерами. Возле домика с номером двенадцать семь стояла маленькая зеленая скамеечка, как на бабушкиной даче, и Вилька не удержалась, села на нее. В воздухе пахло яблоками.

Она осторожно постучала в дверь, ей открыл презабавнейший старичок. «Старичок-Боровичок», - вдруг вслух сказала Вилька. Он рассмеялся, и Вилька вместе с ним.

«Проходи, милая», - сказал он. Усадил ее на диван. «Пойду я чайку приготовлю. А ты пока посмотри». Он включил телевизор.

На экране какая-то маленькая девочка с косами пела песню. Рядом хлопали, видимо, родители. Девочка наряжала новогоднюю елку. Вот другая девочка лет пяти купается в море. Звонко хохочет, высоко в небо летят брызги, папа носит ее на плечах. «Да это же мой папа», - подумала Вилька. - «И девочка это я. Кто же меня снимал?»

Вот Вилька идет в первый класс. Банты больше, чем ее голова. «И синий ранец мой, точно мой!»

Вот 13 лет, первое свидание с Вовчиком из девятого Б, первый поцелуй. Вилька еще раз подумала, кто мог это снимать, и вдруг стало очевидно, кто...

Потихоньку бежала по экрану короткая Вилькина жизнь. Ее увлечения, лектор из института, ссора с лучшей подругой. Розы на асфальте – Сашка придумал когда-то. Исписанные мелким почерком странички из тетрадки. Незаконченный да и не начатый роман.

Новый 2004 год. Дед Мороз под елкой. Подарки на Рождество. Шампанское из пластиковых стаканчиков на работе. Вилька загадывает желание – влюбиться в того, кто сделает жизнь осмысленной, и написать роман, который перевернет души читателей. «Как смешно и глупо. Как наивно».

Старичок-Боровичок подошел сзади. Положил на плечо мягкую ладошку.

- Не расстраивайся.

- Короткая и глупая у меня была жизнь. Не увидела чего-то главного, не успела разглядеть. Можно мне заглянуть туда опять? Попрощаться?

Старичок задумался.

- Вообще-то мы такого не делаем, но я дам тебе пять минут. Только пять минут.

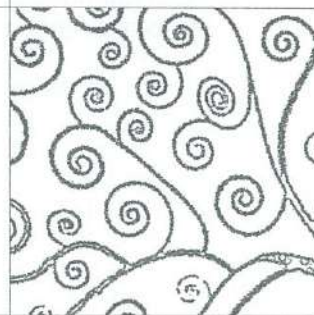
- Спасибо.

Сильный удар в грудь вдруг заставил открыть глаза. Болела правая рука и где-то внизу. Над головой стоял человек в белом халате. Молодой и очень встревоженный. Он что-то громко говорил, кого-то звал. «Поздно, поздно, успокойтесь», - сказал чужой голос. «Мы ее потеряли».

Вилька посмотрела на молодого врача и... бац! - кусочки пазла сложились в единое целое. Тот недостающий кусочек, который она искала много лет в чьих-то объятиях, рваных рисунках чужих дорог и жизней, вдруг упал ей в ладонь. Стало светло и тепло. Кусочек был оранжево-золотистым, как солнце.

Человек что-то говорил, а она смотрела на него, не разбирая слов и звуков, впитывала то непостижимое ощущение глупого неконтролируемого счастья просто оттого, что он смотрел на нее ставшими вдруг в минуту родными глазами.

Митя Мандренко

ДЕНЬ РАДОСТИ, ИЛИ ДНЕВНИК ГРУЗИНСКОГО ТИНЭЙДЖЕРА

31 июля

Я – Миша, мне 14 лет. Живу в Тбилиси. Хотя, по правде сказать, живу в городе, который мне не известен. Мне знакома только наша улица, на которой мы живем (она названа в честь американского президента) и школа – в районе, где находится резиденция нашего президента. У нас с ним одно имя. Это классно! И сильно. Вся остальная часть города для меня – мрак. Не говоря уже обо всей остальной Грузии. Иногда мы ездим в деревню, она находится в Кахетии, и летом мы ездим на море, в местечко Зеленый Мыс. Все! На этом моя страна для меня заканчивается. Прикольно, а?

1 августа

Вечерами я зависаю в компе на «Ферме» и на форумах на тему – «мир и свобода», «толерантность и секс». И что в этом больше мне по кайфу, это то, что остальные форумчане не представляют себе, что в прениях с ними по «очень важным» вопросам выступаю я, Миша,

14-летний подросток. Прикольно, а?

В тот же день, 1 августа, чуть позже

Еще я по ходу дела записываю свои мысли, веду дневник. Все записи в компе. Ведь я привык писать и читать в компе.

На мысль о том, чтобы начать вести дневник, меня подтолкнул наш школьный психолог. Он утверждает, что в моей жизни не происходит ничего существенного.

Мы с ним договорились, что я буду записывать только те события, происходящие со мной, которые будут вне компа, в реале.

То есть летом вести дневник, а в сентябре – перечитать его и осмыслить, признать, что он прав, что моя жизнь проходит без особых событий.

2 августа

Наша семья, и я, в том числе, собирается на отдых. Наша семья – это я, мой брат Гига, папа и мама.

Мы едем на море. Класс!

Обычно мы снимаем комнату у наших старых знакомых, армянских аджарцев, дяди Гарика и тети Карины. Дядя Гарик – сварщик, но я ни разу не видел его за работой, он обычно пьет пиво, играет в нарды и рассказывает анекдоты.

Зато тетя Карина, «миссис энерджи», все время трудится, ну, прямо электровеник какой-то! Летом их трехэтажный дом превращается в маленький отель. По вечерам они устраивают ужин во дворе дома. Бывает даже прикольно и весело.

Так вот, мы собираем вещи. Папа остается. Как начнется отпуск, он к нам приедет.

Мы с братом проводим прощальный ритуал с нашим компом. Целуем ему мышку. Смеемся. Задумываемся над тем, что пора копить на ноутбук, а то плохо летом на море без компа.

Начало седьмого утра

Нас никто не встречает.

Странно.

Дядя Гарик по телефону обещал встретить. Берем сумки, поднимаемся в поселок.

Тетя Карина виновато улыбается, объясняет, что вчера был день рождения дяди Гарика, и он еще не проснулся. Спит в гараже.

Понятно.

Мы поднимаемся в нашу комнату. Стены деревянные. В окно влезает своими ветками, как руками, дерево. Я спрашиваю маму, что это за дерево, она отвечает, что это орех.

Гига засыпает. Мы с мамой идем на пляж. Заказываем пиццу.

Начинается дождь.

Сидим у себя. Слушаем музыку. Звучит Брегович.

Зря думают многие взрослые, что мы, тинэйджеры, слушаем только попсу. Слушаем Бреговича. Немного грустно.

Август. Вечер

Мама в красивом сером платье. Мы внизу во дворе.

Народу немало. Гига ищет себе подобных малышей, карманы его шортиков набиты игрушками.

Я ищу глазами себе подобных. Двое сыновей дяди Гарика и тети Карины вечно чем-то заняты. То рыбалка, то водят туристов из Армении на экскурсии, то еще где-то пропадают. Я не знаю.

Из всех моих ровесников — сидят возле садика две девочки. Одна из них племянница тети Карины, Нелли, но мне не очень хочется общаться с ней, во-первых, прошлым летом мы с ней поссорились, а во-вторых, она зануда. Другую девочку со светлыми волосами я вижу впервые. Наверно, приезжая.

Все садятся за стол. Я исподтишка подглядываю за незнакомой девочкой. Иногда я ловлю на себе ее взгляд.

Много смеха. Дядя Гарик всех забавляет смешными историями.

Капает дождь.

Капли таинственные, они красиво образуют лужицы.

Гига снимает шлепанцы. Становится в лужу. Начинает прыгать и смеяться.

Мама уводит его домой.

Я, Нелли и эта девочка, ее, оказывается, зовут Вера, и мама Веры, тетя Ира играем в дурака, я проигрываю.

Что-то не везет.

Нелли пытается шутить, что дуракам, мол, в любви везет.

Я же говорю, зануда.

Утро. Числа не помню

Говорят, на отдыхе об этом забывается. Неохота идти в поселок за мацони. Но некуда деваться. Собираюсь. Со двора доносится голос тети Иры:

- Вера, возьми банку, сходи за мацони.

Теперь я тороплю маму. Сбегаю по ступенькам. Догоняю Веру. Идем вместе.

3 часа дня

Стою на балконе. С него видны Верины окна. Мы договорились пойти в ботанический сад. Боюсь, как бы Верина мама не запретила. Очень жарко. Жду. Слушаю музыку. Рок. И заодно «пишу» в голове дневник. Ведь компа нет под рукой.

Из открытого окна показывается светлая Верина головка, это знак, что разрешили.

Мы идем гулять. Смеемся, фоткаемся.

- Знаешь, где находится мой дом? - спрашивает Вера.

- Нет, не знаю, - отвечаю я.

- Он находится далеко-далеко!

- Очень далеко?

- Ну, не очень. Я живу в Пятигорске. Ты не слышал о таком городе?

- Да, из «Наша Раша», это новости Пятигорска.

- Глупый, - произносит она.

- Кто?

- Ты, глупый, глупый, — она снимает у меня с головы бейсболку.

- Отдай.

- Отдай! — передразнивает меня. Я стараюсь отнять бейсболку.

- Дай-ка фотоаппарат, я тебя сниму, - говорит она.

- Зачем?

- Чтоб ты со стороны увидел, какой ты глупый.

- Я... - я не нахожу слов и умолкаю.

Я раздражаюсь. А ее это еще больше смешит.

Потом мы ставим на таймер камеру и бежим, садимся на траву.

Ее волосы коснулись моего лица. Я оказался впервые на таком близком расстоянии от девочки. Я обнял Веру за плечи. Она не отстранилась.

Я не знаю, сколько прошло времени, но казалось, что время остановилось.

Потом мы взялись за руки и побежали по цветочной дорожке. У скалы остановились, заглядевшись на море.

Рядом лежала газета, наверно кем-то случайно оставленная. Я стал складывать самолетик. Когда он был готов к запуску, Вера остановила меня.

- Давай вложим в него вот эти листики. — Она сорвала с дерева два листочка. — Это ты и я. Как будто это мы. Куда-то решили улететь!

И вот «я и она» в виде листочков полетели!

В этот момент я ощутил невыразимую радость. Это в реале был день радости. Мы говорили обо всем. Нам не было скучно. Я говорил ей, что на следующее лето я приеду к ней, или пусть она приезжает в Тбилиси. Я покажу ей наших попугаев, собаку Симбу. Я делился с ней своими мечтами. Что я хочу стать летчиком, как мой дедушка, который живет в Сибири. Она тоже делилась со мной своими мечтами, но я не буду о них писать. Это ее мечты. И чтобы они сбылись, не надо никому о них узнавать.

Мы вошли во двор. Но там ужином и не пахло. Мы попрощались.

На ступеньках сидел дядя Гарик. Он был выпивший.

- А, Миша! — поздоровался он со мной за руку. — Тебя ждет мама. Постой! Слышал новость?

- Какую?

- Русские самолеты бомбили Гори.

- Как, бомбили?!

На это дядя Гарик развел руками.

Утро

Я проснулся. Но вставать неохота. Мама по телефону говорит с папой.

- Как ты сможешь доехать? Это нереально.

В ответ папа пытается убедить маму. Мама повторяет одну и ту же фразу:

- Это очень опасно.

Утро или день. Не знаю

В комнате тихо. Тишина вступила в контраст со словом «война».

Мама не может дозвониться до папы. «Абонент временно недоступен», — повторяет оператор на английском языке.

Утро

Мы с Верой глядим на море.

Мы ни о чем не говорим, но и без слов понятно, о чем думаем.

«Завтра за нами приедет папа».

Я в ответ говорю, что наш папа приехать не сможет, закрыты дороги.

- Я напишу тебе на почту.

- Я боюсь.

- Я тоже.

- Мне страшно, что ты уезжаешь.

- Мне страшно оттого, что ты остаешься.

Я закрываю глаза. Открыв их, я вижу, что я один на пляже. Палит солнце. Я поднимаюсь к нам.

Вечер

По телику объявляют, что ночью в Тбилиси бомбили 31-й завод, а он находится рядом с нашим домом. Я звоню папе.

Гудки.

Гудки.

Он не берет трубку.

Утро

Я звоню отцу.

Абонент временно недоступен.

Я спускаюсь во двор. Нелли моет посуду. Мне хочется спросить о Вере, но я прохожу мимо, так ничего и не спросив.

Иду в тир, пострелять по мишеням. Потихоньку какое-то беспокойное чувство внутри меня затихает.

Вечер

Смотрю фотки с Верой. Потом она уходит.

Засыпаю. Мне снится голубь. Я смотрю в его умные глазки.

Утро

Мама жалуется нам, мне и Гиге, что у нас заканчиваются деньги.

Ночь

Я не сплю. Представляю, точнее, хочу себе представить русского летчика, который сбрасывает бомбу. И не могу. Мой дедушка, мамин папа, я о нем уже писал, тоже летчик, живет в Сибири. Мы гостили у него два года назад, он добрый и веселый. И вот я представляю его в образе этого летчика, ничего не выходит, я засыпаю.

Утро

Беспокойство внутри нарастает. Что со мной?

Вечер

Приехал папа. Он похудел немного. Открыты дороги. Утром мы едем домой. У Кутаиси маме звонят. Она просит остановить машину. Слезы. В Сибири умер дедушка. Я удивленно, без страха смотрю на небо.

Я удивляюсь тому, что дедушка далеко от нас, в Сибири, умер, а мы могли бы погибнуть, но остались жить. Может, он вызвал смерть на себя, чтобы мы не погибли.

Я смотрю в землю...

Осень

Четыре часа. День

Я больше стал делать записей в дневнике, но все чаще внутри себя, не в компе, а про себя. Свой поток мыслей я решил оставлять при себе. Ведь я пишу не для других, для себя.

Вечер этого же дня

Я понял: в принципе, слова, точнее, много слов, ни к чему. Мне удобнее общаться в компе, чем в реале. В компе есть свобода не общаться.

Утро

Я решил, что...

.... день...

...что нарушу династию — не буду становиться летчиком.

Нет. Не хочу.

Суббота

Я перестал быть активным участником разнообразных форумов на тему свободы и тому подобной фигни...

Грустно.

Суббота. Вечер

Мы в гостях у школьного психолога. Ему дали почитать распечатку моего дневника. Но ему не понятны некоторые места. Его беспокоит, что я что-то от него утаиваю.

Он опасается, как бы я не замкнулся в себе.

Он видит опасность в компьютерных играх-стратегиях. Боится, что моя личность стирается.

Говорят, что я создаю свой мир в играх. Опять говорят про замыкание.

Я молчу.

Пусть предоставят мне внешний мир таким, чтоб я не имел другого мира.

Я перестал вести дневник.

- Начни с кем-нибудь переписываться! — советует школьный психолог.

Я два вечера решался.

Ночью отправил фотки на Верину почту. До утра ждал, как говорится, ответной реакции.

День

Просматриваю почту. Мэйл поздравляет с каким-то праздником.

Вечер следующего дня

Проверяю почту. Ничего.

Решил не подходить к компу вообще.

Утро

Я стою в антивоенной живой цепи, которая у нас по всей стране.

Гига, младший брат, остался дома. Говорит, что он толерантен. Я не спорю с ним. Ведь он не знает значения этого слова, и ему всего 11 лет.

13:15

Вибрация телефона.

От Гиги эс-эм-эс.

«К тебе на почту пришло письмо».

Гига в курсе, что я жду ответа.

13:17

«От кого?» - шлю ему эс-эм-эску.

13:18

«От В», - присылает он со смайликом :-)) в ответ.

13:19

Я ощущаю невыразимую радость. Я не знаю, что будет в письме.

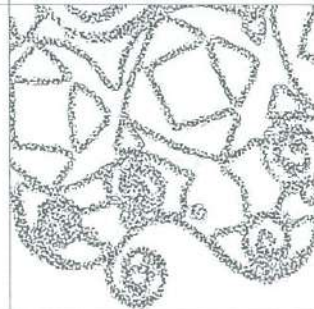
Я не знаю, что будет вообще!

Но мне радостно.

Сегодня день радости.

Сегодня нет войны.

Олег Мгедмишвили

АЛЕНИН СОН

Жизнь бьет ключом – какая фраза!

Жизнь бьет ключом – мы все из джаза...

Так начинала свои первые стихи маленькая девочка Алена из поселка Нижние Ключи третьего января сего года, сидя на шерстяной подстилке, возле печки «буржуйки».

Хорошо, что щели между досками в полу...хорошо, что летом приезжал этот завитой племянник Андрюша. Река жизни, начиная с нынешней зимы, казалось, проходила мимо этого маленького затерянного на Алтае поселка. Расселась на заснеженном просторе тишина, и только гул предмета для фантазий – грузовика где-то возле Игнатьевского участка, бередил душу. На подоконнике сидел, сморщившись в гармошку, кот Васька ... думал. Скоро должен был прийти от соседки Светланы Анатольевны отец. Всю ночь его искали, боясь, что он, приехав из города пьяным, где-нибудь упал и замерз или утонул, если решил идти через пруд. Потом выяснилось, что отец здоров, и погода утихла. Тревога сменилась хрустом и вереницей от следов. Сосед

Демьян вел Аленку с бабушкой домой, по-соседски приговаривая матерными словами то пьяниц, то паникеров.

Ночь была длинной и тяжелой. Пощипывая, к ногам начала подбираться простуда. Железная кровать стояла у самой теплой внутренней стены, стреляли дрова и, казалось, что этой чередой не будет конца. Вся комната стала вытягиваться, вынося все ненужные предметы вперед, пока не достигла ширины Алениной кровати. И самые дальние вещи, в том числе и окно, превратились в черный коридор. Бабушка оказалась рядом... Так захотелось прижаться к ней и не отпускать, хотелось войти в ее тело и никогда оттуда не выходить, вместе с ней умереть и лежать в одном гробу, пока заново не родиться уже где-то около мамы, рядом с ней, чтоб начать с ней новую жизнь... что ли...

В поселок перестали завозить хлеб, и отец ездил за ним в Прокопьевск, привозя хлеб, лекарства, масло, муку и спички... и сахар... Кое-что заносил бабушке, Демьяну привозил, помнится, батарейки, а в основном, Светлане Анатольевне, учительнице, у нее трое ребятишек и собака кокер-спаниель. Бабушка тихо храпит, вот тут рядом... Как хорошо было летом с Андрюшей, он совсем другой, обтянутый... кажется, панк, то ли еще из какой группировки, приезжал на месяц, прятался от армии. Алена слышала, как он приговаривал; «а... вы из джаза – от вас фраза». Хорошо хоть заделал пол. Так ни с кем и не сошелся, слушал музыку, курил, к бабушке относился очень уважительно. Как-то вышел на улицу, возвратился домой побитый, да и не выходил уже. Парни в поселке злые, чужих не любят. Но все равно, как-то весело было... он телевизор любил смотреть... комментировать. Столичный был человек, умный. Все знал: что, откуда. Это бабушкиной дочки Евдокии сын, стало быть, для отца племянник. Высокий блондин, таких по телевизору показывают в фильмах разных, а, бывает, и в сериалах. Нравился он Алене, но спустя месяц уехал, как видно, навсегда.

Отворилась дверь, и вошел отец, видимо, не желая смотреть на дочь, понуро положил авоськи на стул и начал перешептываться с бабушкой. Было утро после длинной, длинной ночи, и Алена, положив голову на руки, пыталась увидеть микробов на клеенке. Но глаз не позволял, размывая и дорисовывая границу между живым столом и мертвым воздухом. По всей видимости, трещали дрова в печке «буржуйке», слышать она этого не могла. От собственной надоедливости все вокруг стало исчезать, глаза и не заметили, как закрылись. Новая страна, со своими замками и градами, ждала ее впереди.

Сначала что-то плотное и прозрачное мешало ей дышать, все уменьшаясь над ее головой, пока воздух и свет не ударили одновременно ей в лицо, окрасив мир для начала желто-голубыми бликами. Казалось, что летнее солнце пробивается через полупрозрачную дымку, пока облако не исчезло, и не появился темно-синего цвета океан, спокойный и умиротворенный, лишь изредка позволяющий игривой седой пене завершать естественные неровности на его поверхности. Желтый, сухой и рассыпчатый берег, заканчивающий песчаную лагуну сыпучими скальными породами, – стоило дотронуться до них руками; и они превращались в коричневую пыль, жертву утреннего ветра и часто опускающихся на скалы чаек, перерабатывающих своими клювами в песок всю окрестность. Хотелось растянуться и похоронить здесь остаток своих дней.

Девочка в белом платье зарылась ногами в песок, что-то высматривая вдаль – то ли пароход, то ли лодку... чего-то ждала. Когда она уставала, то опускала на песок и плечи, закрыв глаза и, видимо, не боясь сгореть на солнце.

Именно в то самое время, когда солнце уже было в самом зените и жара превращала воздух в кисель, на самой границе появилась белая точка, все ближе и ближе, и вот она уже посередине, держит курс на наш берег. Девочка все лежит с закрытыми глазами и застывшей улыбкой на загорелом лице, и снится ей, наверно, что-то очень приятное. А пароход подплывает к берегу, уже не остается сомнений, что это именно он — дымок из пароходных труб кажется таким маленьким по сравнению с той красотой, что царит вокруг.

Девочка у берега. Белое платье развевается, обнажая мускулистые бедра. Он в лодке, приближается. Еле движно плещется вода под веслами. Волосы совсем выгорели на солнце. Теперь все впереди — еще немного осталось, чтобы нос лодки врезался в песок. Он чем-то похож на Андриюшу, но годами десятью старше.

Они в лодке. Оглядываясь назад, она спрашивает его: «когда ты привезешь меня снова *обратно?*» Он ничего не говорит, солнце слепит ему глаза, но, несмотря на это, улыбка появляется на его лице. «Значит, никогда не привезешь», — как бы подтверждая слова, она вытянула руки к солнцу, подняв голову и сильно зажмурившись. Пытаясь оставить в памяти последний день на этой земле, она ощутила непреодолимую тягу ко сну и, вместе с тем, нехватку чего-то главного. А белый пароход казался все дальше и дальше, казалось, они никогда к нему не приблизятся, пока солнце не растворит их в голубой пучине спокойного, бесконечного океана.

Со сна Алену потянуло выйти во двор. Дальше забора ничего не видно. Приходилось находиться в ровном кругу электричества. Все, что попадало в свет, наводило тоску. Луна, как обрезанный ноготь, тускло напоминала, что есть еще что-то в этой темноте.

На крыльце, почувствовав все это, бабушка пожаловалась на кота и стала рядом. В этом, изначально глупом, пейзаже появилась такая измученная одиночеством нота, что в ухе у девочки стрельнуло. И вечер как бы сам собой закончился...

Спустя несколько дней ей на глаза попался тот лист бумаги, где она написала свои первые строчки... Она решила больше не писать и становится взрослой... постепенно.

Нино Траншивили

*Посвящается
моей маме,
которая помогла мне поверить в себя
и следовать своей мечте.*

В ОТБЛЕСКЕ ЧУЖИХ ФАНТАЗИЙ
(Фрагменты)

Вы когда-нибудь задумывались о будущем?! Не о том, увидите ли вы себя в профессорском кресле через пять лет или будете работать в захудалом магазинчике, и еле-еле сводить концы с концами.

Я говорю вам о том будущем, когда технологии сменят людей, и мы сможем спокойно попивать чашку чая, приготовленную железной рукой нашего домашнего робота. Когда в один день,

раскрыв широко глаза, вы почувствуете себя одиноким в окружении людей, и шумного города. В этот день, вы отречетесь от всех и попытаетесь скрыться от людей, чьи лица больше не говорят вам ни о чем. Каждый из них будет поглощен своими собственными фантазиями, и созданием своего виртуального мира, в котором они будут чувствовать себя значимыми и особыми.

Не верится, что несколько лет назад я гулял по парку и наслаждался запахом берез. Любил смотреть, как маленькое поколение кувьркается в песке и строит замки чудесных высот. Мою душу радовала, то, что родители этих детишек уделяли огромное количество времени своим чадам, подбрасывали их в воздух, просто играли и воспитывали в них те ценности, которыми сами обладали. Это была настоящая жизнь, полная красок и смысла!

Сегодня я считаю себя отшельником. В городе, где глаза людей повязаны черной лентой, не осталось ни одного, кто бы мог поговорить со мной. Кто бы встречал меня по утрам с веселым возгласом: «Эй, привет! Опять спешишь на работу?!»

Они все похожи на слепых. Я не знаю, почему развитие технологии превратило их в своих рабов. Все это похоже на наркотики, стоит принять его один раз, как ты на всю жизнь становишься зависимым.

Жители этого города живут в своем мире, там, где посторонним нет места. Это мир фантазий и несбывшихся надежд. Кто-то в нем ощущает себя счастливее, кто-то управляет всей вселенной, а кто-то успешный бизнесмен, который сорит деньгами.

Всех людей на земле, повязавших черные ленты на глаза, объединяет лишь одно – не способность взглянуть реальности в лицо. Боязнь неизведанного, боязнь туманного будущего. Намного легче жить в мечтах, чем попытаться превратить свою мечту в реальность. На это нужна выдержка и сила воли, но зачем прилагать усилия, когда кто-то предлагает нам легкий путь?!

Я человек, который живет в отблеске чужих фантазий. Ведь если оставить глаза открытыми, можно увидеть все тайные и безумные мечты горожан этого мертвого города.

Но на самом деле, создатели мира иллюзий не учли одной вещи, если не повязывать ленту на глаза, то человек, смотрящий на других, видит мир созданный его друзьями, или же просто незнакомцами, проходящими мимо вас. По воле судьбы или по чьей-то глупости я тоже становлюсь участником безумных сновидений.

Признаться честно, я устал. Устал находиться в отблеске чужих фантазий. За все эти годы я повидал в глазах людей все, я наблюдал, как кто-то, сидя в автобусе, придавался своим порокам и грязным мечтам, как кто-то играл в Джека-Потрошителя и скрывался от властей, как кто-то покупал Елисейский замок и устраивал пышные приемы в свою честь, ну, а кто-то играл роль похотливой принцессы, менявшей своих любовников, как перчатки.

Быть частью этого противно и неприятно. Окунаясь в миры людей, я ощущал себя грязным. Каждый вечер, возвращаясь с работы, я принимал душ, как будто хотел смыть с себя ту грязь, на которую смотрел практически целый день. Все это было невыносимо!

Однажды гуляя по узким улицам и замкнувшись в себе, я нечаянно набрел на один старенький и обветшалый магазинчик. Мне хотелось повернуть назад, но что-то тянуло меня внутрь. В один миг мне даже показалось, что, переступив порог магазина, я обрету спокойствие.

Вздыхнув поглубже, я все таки решил заглянуть туда. Приоткрыв дверь, колокольный звон пронесся по нему. Собираясь уходить, я услышал голос:

«Что привело тебя сюда?!»

Я резко обернулся, и увидел старика, сидевшего на маленьком и низком стуле рядом с горящим камином. Отблеск огня отражался на его лице, мне почему-то показалось, что он смотрит в пустоту.

Не поворачиваясь, он снова произнес:

«Входи же! Здесь намного лучше, чем там, откуда ты».

Я вошел и закрыл дверь, не хотелось остужать маленькую, но теплую комнатку незнакомца. Старик подвинул второй стул поближе к камину и указал мне на него. Я присел, но странное чувство спокойствия овладело мной. Спокойствие, которого я не испытывал уже давно. Мне хотелось остаться в этом магазинчике настолько долго, насколько его хозяин мне позволит.

Мы сидели молча. Смотрели на искры пламени, освещавшие комнату, и думали о своем. Я не смел первым заговорить, я отвык вообще говорить с кем-либо, ведь я постоянно находился в отблеске чужих фантазий.

Наконец-то, я набрался смелости и спросил:

«Почему здесь так темно?»

Старик глубоко вздохнул и сказал:

«Сюда больше никто не заходит. Поэтому нет надобности включать свет».

Я на минуту задумался, а потом снова спросил: *«Разве вам свет не нужен?»*

Старик, не отрывая взгляда от огня, грустным голосом ответил:

«Я уже восемьдесят лет живу в темноте, но моя душа принадлежит свету».

Я не сразу понял, что именно хотел сказать старик. Но, потом, наклонившись и взглянув ему в глаза, мне стало ясно. Старик был слепым, он с самого рождения не мог видеть. Я хотел подбодрить его, сказать, что мне очень жаль из-за того, как с ним обошлась судьба, но я не произнес и слова.

Как будто прочитав мои мысли, старик сказал:

«Жалость нужна тем, кто находится снаружи, они слепы. А я вижу только то, что должен. Я знал, что ты придешь. Ты затерявшийся странник, который, несмотря на отсутствие надежды, продолжает бороться, хотя и знает, что в этой битве ему не победить».

Я: Нет, я проиграл не только битву, но и войну!

Старик: Нет. Чтобы выиграть войну, ты должен проиграть одну битву. Все что осталось за пределами этого магазинчика, скоро закончиться. Как Бог дал, так Бог может и забрать.

Я удивился. Откуда старик знает все это? Почему у меня такое чувство, как будто его устами со мной говорит Бог? Кто он? Почему именно сегодня, я оказался у этого магазинчика? И о каком конце говорил старик?

Было довольно поздно, когда я покинул его. Удаляясь от старого магазина, я еще один раз обернулся, будто хотел запомнить дорогу к нему. Но увиденное поразило меня больше, чем все, что произошло со мной сегодня. На вывеске магазина, я прочел надпись: *«Уходя отсюда, вы обретете покой, ибо вас коснулось Божье благословение».*

Вернувшись домой, я не знал было это все на самом деле, или мне, человеку, который устал от одиночества и отблеска чужих фантазий, просто померещилось. Может быть, мое сознание сыграло со мной злую шутку, и завтра придя на то же место я увижу большую стену с названием «тупик».

Ася Умарова

ПОЛЕТ ПОТЕРЯННОГО ГОЛУБЯ
(Фрагменты)

Со второго этажа, словно маяк, ярко светится блик от зеркала. В отражении виднеется силуэт смуглой девочки. Это и есть Карина. Пожилая женщина расчесывает ее длинные черные волосы. У Карины небольшой нос с горбинкой и зеленые маленькие глаза с густыми ресницами. Она очень худая.

- Тетя Соня, ты помнишь свою маму? - вдруг спрашивает Карина у женщины, которая расчесывает ей волосы.

- Мне безразлично, как она выглядела, - сухо последовал ответ. От недавней улыбки Сони ничего не остается. Улыбка исчезает куда-то, посеяв тревогу на лице. - Все. Думаю, твои волосы выглядят ухоженно. Я спущусь вниз, может быть, эта женщина пришла.

- А вдруг твоя мама выглядела точно также, как и ты, представь как интересно, - не унимается

Карина.

- Она меня бросила.... И если столько лет ей не было интересно, как я выгляжу, то мне тем более. Все, я пошла.

- Тетя Соня, а я ей точно понравлюсь? — как обычно, теребя браслет с маленькими жемчужинами, спросила Карина.

- Ты же не сирота в приюте каком-нибудь. Перестань, девочка. Это твоя родная мама, как никак. Все мамы любят своих детей.

Она положила расческу около поломанного куска зеркала, который стоял возле облезлого лакированного трельяжа, простреленного пулями. Потом смотрит внимательно на девочку и добавляет:

- Все будет хорошо. Не переживай. Мамы бывают разные. У тебя все будет по-другому.

Карина передвигает стул подальше и смотрит на свое отражение в зеркале. Она одета сегодня в белое платье, которое нашла в шкафу у тети Сони. Долгое время Соня отказывалась говорить, откуда у нее оно. Но потом ей все-таки пришлось рассказать всю историю. Оказывается, в этом платье она когда-то собиралась выйти замуж, но перед самой свадьбой КАКАЯ-ТО подруга сообщила, что парень, за которого она выходит замуж, женится на ней для того, чтоб было кому ухаживать за его больной матерью. Тетя Соня охотно поверила КАКОЙ-ТО подруге, чем парню. Свадьба не состоялась. Соня выкроила платье в уменьшенных размерах и подарила сегодня на день рождения Карине. Платье воздушное и когда девочка перемещается по комнате, то оно поднимается при каждом шаге вверх. Ткань начинается приятно шуршать, и этот звук Карине чем-то напоминает порхание голубя. Карина кружится перед зеркалом. Поднимает плавно руки, чтобы увидеть длинные рукава, похожие на крылья голубя.

- Я голубь, я голубь, - не устает повторять девочка и, быть может, продолжала бы кружиться бесконечно. Пока не...

- Карина, спускайся! - донесся крик с первого этажа.

Карина бежит с лестницы. Оборки на белом платье, которые пришила Соня со старых занавес, шелестят словно крылья ангела. И весь образ Карины напоминает одного из тех голубей, которые живут под крышей.

- Пойдем, я провожу тебя до скамейки, где сидит твоя мама, - ласково произносит тетя Соня. Морщинистые руки крепко ухватываются за детские ладошки.

Они направляются к беседке, где цветут розы. Когда остаются несколько шагов до скамейки, где сидит незнакомая крашеная блондинка, Соня отпускает руку Карины, а сама направляется к пожилому человеку, стоящему возле решетки.

Незнакомая женщина сидит спиной. Услышав последние слова Сони, она, наконец, поворачивается. На ней солнечные очки, которые совсем не располагают к душевной беседе. Маленький нос, большие губы и овальное лицо. Она одета в красный пиджак, брюки и белую блузку, черные лаковые туфли на высоком каблуке подчеркивают ее элегантность. Она нервно сжимает черную сумочку из крокодиловой кожи.

- Ну, вот и встретились, - нервно смеется женщина, неохотно снимая очки. Немного потупив взгляд, продолжает. — Ты... это... и как тебе здесь живется? Тебя не обижают?

Карина молчит и ничего не может сказать. Ее радость от встречи с близким человеком, встречи, о которой она мечтала всю жизнь, в одну минуту разбилась на мелкие кусочки. Их

теперь невозможно было склеить, потому что каждый из осколков вонзился в тело хрупкой девочки. А потом они куда-то исчезли.

Детское сердце учащенно забилося. У нее перехватило дыхание, ей не хватает воздуха. Она почему-то вдруг вспоминает, что стоит на том месте, где были похоронены три старушки из дома престарелых, убитые под обстрелом. Ей рассказывала об этом тетя Соня, которая сама рыла могилу и попросила Карину никому об этом не говорить. Она не понимала, почему она вспомнила именно это. Стало так страшно, что она отходит немного в сторону.

- Не хочешь говорить не надо, - слышит она голос этой чужой для нее женщины, которая достает сигарету из сумки, и затягивается дымом. - Ты себе спокойно живешь, а мне, думаешь, легко? Я не виновата перед тобой, и извиняться не собираюсь. Станешь большой, поймешь. Когда началась война, твой отец сбежал от нас. Я две недели находилась под бомбежками в этом городе. Ты не можешь себе представить, что здесь творилось. Повсюду черные облака. Каждый день самолеты бомбили. Я одна была. Когда я вышла из подвала с тобой, тебе тогда было пять месяцев, то была в ужасе. Я не знала, что мне делать. На что нам жить, питаться и где ночевать? Тогда я пришла к тете Соне и передала тебя ей. А меня нашли на улице люди из гуманитарной организации. Я тогда свалилась посреди улицы из-за голодного обморока. Они взяли меня на работу переводчиком. С недавних пор я работаю в Африке и помогаю бездомным детям. Когда мое положение финансовое немного улучшится, я приеду и заберу тебя...

Едкий дым сигареты, который она выдыхала, пропитывал все вокруг. Прелестные бутоны роз, скамейка, платье Карины и вымытые вчера шампунем тети Сони волосы - все проелось едким дымом.

- Тетя, зачем вы пришли? - обрывает на полуслове Карина.

- Что?

- Уходите, - Карина медленными шагами отдаляется от незнакомой женщины. Она останавливается и тихо шепчет. - Не приходите больше... отпустите меня.

Окружающие престарелые люди одновременно взглянули на них. Возникла длинная пауза, от которой хотелось только бежать. Женщина вдруг встает и направляется к выходу. Громко хлопнув калиткой, подходит к черному джипу и садится. Машина исчезает, оставляя за собой огромное облако пыли.

Карина в этот момент не понимает, что происходит в ее душе. Будто бы туман смешался с грязным смогом. Да в это невозможно верить или даже вообразить, но соскабливать черный, въевшийся налет со стекла становится все труднее. Через призму отодранной смолы и поцарапанного стекла блекнет даже серое небо. Карина вся изнутри пропахла сыростью, которая въедается во все. Сырость, проникнув в частицу или предмет, начинает разлагать материю. Безусловно осень наступит скоро. Но это не лето, а преддверие осени... все показалось.

Карина добегают до родного Дома престарелых. Лихо оставляя за собой второй, а потом и третий этаж.

- Тетя Соня, где лестница?! Пожалуйста, ну где ты, дай мне лестницу, я хочу подняться на чердак к мои птицам!? - кричит Карина, оглушая давно отвыкшую от звуков человеческих тишину.

Дядя Гриша удивленно смотрит на девочку, не отпуская из рук горшок с домашним фикусом. Все немного застывают. Кажется, что даже тетя Клава больше не хнычет.

- Дочка, почему ты прибежала обратно? Что происходит? – поспешно подбегает тетя Соня, придерживая алюминиевую кастрюлю.

- Дай мне лестницу, ничего не спрашивай! – кричит и плачет навзрыд Карина.

Соня подносит лестницу к чердаку и открывает крышку. Девочка быстро хочет подняться по лестнице, но вдруг подскользывается и обрывает низ платья. Но это ее нисколько не останавливает. Карина нервно отрывает кусок материи и поднимается вверх. Затем плотно закрывает крышку на крючок. Тетя Соня начала колотить крышку.

- Карина, открой! Что ты делаешь там? Мы тебя любим и не бросим никогда, слышишь? Карина...

А девочку сейчас наверху окружили голуби. Они как будто хотят успокоить ее и поэтому кружатся около нее и размахивают крыльями. Но Карина не видит всего этого, так как она ослеплена ненавистью. Она силой открывает настежь запертое окно. Берет метлу и начинает гонять голубей по всей крыше. Птицы очень быстро вылетают через окно.

- Улетайте все отсюда! Мне никто не нужен, и не надо меня жалеть! Слышите все, не надо меня жалеть! Прочь все! – не перестает кричать она.

Наконец на чердаке не остается ни одного голубя. Только перья кружатся вокруг девочки, словно снег. Время как будто бы останавливается. Она почувствовала свою беспомощность и одиночество на этой земле. Каждой клеточкой кожи, каждой частичкой существования. Отдаляющая стая голубей уносили ее слова.

- Прочь все, - отдается эхом несколько раз на небе.

Карина осторожно вскарабкивается на окно чердака, но не может удержать равновесия. Девочка успевает протянуть детскую ладошку в никуда. Она уменьшается в размерах, потом зарастает перьями и вся ее сущность превращается в голубка и она вылетает вслед за стаей. А внизу едет черный джип, в котором сидит рыдающая женщина. Из-под ее солнечных очков по лицу стекают черные слезы от туши. Окно машины открыто и поэтому перья от голубей попадают в салон автомобиля. Потом она нервно закрывает черное тонированное стекло автомобиля. А голуби исчезают в бездонной глубине неба...

Марина Ладур

ИСПОВЕДЬ

Одноактная пьеса для одного актера

Сцена 1

Повсюду ящики, грязные и рваные целлофаны, бутылки и картонные коробки – пустые или набитые мусором. Появляется мужчина лет сорока пяти – пятидесяти в старом, помятом плаще, потрепанном сером шарфе, обмотанном вокруг шеи, и сильно поношенных туфлях. Подходит к разбросанным в разных местах бутылкам и собирает их в старую, залатанную сумку. Оттолкнув один из ящиков, мужчина обнаруживает неподвижно лежащую собаку с плохо перебинтованной шеей. Бомж достает из кармана бумажный сверток, разворачивает и протягивает собаке пирожок.

БОМЖ. На, дружище, ешь. Съедобно. Один мужик не доел. А я взял. Не пропадать же добру.

(Садится на ящик, поближе к собаке. Она не ест. Бомж сует угощение обратно в карман, наклоняется к животному и берет его на руки.) Наверно, тебя рана беспокоит. Кто ж так бестолково перевязал? Лучше я возьму тебя к себе. У меня когда-то был пес, породистый и ужасно капризный. Он только меня любил, потому что я его понимал. Подожди-ка. Погляжу, какой сегодня урожай. *(Бомж кладет собаку на ящик, закуривает сигарету и после первой затяжки принимается рассматривать содержимое сумки.)* Не густо. Но ничего, на ужин хватит. Представляешь, как-то раз я за пустой пивной бутылкой нагнулся, а под ней кольцо драгоценное оказалось. Я за него тогда хорошую денежку получил. Две недели жил как барин. *(Снова берет собаку на руки... Встает, подходит к краю сцены и смотрит вверх.)* Посмотри, какая луна сегодня красивая. Со звездами перемигивается. Люблю, когда небо чистое! Ты не переживай. Вот оклемаешься, помогать мне будешь. Мы еще кучу колец с тобой найдем и обязательно выпьем за жизнь.

Сцена 2

Квартира. Тесная и захламленная. Бросается в глаза большое количество книг. Входит бомж с собакой. Свет не включает. Снимает с гвоздя старое патьто, бросает на пол, кладет собаку на патьто и осматривается по сторонам.

БОМЖ. Вот моя каморка, вот мой дом родной. Удивлен? Как видишь, не совсем я бомж. Скорее, кошу под него. Прописка имеется, но я не живу здесь. Из-за тебя пришел. Бывать в этом месте не люблю. Оно – архив моей жизни, хранилище памяти. А я слишком многое хотел бы забыть.

Моя дочь напротив живет. Как увидит свет в моем окне, сразу же прибегает и начинает стыдить-поучать. Устал я от всего. Без света посидим. Постой, я сейчас. *(Удаляется, приносит бинт и начинает перевязывать собаке шею.)* Ты поправишься. А я уже никогда не вернусь к прежней жизни. Я ж не всегда таким был. *(Достает с настенной полки старый, пыльный фотоальбом, кладет на стол, открывает первую страницу, и на его лице проступает теплая улыбка.)* Это я. В пеленках. Мама девочку хотела. Я до двух лет с длинными локонами ходил. Это я в детском саду. Ну и пузище! Бабуля как на убой откармливала. Меня обзывали жиртрестом. Я дулся и становился еще смешнее. Детвора хохотала до упаду, а я в те минуты ненавидел бабушку. Уже тогда я понял, что любовь и ненависть способны жить в сердце одновременно.

Тут я в школе. Крупнее всех. Да еще в очках. Представь, какой коктейль из внешних данных. Читать любил, глаза портил и ел, как свин. *(Проводит рукой по впалому животу и продолжает, подойдя поближе к окну, листать альбом.)* Сейчас я без очков. После школы операцию сделали. Но уже опять близоруким становлюсь. В школе у меня было с десятков оскорбительных кличек. Я думал, что научился не реагировать. Но потом оказалось, что все копилось. Позже стало ясно – мои обиды отразились на здоровье. Но я и вправду был похож на поросенка-копилку. Оставалось только молоточком по башке...

Тут я в старших классах. Рожа, как у Пьера Безухова. Или, как у Депардье! Говорят, он считается секс-символом. А мне девчонки в любви не признавались. Я сох. Ох, как со-ох! Да, звалась она Татьяной. А я не Онегин. Вот и вся песня. Можно сказать, я занимался платонизмом. И всем,

так сказать, остальным... Но я честно пытался ухаживать. А ее, оказывается, раздражали мои частые цитирования классиков. Я просто думал, что, раз уж лицом не вышел, так хоть умом возьму. Только потом до меня дошло, что не нужен был ей поросенок-копилка с мозгами. Главное, был бы с деньгами. Это открытие кольнуло меня сильнее, чем любая из кличек. И именно тогда я почувствовал, что у меня есть гордость.

Смотри! Здесь я на дядиной даче. Он у меня «шишкой» был. И вообще жили мы, как у Христа за пазухой. Не жаловался. Я же потому холостым не остался. Деньги — штука для баб очень притягательная. Но не Таньку в жены привел. Ее я любил и взаимности хотел. А Ингу мне папа нашел. Две денежные семьи решили породниться. Я не протестовал.

Вон и свадьба моя. Инга даже в свадебном платье на моем фоне почти дистрофик. Кукла Барби. Но я, увы, не Кен.

(Захлопывает альбом, кладет его на подоконник, подходит к другой полке. Замирает. Медленно достает тонкую папку, из которой выпадает сложенная вдвое бумага.)

Посмотри в мой аттестат. Видишь, почти золотая медаль! Немка не захотела пятерку поставить. Ни за какие коврижки. И ты знаешь, я с тех пор стал чувствовать, как жизнь моя недоскладывается ровно на чуть-чуть. Что бы я ни сделал, все не на красный диплом.

Вот и брак у меня бракованный вышел. Десять лет все шло, как по маслу, но стоило мне прогореть в начатом деле, жена бросила и дочь нашу увезла. И еще отсудила все, что могла, оставив меня, практически, ни с чем.

(Он снова подходит к фотоальбому. Хочет открыть, но вдруг резко бросает его на пыльный стол и в одно мгновение оказывается в дальнем углу комнаты, рядом с картонным ящиком обьемистого размера.)

Знаешь, что здесь?! *(Открывает ящик и начинает выбрасывать из него исписанные листы бумаги. Оставшуюся половину он высыпал прямо себе на голову, предварительно подняв ящик над собой.)* Я — бездарное существо, когда-то решившее, что может писать пьесы. Я болел театром, но я не нужен был театру. И стихи писал. Но их я сжег. Слишком банальные, чтобы жить, даже среди этого драматургического хлама.

Смотри! Смотри! Смотри! Это мой пустой труд! *(Пожелтевшие листы бумаги оседают у его ног. Он медленно опускается на колени и замирает. Секунд через десять пошевеливается. Проводит ладонями по лицу и громко выдыхает. Встает, приближается к собаке и гладит ее. Поднимается, оборачивается на бумажный беспорядок, а затем садится на край сцены.)*

Недавно подошел ко мне на улице мужичок один. Знаю, что он верующий до фанатизма. Из церкви часами не выходит. Так вот он меня спросил, достаточно ли сильно я верю в Бога. А я ему встречный вопрос задаю: почему, мол, Бог Моисея не показал фараону свою власть какой-нибудь великой добродетелью? Ведь если бы за одну ночь пустыня покрылась зелеными лесами и полями, и перед взором грозного владыки возникли зеркальные озера, весь народ Египта предпочел бы иудаизм. Почему надо было бить злом?

Он не растерялся. Разложил передо мной ступени развития религиозного мышления. Сказал, что тогда, в те далекие времена иначе нельзя было. Мне показалось, что он пытался оправдать в моих глазах Бога. Сказал, что мы слишком мало знаем о канонах Высшей Справедливости, что зло в нашем понимании не есть зло в понимании Всевышнего.

А я понял, что то же самое относится и к добру. А мы обижаемся, когда нас не ценят за нашу

хорошесть, когда на добро отвечают злом...

По всей видимости, я заслужил то, что имею. И причина даже не в моей вине перед кем-то за что-то. Просто это — моя чаша.

(Он снова берет альбом и опять приближается к окну.)

Вот я на рыбалке. Друзья! Алик, Мишка, Сергей. Дружили же! Я думал, что это дружба. А Мишка взял и увел у меня жену. Я погряз в проблемах из-за неудачной сделки, а он, наоборот, в тот год свой ветер поймал, свою волну...

Инга ушла, обозвав меня пьяницей. Так я же не от радости запил, - от безысходности. *(Снова откладывает альбом. Удаляется. Приносит что-то съестное. Ставит блюдце перед собакой. Подходит к стене, на которой висит большая семейная фотография.)* Как мне хотелось отомстить! Я представлял себя в роли Отелло или оскорбленного ковбоя с кольцом 45-го калибра *(Закуривает.)* Дочь пожалел. Она маму обожала. Да и не смог бы я убить. Одно сделал — морду Мишке набил. А потом еще сильнее пить начал. И ведь самое-то гадкое в том, что за десять лет совместной и довольно обеспеченной жизни я Ингу так и не полюбил. Родители ее для меня выбрали, а я не мог против них пойти. Привык не перечить. Это ж так здорово — быть хорошим сыном!

И что теперь? Я свободен. Нет родителей, нет жены. Работы и денег тоже нет. Но разве я свободен до конца, дружище? Мы с тобой похожи. И мы оба в плену у наших инстинктов. А моя башка еще и воспоминаниями забита.

И хотелось бы остановиться. Начать новую жизнь. Но мне нравится. Нравится жить на улице, жить на гроши. Иногда я голодаю, но зато теперь я худощав и даже более крепок, чем раньше. Я не знаю, что такое брезгливость и мне безразлично, как я выгляжу. На мнения других людей мне с самой, что ни на есть высокой башни... Сам понимаешь.

(Захлопывает альбом, отшвыривая его в сторону груды разбросанных бумаг.) Хочешь убедиться, какая у меня заботливая дочь? Погоди, мы сейчас свет включим. *(Подходит к окну, отдергивает шторы, направляется к противоположной стене и включает свет.)* Оля придет и будет ругать меня за весь этот бедлам. Она захочет вышвырнуть тебя, но я не позволю. *(Приближается к собаке и замечает, что она не двигается.)* Дружище, ты что, сдох? *(Прижимает к себе собаку. В этот момент слышится стук в дверь. Бомж даже не шевелится.)* Теперь ты действительно свободен. *(Подходит к окну).* Жаль, что первый этаж. *(Уходит через окно.)*

В дверь продолжают стучать.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧАСТЬ I

По итогам V Международного
русско-грузинского поэтического фестиваля «Сны о Грузии»

АВСТРИЯ	
Надя Ульбль	6
АЗЕРБАЙДЖАН	
Алина Талыбова	8
АРМЕНИЯ	
Каринэ Халатова	12
БЕЛАРУСЬ	
Валентина Поликанина	15
БОЛГАРИЯ	
Надя Попова	18
ВЕЛИКОБРИТАНИЯ	
Равиль Бухараев	21
Лидия Григорьева	24
ГЕРМАНИЯ	
Вальдемар Вебер	27
Манана Менабде	29
ГРУЗИЯ	
Шалва Бакурадзе	32
Маквала Гонашвили	35
Като Джавахишвили	39
Темо Джавахи	43
Ника Джорджанели	47
Арсен Еремян	50
Шота Иаташвили	53
Эмзар Квитаишвили	57
Белла Кебурия	60
Михаил Ляшенко	63
Гурам Одишария	67
Звиад Ратиани	70
Владимир Саришвили	75
Лия Стура	77
Давид Тедорадзе	79
Бесик Харанаули	81
Бесо Хведелидзе	84
Джансуг Чарквиани	89
Давид Чихладзе	91
ДАНИЯ	
Арсений Ровинский	94

ИЗРАИЛЬ	
Елена Игнатова.....	96
ИСПАНИЯ	
Павел Лукьянов.....	98
КАЗАХСТАН	
Павел Банников	101
КАНАДА	
Бахыт Кенжеев.....	104
ЛАТВИЯ	
Сергей Пичугин	107
ЛИТВА	
Юрий Кобрин.....	109
МОЛДОВА	
Олеся Рудягина	111
ПОЛЬША	
Анастасия Векшина	113
РОССИЯ	
Елена Иванова-Верховская	116
Елена Исаева.....	118
Заур Квижинадзе (Тихон Влади)	121
Юлий Ким	124
Лев Козовский	126
Вадим Муратханов.....	129
Олеся Николаева.....	135
Евгений Рейн.....	138
Юрий Ряшенцев.....	142
Евгений Степанов.....	146
Елена Фанайлова	148
СЕРБИЯ	
Злата Коцич	150
СЛОВАКИЯ	
Валерий Купка.....	153
США	
Алексей Цветков	155
УЗБЕКИСТАН	
Сухбат Афлатуни (Евгений Абдуллаев).....	159
УКРАИНА	
Александр Кабанов.....	163
Борис Херсонский.....	166
ФИНЛЯНДИЯ	
Татьяна Перцева.....	169
ФРАНЦИЯ	
Юрий Юрченко.....	172
ЧЕХИЯ-ФРАНЦИЯ	
Александр Радашкевич.....	175

ШВЕЦИЯ	
Хелена Томассон	178
ЭСТОНИЯ	
Елена Скульская	181

ЧАСТЬ II

По итогам Конкурса молодых русскоязычных литераторов Грузии

ПЕРЕВОДЫ

Сусанна Арменян	187
Анна Григ	190
Ада Джилавдарова	193
Натия Ормоцадзе	195

ПОЭЗИЯ

Сусанна Арменян	197
Серго Кения	199
Анна Кондратенко	201
Анна Лобова-Кубецова	203
Дмитрий Лоскутов	205
Давид Мезурнишвили	207
Игорь Эибов	209

ПРОЗА

Нино Аблотия	211
Уча Авсаджанашвили	215
Дмитрий Амбросов	221
Диана Бабий	224
Диана Баласанян (Редди)	228
Самира Кузнецова	232
Митя Маноленко	239
Олег Мchedlishvili	245
Нино Прангишвили	248
Ася Умарова	251

ДРАМАТУРГИЯ

Марина Ламар	255
--------------------	-----

ИЗДАТЕЛЬ – МЕЖДУНАРОДНЫЙ КУЛЬТУРНО-ПРОСВЕТИТЕЛЬСКИЙ СОЮЗ «РУССКИЙ КЛУБ»

Издание осуществлено при поддержке

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОГО ФОНДА «КАРТУ»
ФОНДА «РУССКИЙ МИР»

Руководитель проекта **НИКОЛАЙ СВЕНТИЦКИЙ**

Составитель **АЛЕНА ДЕНЯГА**
Редактор **АРСЕН ЕРЕМЯН**

Над книгой работали:
НИНА ЗАРДАЛИШВИЛИ, АЛЕКСАНДР СВАТИКОВ

Технический редактор **ДАВИД АБУЛАДЗЕ**
Художник-дизайнер **ИРАКЛИЙ КИПИАНИ**
Компьютерная верстка **ДАВИД ЭЛБАКИДЗЕ-МАЧАВАРИАНИ**

ОТПЕЧАТАНО В ТИПОГРАФИИ «СИТКВА»

